

Часть вторая. Макс

1

Макс Адлер взглянул на светящийся циферблат. Часы показывали полночь. Он лежал с закрытыми глазами уже больше часа, ворочался с боку на бок, но сон не приходил. В голове против воли прокручивались события прошедшего дня, обрывки случайных разговоров, потом вдруг возникали какие-то странные, непонятные видения, и воображение уносило его в надуманный мир ночных фантазий. Это было то сумеречное время суток, когда человек уже не бодрствует, но еще не спит. От сознания того, что ночные часы бегут неумолимо и что на сон остается все меньше времени, попытки заснуть становились особенно мучительными. Он снова и снова отдавал напрасные приказы кому-то, сидевшему внутри него и отказывавшемуся повиноваться — «спать, спать, перестать думать!» Но этот «кто-то» будто издевался над ним и продолжал свое черное дело. Наконец, изнуренный борьбой с самим собой, он заснул неглубоким тревожным сном... Наступил первый майский вторник 199... года, судьбоносный день в его жизни.

Бессонница началась у Макса внезапно, около двух лет назад. Раньше он не знал, что это такое. Он всегда ложился в половине одиннадцатого, минут двадцать читал перед сном, потом выключал

свет, поворачивался на правый бок и через три-четыре минуты засыпал. Сон его был спокойным и крепким, без сновидений или ночных пробуждений, и заканчивался в шесть утра. Будильник ему не требовался. Сколько он себя помнил, это время, минута в минуту, было запрограммировано в нем каким-то непостижимым образом. Макс открывал глаза, переворачивался на спину и лежал минуты две неподвижно. Затем резко откидывал одеяло, вставал и начинал утреннюю рутину, доведенную до автоматизма. Она включала обязательную полчасовую гимнастику, холодный душ и легкий завтрак, состоявший из грейпфрута, кофе с молоком и поджаренных в тостере двух ломтиков белого хлеба с твердым сыром. В семь двадцать, гладко выбритый и безупречно одетый, он спускался в гараж под домом, садился в серебристую «ауди» и отправлялся на работу.

Жил Макс на окраине Кирлингерского леса, в маленьком живописном городке Вейдлинг, расположенном среди холмов и виноградников северного предместья Вены. Сначала он выезжал в сторону Дуная по узкой извилистой Демгассе, которая через шестьсот метров переходила в более широкую и прямую Брандмейерштрассе, а затем поворачивал на юг вдоль реки по магистральной Хейлингенштрассе. Он доезжал до Северного моста, пересекал по нему Дунай и попадал в левобережный район Флорисдорф. Этот отрезок пути занимал обычно двадцать минут. Еще десять минут уходило, чтобы доехать по Бруннерштрассе до просторного компаунда нефтяной компании «Эрдойль Гезельшафт», где Макс работал старшим специалистом в отделе зарубежной разведки. Он отвечал за операции компании в Юго-Восточной Азии и Австралии. В его обязанности входила оценка нефтя-

ного потенциала этих регионов, составление разведочных проектов и контроль за их выполнением. Такая работа требовала досконального знания не только геологии и технологии разведки, но также нефтяного рынка, инфраструктуры и политической обстановки в странах, где проводились поиски. Макс хорошо разбирался в сложном переплетении столь многообразных факторов, от которых зависел успех нефтяного бизнеса. То, чем он занимался, было, по его убеждению, лучшим из всех возможных сочетаний в профессии разведчика. С одной стороны, он не мыслил свою жизнь вне геологии, которую считал одной из трех самых увлекательных научных областей, наряду с астрономией и биологией. С другой стороны, возможность бывать в разных странах отвечала его страсти к путешествиям. «Достоин одобрения тот, кто соединяет полезное с приятным» — эти слова Горация он сделал своим девизом.

Но главным, конечно, было то, что его проекты и рекомендации приводили к открытию новых месторождений. Обязательные ежегодные оценки результатов работы, хранившиеся в его личном файле в отделе кадров, отражали эти успехи и были составлены в самых лестных выражениях. Поэтому у Макса была безупречная профессиональная репутация. А поскольку все знали, что он не претендует на какие-либо административные должности, то отношения с коллегами были дружеские и корректные. Впрочем, если требовалось, Макс умел быть жестким и непреклонным. И это тоже все знали.

По существу, работа занимала главное место в жизни Макса Адлера. В то же время его нельзя было назвать трудоголиком, которого ничто другое не интересует. Раз в месяц он обязательно бывал

в оперном театре, не пропускал интересные выставки и концерты. А зимний отпуск проводил обычно в Альпах, на горных лыжах. Такая счастливая гармония между работой, отдыхом и теми занятиями, которые доставляли ему удовольствие и даже радость, сложилась как-то сама собой, без особых усилий с его стороны. С годами она определила и общий стиль жизни Макса.

Возвратившись с работы, он переодевался в спортивный костюм и совершал часовую пробежку по аллеям и тропинкам Кирлингерского леса, образующего северную, наименее людную часть обширного Венского лесного массива. Потом принимал душ, ужинал в небольшом ресторанчике недалеко от дома, а оставшееся до сна время либо читал, либо смотрел телевизор, предпочитая научные программы или «Нэшнл джиографик».

Из того, что читателю уже известно о нашем герое, нетрудно догадаться, что жил он один. С женой Макс развелся пять лет назад. Детей у них не было. Не было у него и близких родственников. В Израиле и Канаде жила какая-то дальняя родня, но связь с ними давно оборвалась. После развода стали постепенно ослабевать, а затем и вовсе прекратились приятельские отношения с несколькими супружескими парами, входившими в их общий с женой круг знакомых... Когда-то давно, более двадцати лет назад, была у Макса девушка по имени Джулия. Они идеально подходили друг другу и физически, и духовно, и интеллектуально. Джулия, талантливая балерина, была моложе Макса на десять лет, и им казалось, что это единственное различие между ними. Но они забыли о другом различии — семья Джулии была очень богата, принадлежала к элите общества. Брак дочери с Максом не входил в планы ее родителей, и их заставили расстаться. Джулия

вышла замуж за кого-то из своего круга, и Макс вычеркнул ее из своей жизни. Но не из памяти. Этот урок социального неравенства он запомнил навсегда...

Такой образ жизни, возникший исключительно в силу сложившихся обстоятельств, вовсе не говорит о нелюдимости Макса или склонности к одиночеству. Он любил и ценил содержательное человеческое общение, но считал, что подлинные друзья появляются лишь в молодые годы, а в зрелом возрасте поздно наверстывать упущенное. Так уж получилось, что судьба не свела его тогда со сверстниками, близкими по духу и интересам. Молодость Макса совпала со сложным историческим временем, да и проходила она в условиях, не способствовавших возникновению прочных дружеских связей. Однако он не видел здесь особой проблемы и не испытывал от этого какого-либо дискомфорта, ибо принадлежал к тому типу людей, которых называют самодостаточными. Интересная работа, увлекательная книга, хороший концерт, горные лыжи, путешествия — все это целиком заполняло его жизнь. Он не считал, что слушать музыку, кататься на лыжах или путешествовать нужно обязательно в обществе знакомых. Наоборот, наибольшее удовольствие он получал, делая это один.

После развода Макс не тяготился одиночеством, а, напротив, обнаружил в нем неоспоримые удобства и преимущества. Впрочем, он был далек от того, чтобы лишать себя насущных физиологических потребностей. Дважды в неделю, в среду и пятницу, он брал с собой в машину свежую тщательно выглаженную рубашку и смену нижнего белья. В эти дни он не ночевал дома, а наносил визит фрау Эльзе, молодой пышнотелой вдове, знавшей толк в любви. Макс дорожил их добрыми стабильными от-

ношениями, а она считала его внимательным и заботливым другом, каким он и был на самом деле. Их обоим устраивала эта прочная привязанность без каких-либо взаимных обязательств. В дни этих визитов приходила женщина, которая убирала его дом, покупала продукты и относила белье в прачечную.

Однако мы немного отвлеклись и забыли, что в начале рассказа речь шла вовсе не о среде и пятнице, а о некоем конкретном вторнике в мае 199... года, который, казалось, ничем не отличался от всех прочих рабочих дней недели. Как обычно, Макс проснулся в шесть утра, несмотря на то что заснул поздно. Он полежал пару минут на спине, затем откинул одеяло, сел на кровати, свесил ноги и нащупал шлепанцы. Он уже готовился было встать и приступить к утренней рутине, как вдруг ощутил какую-то непривычную и еще не вполне осознанную пустоту. Что-то было в это утро не таким, как всегда. Макс окончательно стряхнул с себя остатки сна и только тогда вспомнил, чем именно было вызвано такое ощущение. С этого дня его жизнь резко и бесповоротно изменилась. Ему больше не надо было, как это происходило на протяжении последних двух десятилетий, выезжать в семь двадцать на Демгасе, в семь сорок пересекать Дунай по Северному мосту и без десяти восемь парковать свою «ауди» около офиса компании. С сегодняшнего дня он был уволен. В возрасте пятидесяти пяти лет он стал безработным. А поскольку «Эрдойль Гезельшафт» была единственной нефтяной компанией в Австрии, то поиски новой работы теперь могли быть связаны только с иностранными фирмами. Для этого нужно было рассылать письма и документы, ездить на интервью. Но Макс чувствовал себя настолько опустошенным, что был не в состоянии заниматься такими

делами. Кроме того, он понимал, что в его возрасте найти работу будет нелегко. Последние годы он работал с огромным физическим напряжением, зачастую по шестнадцать часов в сутки. Поэтому его единственным желанием было отдохнуть, обрести прежнюю форму и на какое-то время отключиться от всяких служебных забот.

Увольнение не было для Макса полной неожиданностью. Он знал о неизбежности этого события и готовился к нему на протяжении почти трех лет, вскоре после того, как в компании появился Дейв Пауэлл, новый вице-президент по зарубежной разведке. Как человек разумный и уравновешенный, он был уверен, что встретит этот день с философским спокойствием и достоинством, без ненужных эмоций и надрыва. Однако он даже представить себе не мог, каким трудным и опустошающим будет первое утро его новой жизни. Не первый месяц, не первая неделя и даже не первый день, а почему-то именно утро, которое вообще не играло никакой роли в его планах и размышлениях. В сущности, что такое утро? Всего лишь момент пробуждения, краткий отрезок времени между сном и долгим активным днем, какие-то шестьдесят минут, когда человек вообще ни о чем значительном не думает, а действует машинально по давно заведенному распорядку — идет в туалет, умывается, чистит зубы, бреется, делает гимнастику, принимает душ, завтракает. Мысли, а с ними и проблемы приходят потом, когда он погружается в суету дня, сталкивается с необходимостью что-то обдумывать, принимать какие-то решения, действовать. И вот это первое утро его жизни безработного наступило... Макс сидел на кровати, свесив ноги, поставив их на шлепанцы, и никак не мог решить, что же делать дальше. Такой странный вопрос перед ним нико-

гда еще не возникал. Он был совершенно не готов к нему. Что-то вдруг рухнуло и ушло безвозвратно. И это была даже не сама работа, к которой его мысли будут еще не раз возвращаться, а всего лишь ежедневная утренняя рутина, которую он прежде вообще не замечал...

Макс не знал, сколько времени просидел на кровати в состоянии какого-то постыдного оцепенения — десять, двадцать, тридцать минут? Наконец, он заставил себя встать и проделать все те утренние процедуры, которые раньше выполнялись им с автоматизмом робота и поэтому не задерживались в памяти. Он никогда до этого не задумывался даже об их последовательности. Но сейчас он вдруг засомневался, что следует делать в первую очередь — чистить зубы или бриться? После некоторого раздумья он все-таки сначала почистил зубы. Затем не спеша проделал всю утреннюю рутину, завершившуюся завтраком, вымыл посуду и оделся. Это заняло у него немислимо долгое время — более двух часов. Закончив дела, он спустился в гараж, сел в машину и выехал на Демгассе. Он доехал до Хейлингенштрассе и остановился на обочине. Постояв минут пять, двинулся дальше, но на ближайшем перекрестке развернулся и поехал обратно. Справедливости ради надо сказать, что, уже садясь в машину, Макс поймал себя на мысли, что делает что-то не то, затевает какой-то самообман, какую-то детскую игру с самим собой. Но противиться такому необъяснимому желанию не стал. Ему было любопытно увидеть как бы со стороны, чем все это закончится.

Итак, он вернулся, поставил машину в гараж и поднялся в дом. Снял костюм, завязал галстук и облачился в серый стеганный халат. Наивная попытка вырваться из цепкого капкана жизни безра-

ботного закончилась нелепым конфузом. Больше он такие глупости делать не будет. То, что произошло в это утро, было отражением внезапного замешательства и утраты чувства реальности, которые совершенно выбили Макса из привычной жизненной колеи.

Около часа потребовалось ему, чтобы привести мысли в порядок и начать обдумывать что-то, отдаленно напоминающее план или программу действий на ближайшие месяцы. Без особых сомнений и колебаний он решил, что прежде всего отправится в долгое путешествие. Во-первых, Макс нуждался в смене обстановки, а во-вторых, он давно мечтал о такой поездке. Путешествия были одним из его главных увлечений. Он побывал во многих странах, но заветным желанием оставалось добраться до экзотических рифовых атоллов Тихого океана с такими таинственными и завораживающими названиями, как Кваджалейн, Раротонга, Капингамаранги. И вот теперь самое время сделать это. Еще в школьные годы Макс придумал для себя увлекательную игру. Брал контурную карту мира и стряхивал чернила с перьевой ручки на акватории океанов. На бумаге появлялись кляксы самых разных размеров и очертаний. Он обводил их и воображал, что это неведомые острова. Затем придумывал им названия, наносил в глубине заливов и бухт портовые города и рыбацкие деревушки, связывал их дорогами. Иногда из островов возникали целые архипелаги. Тогда он возводил их в ранг государств, соединял порты между собой и с окружающими континентами пунктирными линиями, воображая их судоходными трассами, и начинал путешествовать. Так появился у него на всю жизнь интерес к географии, а потом и к геологии.

...Вдруг, будто в виде компенсации за постыдное оцепенение, охватившее его утром, Макс захотелось делать все быстро, энергично, не откладывая на завтра. Он подошел к книжному шкафу и начал снимать с полок книги и туристические проспекты, касавшиеся Тихого океана. Часть этой литературы была сложена двумя высокими стопками наверху шкафа, и пришлось принести лестницу, чтобы достать ее. Разобрав книги, он увидел около стены черный цилиндрический футляр. Макс снял его, вытер пыль, извлек находившийся внутри рулон ватмана и присвистнул от неожиданности. На ватмане было вычерчено генеалогическое древо двух семей, Адлеров и Ландау, которое когда-то давно составили его родители, а затем сам Макс дополнил недостававшими данными. Эта изображенная графически семейная хроника пролежала на шкафу так долго, что Макс совершенно забыл о ней. Была какая-то таинственная предопределенность в том, что он обнаружил ее в столь не простой для себя день, будто многочисленные предки решили именно сейчас напомнить ему о себе и сообщить некий важный семейный секрет.

Макс развернул рулон на столе, придавил углы книгами и стал с интересом рассматривать свою родословную. Теперь он воспринимал ее не так, как тогда, около тридцати лет назад, когда увидел впервые. От того первого знакомства с генеалогическим древом остались лишь смутные воспоминания о множестве имен, которые смешались у него в голове и которые он даже не пытался расположить по степени родства и соотнести с самим собой. Многочисленные Альфреды, Юлиусы, Теодоры, Розы, Клары, Эммы... Те из них, кто составлял одну ветвь древа, не знали о существовании другой ветви, ибо принадлежали к двум разным семейным

кланам, соединившимся в некое виртуальное целое лишь благодаря браку Леопольда Адлера и Берты Ландау. И сейчас единственным оставшимся в мире реальным воплощением этого брака, а следовательно, и всего древа, был он, Макс Адлер, сын Лео и Берты. Как выглядели все эти люди, чем увлекались, какими талантами обладали, от чего страдали и чем гордились? Макс этого никогда не узнает. А ведь частицы их индивидуальности, перемешавшись причудливым образом и совершив немислимый генетический твист, перешли к нему и сделали его таким, каков он есть.

Макс с любопытством разглядывал сложные родственные связи, обозначенные замысловатым пересечением линий, стрелок и прямоугольников. Слова и цифры внутри них были единственным зримым напоминанием о давно ушедших предках, сведенной до предельного минимума информацией: имя, фамилия, год рождения — тире — год смерти. Вспомнились удивительно точные строки забытого поэта:

Неважно, кто какого чина,
Рожденья год — тире — кончина.
Приходит так конец Игре —
Жизнь умещается в тире...

Макс вдруг перестал обращать внимание на имена, которые мало что говорили ему, а сосредоточился на датах, разделенных короткими черточками. Они поразили его. Неожиданно он обнаружил, что все его многочисленные прадедушки, прабабушки, дедушки, бабушки, дяди и тети с обеих сторон, которые умерли естественной смертью, оставили этот мир в весьма преклонном возрасте — за девяносто, а кое-кто перешагнул и столетний рубеж. Исключением были те, кто сгорел в огне

Холокоста. Их возраст был самый разный — от пяти лет и до глубокой старости. Датами их смерти Макс дополнил когда-то генеалогическое древо. Среди них были его дед, родители, старшие брат и сестра...

Максу вспомнились отрывочные эпизоды детства, будто выплывшие из тумана далекого прошлого. Вот какой-то семейный праздник, все собралось в большой гостиной. Ему четыре года, он стоит между коленями прадеда Бруно Ландау, которому уже сто лет. Прадед гладит его по головке и говорит какие-то ласковые слова. Вдруг он забывает нужное слово и просит внучку Берту напомнить его. «Забывчив ты стал, дедушка», — улыбается Берта. «Да, внучка, забывчив стал», — отвечает старик. — Потому и живу». Все смеются. Макс не понимает, что смешного сказал прадед. Иногда он забывал застегнуть ширинку, но над этим, наоборот, смеялся только маленький Макс, и никто больше.

Затем в памяти возникает сарай на опушке леса. Они с отцом входят внутрь. Там их ждет какой-то незнакомый человек. Отец опускается на корточки и прижимается лицом к лицу Макса. Щеки мальчика становятся мокрыми, и он недовольно вытирает их рукавом. Потом отец быстро выходит, а незнакомый человек берет Макса за руку и выводит через заднюю дверь. Там стоит конная коляска. Они долго едут куда-то. С этого дня Макс живет в другой семье. Потом он узнает, что человек в сарае был компаньоном отца. После войны он оплатил его учебу в университете. От него же Макс получил рулон ватмана, лежавший сейчас перед ним, и шкатулку, в которой хранились несколько фотографий, прощальное письмо отца и старинные карманные часы-брегет, принадлежавшие деду Оскару Адлеру.

Макс снова взглянул на даты, указанные в родословной, и подумал, что жить придется долго. Не этот ли секрет решили сообщить ему сегодня многочисленные Адлеры и Ландау, сведенные по прихоти судьбы на одном листе ватмана? Нельзя сказать, что известие о принадлежности к роду долгожителей удивило его. Скорее озаботило. Теперь надо было думать, как распорядиться этим неожиданным подарком. Подарком ли? Раньше он никогда об этом не задумывался, хотя и понимал, что генетика ему досталась неплохая. В свои пятьдесят пять он ни разу не обращался к врачам, если не считать удаления аппендицита лет тридцать назад и лечения ноги, поврежденной на горных лыжах. В зубоврачебном кресле сидел только однажды, когда потребовалось запломбировать два зуба. Макс не знал, что такое боли в сердце или печени, какие страдания доставляют мигрень или запоры. Ему были неведомы муки радикулита или затрудненного мочеиспускания. Такие слова, как диабет, геморрой, импотенция, депрессия, имели для него абстрактное значение. При росте сто восемьдесят он весил ровно восемьдесят килограммов.

Макса нельзя было назвать красивым мужчиной в том смысле, как это понимают женщины. Поэтому они редко обращали на него внимание при первой встрече. Не было у него и того внешнего налета интеллигентности, который отличает человека, родившегося в семье с давними культурными традициями. Высокий лоб не очень гармонировал с несколько грубоватым скуластым лицом, на котором выделялись маленькие, глубоко посаженные глаза и крупный нос. Редкие черные волосы были слегка тронуты сединой. Однако такая внешность не давала истинного представления о нем, что становилось очевидным после непродолжительного общения.

Собеседники быстро меняли первое обманчивое впечатление, а женщины начинали видеть другую красоту — не внешнюю, а гораздо более привлекательную внутреннюю.

...Да, жить придется долго, снова подумал Макс. Лет сорок, а то и больше. Чем же заняться, чем заполнить эти годы впереди? Можно, конечно, отправиться в долгое путешествие, даже на целый год. Его финансовое положение было достаточно прочным, что позволяло не думать о расходах. Ну а потом? Нельзя же все время путешествовать. Как это часто бывает, Макс отличался разносторонними интересами, но у него не было какого-либо хобби, которому можно посвятить свободное время. В молодости он пытался рисовать, но из этого ничего не вышло из-за отсутствия способностей. То же произошло и с желанием писать — оказалось, что сочинять не так-то просто. Не умел он и вырезать по дереву, разводить аквариумных рыбок, копаться в саду, хотя при доме, купленном двадцать лет назад, был приличный участок земли. За цветами и травой ухаживал садовник из фирмы ландшафтного дизайна. К любой так называемой общественной деятельности Макс испытывал хроническую аллергию еще с молодости. Одним словом, всепоглощающего хобби у него не было.

...Макс продолжал рассеянно скользить взглядом по листу ватмана, словно надеясь извлечь еще какую-нибудь информацию о предках. Впрочем, двигали им скорее инерция и вялое любопытство, нежели осознанный интерес или сентиментальность. Рядом с некоторыми именами были приведены данные о месте рождения и профессии. А если речь шла о лицах, породнившихся с семьей, то указывалось их происхождение. Например, около имени жены Теодора Ландау, дяди Макса по материн-

ской линии, было написано: «Клара, дочь адвоката Соломона Вайса из Галиции». Это уточнение «из Галиции» показалось Максу забавным и привлекло внимание. Если учесть, что поженились Теодор и Клара намного позже распада Австро-Венгрии, когда Галиция уже отошла к Польше, то был в этом уточнении некий наивный снобизм, присущий коренным жителям Вены.

Около имени деда Оскара Адлера тоже стояла какая-то надпись из четырех слов, но язык был не немецкий. Буквы вообще были не латинские. Макс снял с полки энциклопедию и открыл таблицу не-латинских алфавитов. Оказалось, что слова написаны каллиграфическими печатными знаками на иврите. Это озадачило его. Он вспомнил, что отец очень трогательно писал о дедушке Оскаре. Макс достал из шкафа шкатулку с реликвиями, вынул из нее письмо и стал внимательно перечитывать. Первая страница была очень эмоциональная и касалась родителей, брата и сестры. Хотя со времени их трагической гибели прошло почти полвека, он снова почувствовал комок в горле. Дальше отец переходил к дедушке, и эта часть письма была похожа на какую-то информацию, смысл которой не вполне понятен. Отец писал, что дедушка очень состоятельный человек, но, к сожалению, в силу обстоятельств лишен возможности распоряжаться своим имуществом. Поэтому единственное, что он может оставить Макс на память, — это золотой старинный брегет. Отец настойчиво просил хранить эту драгоценную вещь, никогда не передавать в чужие руки и не ремонтировать, так как современные мастера могут испортить уникальный механизм. Стрелки брегета были неподвижны, а головка заводного механизма не вращалась. Но как часы они и не представляли никакой ценности. Поэто-

му у Макса даже не возникала мысль о ремонте. Он просто хранил их в шкатулке как память о дедушке, погибшем в Холокосте. Письмо заканчивалось загадочными словами с каким-то явным подтекстом: «Это наш семейный талисман, который принесет тебе удачу и счастье. Твоя жизнь должна сложиться хорошо. Дедушка Оскар любит говорить, что лучшая месть — это хорошо жить». Когда Макс впервые много лет назад прочитал письмо, то подумал, что эти фразы отражали душевное состояние отца, надежду, что младший сын переживет Катастрофу и станет таким же преуспевающим человеком, как дед. В конце письма был постскрипtum, который казался никак не связанным с его содержанием: «Тебе будет полезно хотя бы немного изучить иврит». Впрочем, это выглядело просто как доброе пожелание.

Макс извлек «талисман» из шкатулки. Часы были увесистые, диаметром более шести и толщиной не менее полутора сантиметров. На циферблате стояло имя французского мастера Брегета. Золотую заднюю крышку украшала витиеватая резьба, на которой читался год изготовления — 1818. Макс начал машинально вглядываться в завитушки резьбы и вдруг увидел искусно вписанные в них и незаметные при беглом осмотре ивритские буквы. Он подошел к ватману и сравнил их с надписью около имени деда. Оказалось, что буквы на часах составляли три последние слова из надписи на генеалогическом древе. Первого слова на них не было. «Любопытно, — подумал он, — надо будет узнать, что они означают». Заинтригованный, он тщательно перерисовал в записную книжку слова с ватмана, сверяясь с таблицей в энциклопедии. Знаки имели четкие прямоугольные очертания, и копировать их было несложно.

Компания «Эрдойль Гезельшафт» была основана в конце двадцатых годов для поисков нефти в районе между Веной и чешской границей. С самого начала она принадлежала нескольким учредителям, ни один из которых, впрочем, не имел контрольного пакета акций. Помимо них было много мелких пайщиков, владевших долями процента каждый. Управлял компанией Совет директоров, который избирался на общем собрании держателей акций и назначал президента и вице-президентов. В него входили, кроме влиятельных представителей финансовых и промышленных кругов, также наиболее крупные акционеры. Самый большой пакет долгое время не превышал десяти процентов. Компания выплачивала хорошие дивиденды, и поэтому никто не хотел продавать свою долю. Но в середине тридцатых годов владельцу десятипроцентного пакета удалось приобрести дополнительные акции, предложив за них выгодную цену, и увеличить свою долю до двадцати пяти процентов. После этого он стал так называемым контролирующим акционером компании и получил постоянный пост вице-председателя Совета директоров. Однако, будучи занят другими бизнесами, он никогда не присутствовал на заседаниях, поручив защиту своих интересов небольшой венской адвокатской фирме «Ленхард и компаньоны», глава которой представлял его в совете и которая, в свою очередь, была младшим партнером швейцарской фирмы «Манфред и Рорвиг».

В марте 1938 года, на следующий день после аншлюса, контролирующий акционер «Эрдойль» продал швейцарской фирме весь свой пакет. Впрочем, эта финансовая операция прошла почти незамеченной в компании и никак не отразилась на

ее деятельности. Отто Ленхард по-прежнему продолжал занимать пост вице-председателя Совета директоров, но теперь он представлял адвокатскую фирму «Манфред и Рорвиг». После войны имя бывшего контролирующего акционера никто уже не помнил, даже ветераны компании.

В шестидесятых годах «Эрдойль» вышла на международную нефтяную арену, и ее оперативная активность резко возросла. Она приобрела концессии в нескольких странах третьего мира и успешно вела там разведочные работы. В ее структуре были созданы региональные отделы, курирующие поиски нефти в Африке, Южной Америке, Юго-Восточной Азии и в ряде других районов. Это привело к возникновению партнерских связей с международными корпорациями и национальными нефтяными компаниями.

Три года назад в «Эрдойль» произошло знаменательное событие. Впервые за всю ее историю на одну из руководящих должностей был приглашен иностранец. Им был англичанин Дейв Пауэлл, ставший вице-президентом по зарубежной разведке. Поговаривали, что это назначение имело прямое отношение к более чем тесным связям президента «Эрдойль» Гельмута Келлера с одной из крупнейших британских нефтяных корпораций. Во всяком случае, то, что Пауэлл — человек Келлера, было очевидным для всех. В компании отнеслись к его появлению без энтузиазма. Хотя Совет директоров и утвердил назначение по рекомендации президента, но Пауэлл все же оставался темной лошадкой. Поэтому он нуждался в быстром и впечатляющем успехе, чтобы продемонстрировать свое соответствие должности и упрочить профессиональную репутацию. В этом же был заинтересован и пригласивший его Келлер.

В прошлом Пауэлл несколько лет работал в Австралии. И он решил, что именно этот регион больше всего подходит для такой цели. Он вызвал начальника отдела Юго-Восточной Азии и Австралии Зигфрида Кляйна и затребовал все имеющиеся оперативные геологические и геофизические материалы по региону. Ответственным за эти материалы был Макс Адлер. Так произошло его первое близкое знакомство с новым вице-президентом. Пауэлл приступил к их детальному изучению, изредка обращаясь к Максусу за дополнительными сведениями. Через два месяца было объявлено, что компания приобрела в Новой Гвинее морскую разведочную концессию в западной части залива Папуа около дельты реки Флай (по-английски «муха») и вскоре приступит к самому крупному зарубежному проекту. Стало известно, что Дейв Пауэлл сам проанализировал материалы по акватории залива и обнаружил гигантское геологическое поднятие, названное им Биг Флай («Большая муха»), — классический объект для нефтяной разведки. Обычно такие проекты разрабатывал Макс Адлер, а если они поступали от партнеров, то в обязательном порядке передавались ему для экспертного заключения. На этот раз он был отстранен от работы. Пауэлл не собирался делить успех с кем бы то ни было. Далеко не все в компании желали ему удачи. И с этого момента его стали за глаза называть папуасом.

Стоимость проекта была огромной. Но папуасу удалось убедить Келлера в его высокой перспективности и экономической рентабельности, а затем оба они без особого труда добились согласия Совета директоров на получение банковского кредита. События развивались стремительно. «Эрдойль» заключила контракт с фирмой морского бурения

«Ошеан Дриллинг» в Лос-Анджелесе, и плавучая буровая установка «Сэми»* вышла в море, взяв курс на Новую Гвинею.

В разгар всей этой лихорадочной активности Зигфрид Кляйн зашел в комнату Адлера.

— Послушай, Макс, что ты думаешь об этой затее?

Адлер молча пожал плечами.

— Это же твой район, — продолжал настаивать Кляйн. — Должен же ты иметь собственное мнение. Ты что, согласен с папуасом? Там действительно есть эта муха?

— Не знаю, — ответил Макс, — я не видел его интерпретацию. Многое зависит, как ты знаешь, от того, какие сейсмические скорости** он использовал. Я передал ему все, что у меня было, и понятия не имею, как он обработал и экстраполировал данные по ближайшим скважинам на суше, в которых проводился сейсмокаротаж***.

— У тебя есть копии этих материалов?

— Конечно. Копии карт и другой графики у меня имеются, а остальные данные есть в компьютере.

— Вот что, Макс. Сколько времени тебе потребуется, чтобы проверить все это?

— Ты имеешь в виду расшифровку структуры под водами залива?

— Да, именно это я имею в виду.

— Ну, если работать плотно, то две недели, не меньше.

---

* Сэми — сленговое сокращение английских слов semi-submersible drilling rig — полупогружная буровая установка на двух подводных катамаранах.

** Сейсмическая скорость — скорость распространения сейсмических волн в разных породах.

*** Сейсмокаротаж — экспериментальное определение сейсмических скоростей в скважине.

— Хорошо. Продолжим разговор через две недели. И еще вот что — о том, что ты этим занимаешься, никто знать не должен.

Ровно через две недели Макс позвонил Кляйну: «Приходи. Посмотришь, что получилось». Когда тот вошел, на большом рабочем столе уже лежали карты, профильные разрезы и таблицы сейсмических скоростей. Кляйн, не говоря ни слова, стал внимательно рассматривать их. Он был опытный геолог, настоящий профессионал и сразу все понял.

— Черт возьми, не зря у меня было предчувствие. Значит, все-таки ничего нет. Нет мухи — ни большой, ни маленькой. Веселенькая история. Что будем делать, Макс?

— Не знаю, Зигфрид. Они так раскрутили маховик, что даже приближаться опасно. Закончится все это плохо.

— Да, закончится плохо. «Сэми» уже подходит к островам Гилберта. Скважина будет стоять сорок миллионов долларов, а весь проект — около ста. Пахнет грандиозным скандалом. Может, все-таки попытаться остановить эту затею?

— Видишь ли, если бы здесь была только профессиональная ошибка, то попытаться было бы можно. Но за всем этим стоят личные амбиции, и не только Пауэлла, но и Келлера. Это важнее интересов компании. Сотрут в порошок.

— Да, пожалуй, ты прав. Лучше не связываться. Ну что ж, спрячь все это подальше. И будь что будет. Нас это не касается.

Через несколько дней, на новогоднем вечере, который компания традиционно устраивала в итальянском ресторане, Кляйн, как обычно, выпил лишнего, и когда речь зашла о бурении в заливе Папуа, небрежно заметил: «Ни хрена там нет».

— Как нет? — не без удовольствия воскликнул начальник юридического отдела Карл Финк, один из наиболее явных недоброжелателей Пауэлла. — Там же, по словам этого британца, огромное поднятие.

— Нет никакого поднятия. Большая муха улетела, остался огромный мыльный пузырь. Вон Макс может подтвердить, — Кляйн кивнул в сторону стоявшего поодаль Адлера.

— А мы сейчас спросим, — Финк направился к Максусу.

В этот момент Кляйн внезапно протрезвел и ухватил его за руку: «Оставь. Я просто пошутил». Но слово вылетело... В компании процветало доносительство. Не прошло и двух дней, как об этом стало известно Пауэлла.

После Нового года Кляйн зашел к Максусу. Он был взволнован.

— Послушай, Макс. Папуас каким-то образом узнал о твоей карте. Я только что был у него. Он хочет видеть ее. Мне пришлось сказать, что она у тебя. Извини, дружище, но просто не было выхода.

— Что значит «каким-то образом узнал»? Ведь кроме нас двоих, о ней никто не знает. Я никому не говорил. Ты, что ли, ляпнул?

— Ну что ты! Ты же знаешь, это не в моих интересах. Да и какое это сейчас имеет значение? Главное, что он что-то знает. Я просто зашел предупредить.

— Слушай, Зигфрид, но ведь это было твое задание.

— Разумеется. Я не отрицаю. Но какой смысл говорить об этом Пауэлла? Ты уж как-нибудь постарайся выкрутиться. Одному это сделать проще, чем двоим. Скажи, что поиграл скоростями ради любопытства. Войди в мое положение — у меня же трое детей. Ну, удачи, — бросил Кляйн уже в дверях.

Минут через десять позвонила секретарь Пауэлла и попросила зайти к боссу. «Захватите карту и другие материалы по заливу Папуа», — сказала она.

— Заходите, Макс. Как дела? — приветствовал его Пауэлл. — Принесли что-то интересное? Ну что ж, давайте посмотрим.

Макс разложил материалы на столе. По мере того, как папуас разглядывал их, его маленькое птичье лицо становилось пунцовым. Наконец он побагровел весь, от подбородка до лысины.

— Сейсмокаротаж какой скважины вы использовали? — резко спросил он.

— Скважины «Аворро» компании «Тексако».

— На каком основании? Вы что, не видите, что скважина «Дару», пробуренная «Бритиш Петролеум», расположена совсем рядом с нашей концессией, а «Аворро» — на расстоянии тридцати километров от нее?

— Географически это так. Но «Аворро» находится в той же геологической зоне, что и концессия, а «Дару» — в другой зоне, с другим составом пород и другими скоростями. Мне бы не хотелось это говорить, Дейв, но использование скважины «Дару» привело к появлению на вашей карте ложного, несуществующего поднятия.

— Вызывающее и самонадеянное заявление. Что дает вам право утверждать это?

Макс подошел к профильным сейсмическим разрезам и показал на них границы геологических зон. Они были настолько очевидны, что у Пауэлла не нашлось возражений.

— Когда вы построили карту? — спросил он.

— Недели две назад.

— С какой целью?

— Мне было просто интересно. Я ведь курирую этот район, — спокойно ответил Макс.

— Что значит «курирую»? Сейчас я его курирую. И я не просил вас заниматься этим. Вы что, хотели проверить меня? Ваша карта — безграмотная чушь.

Макс бросил на Пауэлла насмешливый взгляд.

— Не паникуйте, Дэйв. Верните «Сэми» обратно, — сказал он твердо. — Ваша «Большая муха» — это большой блеф.

— Какая наглость! Кто, кроме Кляйна, видел карту?

— Никто.

— Идите. Материалы оставьте здесь.

После разговора с Пауэллом положение Макса в компании резко изменилось. Через несколько дней его перевели из большой светлой комнаты, которую он занимал уже много лет, в маленькую полутемную каморку в конце коридора. Коллеги перестали заходить к нему, а встречаясь в вестибюле или в столовой, ограничивались лишь коротким приветствием, а то и просто едва заметным кивком. Зигфрид Кляйн в присутствии других старался не показывать прежние дружеские отношения, а наедине подбадривал ничего не значащими словами: «Держись, Макс, все образуется. Наберись терпения и не падай духом. Вот провалятся они в заливе Папуа и увидят, что ты был прав. Тогда все изменится». Оба они понимали, что тогда-то все и начнется...

Но хуже всего было то, что Макс вдруг перестал получать задания. После проекта, который был начат еще до разговора с Пауэллом и закончен через месяц после него, Кляйн больше не передавал ему материалы для анализа или экспертной оценки. Его не приглашали на технические совещания, его мнением никто не интересовался даже тогда, когда

речь шла о регионах, по которым он был признанным специалистом. В откровенной форме ему давали понять, что он должен уйти из компании. В то же время просто уволить его в приказном порядке было невозможно, учитывая безупречную прошлую работу, которая была документально подтверждена ежегодными оценками, хранившимися в его файле. Наконец Макс не выдержал и пришел к Кляйну.

— Зигфрид, в чем дело? Что происходит? Ты что, думаешь, я уйду добровольно? Не надейся. Только за последние пять лет у меня в активе три новых месторождения, которые приносят компании миллионы. И не забывай — это ты впутал меня в эту историю. Так что в случае чего окажемся на улице вместе.

Кляйн побледнел.

— Макс, дружище, поверь, я здесь ни при чем. Ничего не могу сделать. Всем этим дирижирует папуас. Попробую поговорить с ним, но ничего не обещаю.

На следующий день Кляйн зашел в каморку Макса.

— Ну вот, твое безделье закончилось. Есть срочная работа — оценить перспективы нефтеносности восточной части острова Калимантан и составить детальный план разведки. Срок — два месяца. И учти — ни дня больше. Через три месяца тендер на разведочную концессию.

— Ты шутишь, Зигфрид? Я знаю этот район. Для него и шести месяцев мало. И что значит — ни дня больше?

— Срок определил папуас. Он подчеркнул, что опоздание даже на один день будет считаться невыполнением проекта. Ты, конечно, можешь отказаться. Но срок следующего проекта будет еще менее реальным. А два отказа — повод для увольнения за

профессиональное несоответствие. У тебя просто нет выбора. Так что берись за работу, и будем уповать на бога.

— Уповать на бога, которого нет... Ну что ж, давай проектное задание.

Макс начал в тот же день и работал по двенадцать часов в сутки. Это был изнурительный марафон наперегонки с календарем. Через два месяца, день в день, детальный геологический анализ и план разведки были готовы. Презентация проходила при необычно многолюдной аудитории. Вся компания знала, что предстоит публичная расправа. Поэтому одни пришли из любопытства, другие — из-за профессионального интереса, а третьи, составлявшие специально отобранную группу, — с целью разыграть заранее подготовленный сценарий и провалить проект. Но справиться с заданием им не удалось. Ни один из них не владел материалом так, как Макс. Поэтому он с легкостью отвечал на каверзные вопросы и парировал критические выступления. В результате его план разведки был принят полностью, без малейших изменений и замечаний. Вскоре после этого Макс узнал, что никакого тендера в этом районе не было, и «Эрдойль» не планировала проведение здесь разведочных работ. Жесткий срок, отведенный для проекта, имел только одну цель — сделать его невыполнимым.

В эти дни впервые в жизни у Макса начались проблемы со сном. Режим работы был намеренно выматывающим. Но, будучи человеком сильным и волевым, он твердо решил, что это не должно повлиять на его физическое и душевное состояние. Однако решить оказалось легче, чем сделать. Он ложился спать в половине одиннадцатого, как обычно. Но сон не приходил, несмотря на неизменно усталость. Вместо этого калейдоскопом

проносились события прошедшего дня и в голову лезли, вопреки логике и здравому смыслу, какие-то дикие фантазии, всегда на одну и ту же тему — как он отомстит папуасу! Порой месть принимала изощренные формы... Вот он едет ночью по пустынной дороге и видит в кювете перевернутый автомобиль, а в нем раненый Пауэлл. Макс подходит к нему. Их взгляды встречаются. Он улыбается, снова садится в машину и уезжает... Или другая фантастическая картина. Макс становится президентом компании, и теперь судьба Пауэлла в его руках. Он дает ему проектное задание с нереальным сроком. Тот не справляется, и Макс с позором увольняет его... Иногда объектом мести становится Зигфрид Кляйн... Наконец, промучившись час, а то и два, он с трудом засыпает. Утром вспоминает ночные фантазии с содроганием и отвращением. На память приходят слова из письма отца: «Лучшая месть — это хорошо жить». Однажды под утро ему приснился настоящий папуас в набедренной повязке, с кольцом в носу, с которым он познакомился когда-то в Новой Гвинее. Он выходил на берег из залива Папуа и кричал: «Ты украл мою нефть! Я расскажу об этом Совету директоров!» Папуас приблизился, и Макс узнал в нем Пауэлла. Он протянул ему свою карту, но Пауэлл завопил «безграмотная чушь» и помочился на нее. Макс бросился на него с кулаками... и в этот момент проснулся. Часы показывали без четверти шесть. Пора было вставать. Начиналось новое утро и новый тяжелый рабочий день...

После презентации проекта по Калимантану снова потянулись месяцы вынужденного безделья, а потом вдруг Макс получил еще одно проектное задание с таким же нереальным сроком. И опять блестящая презентация без единого дня опоздания. Такое напряжение не проходило бесследно — он

осунулся, глаза ввалились, нервы начали пошаливать.

Тем временем провал в заливе Папуа становился все более очевидным. Поскольку в финансовом отношении это был не рядовой проект, причины неудачи рассматривались на заседании Совета директоров. Пауэлл и Келлер вынуждены были объяснять, как мог произойти такой скандальный просчет. И папуас нашел выход — причиной ошибочной интерпретации геологических материалов, по его словам, были заведомо неправильные значения сейсмических скоростей, полученные им от Макса Адлера. Он также намекнул, что сделано это было умышленно, в отместку за то, что Адлер не был привлечен к проекту. Возмущению членов Совета не было предела. Специально созданная комиссия начала проверку работы Макса за несколько последних лет. И здесь обнаружилось, что из личного файла в отделе кадров исчезли оценки его предыдущих проектов. Никто не мог объяснить, как это произошло...

Упорные и грубые попытки профессиональной дискредитации, в которых участвовало немало коллег, продолжались уже около трех лет. Но ни одного мало-мальски обоснованного повода для увольнения найти не удавалось. И вдруг необходимость такого повода отпала сама собой. Чтобы как-то компенсировать финансовые потери в заливе Папуа, компания была вынуждена сократить бюджет и уволить пять процентов сотрудников. Макс, конечно, оказался первым в этом черном списке. Вторым был Зигфрид Кляйн, вина которого состояла в том, что он видел злополучную карту. Когда проводится вынужденное сокращение персонала, никаких индивидуальных причин и объяснений для увольнения не требуется.

Незадолго до этого в США вышла книга, которая произвела сенсацию в обществе, и особенно в мире большого бизнеса. О ней говорили в СМИ, деловых клубах, компаниях, при частных встречах в кругу белых воротничков. Книга быстро стала бестселлером, а ее автор — национальным героем. Звали его Ли Якокка, а книга была его автобиографией. Макс прочитал ее на одном дыхании. В жизни и карьере этого человека были две вершины, два «Эвереста», как он их называл. Первая вершина — пост президента компании «Форд». Он начал работу в ней молодым инженером и через двадцать четыре года стал вторым человеком после самого Генри Форда, внука основателя автомобильной империи. За восемь лет на посту президента Якокка сделал компанию стабильной и процветающей. Однако в последние три года он стал подвергаться постоянным унижениям и издевательствам со стороны Форда. «В 1975 году он приступил к своему преднамеренному плану уничтожить меня, — говорит Якокка. — В параноидальном мозгу Генри возникло подозрение, что после его смерти я отстраню его сына Эдсела от руководства компанией и завладею ею. Он действовал целенаправленно из месяца в месяц. Моя жизнь превратилась в ад. Я стал пить больше, появилась дрожь в руках. Я чувствовал, что расползаюсь по швам. Я стал записывать все, что происходило. Жена поддержала меня. Может быть, однажды ты захочешь написать книгу об этом, сказала она. И никто не поверит, что в уважаемой компании было возможно то, через что нам пришлось пройти».

В течение трех лет Форд делал все, чтобы заставить Якокку уйти добровольно. «Почему я не уходил? — задает вопрос Якокка и отвечает так. — Были две причины. Форд не является единоличным

владельцем компании. Основная часть акций принадлежит частным лицам. И я наивно полагал, что они не допустят увольнения человека, чьи впечатляющие достижения обеспечивают им высокие дивиденды. А во-вторых, я был столь же наивно убежден, что Совет директоров, в котором было много моих личных друзей, не разрешит Форду уволить меня. Я не сомневался, что хотя бы один из них встанет и скажет, что это позор. Якокка приносит компании два миллиарда ежегодно. Если он уйдет, я тоже уйду».

Надежды Ли Якокки не сбылись. Никто не выступил в его защиту. Совет директоров не посмел бросить вызов Генри Форду. В возрасте пятидесяти четырех лет, в день своего рождения, Якокка был уволен без объяснения причин. «Сброшен с Эвереста», как он пишет. Вторым «Эверестом» стал предложенный ему вскоре пост президента компании «Крайслер», которую он спас от банкротства и поставил на ноги. После этого успеха он стал фигурой национального масштаба, и его кандидатура даже выдвигалась в Белый дом.

Историю увольнения, свое душевное состояние и пережитый стресс Якокка описывает подробно и эмоционально, с чисто итальянским темпераментом. Особое место в его драматическом рассказе занимает первое утро жизни безработного, когда им вдруг овладело смятение и он почувствовал себя потерянным, опустошенным, не знающим, что делать и чем заняться. Макса поразило сходство всего этого с тем, что происходило с ним самим. Как бы объясняя это сходство, Якокка замечает: «Когда ты уволен без причины после многих лет безупречной работы, не имеет значения, кто ты — президент компании или клерк. Психологически это одинаковая катастрофа для любого».

Наиболее болезненным было намеренное унижение, которому подверг его Форд. По условиям контракта, в случае увольнения президенту для поиска новой работы предоставляется полностью оборудованный временный служебный офис. Этим «офисом» оказалась маленькая обшарпанная комната на складе запчастей в нескольких милях от того здания, в котором еще вчера Якокка занимал роскошный кабинет с ванной и специальным помещением для отдыха. На складе он пробыл менее часа и больше там не появлялся. Но унижения не забыл. Прочитав об этом, Макс вспомнил свою полутемную каморку в конце коридора... Другим поразительным сходством было то, что друзья и коллеги, продолжавшие работать в компании, сразу же прекратили общение с Якоккой. Никто из них даже не пришел на похороны его жены и не прислал соболезнование. «Это был самый большой шок в моей жизни», — пишет Якокка.

Так же как и бывший президент компании «Форд», Макс наивно полагал, что геолог, работа которого привела к открытию не одного нефтяного месторождения, не может быть уволен без причины. Документы об этих открытиях имелись в его личном файле. Решение нашли простое — они были изъяты. Наконец еще одно сходство заключалось в том, что Якокка не скрывает появившуюся у него навязчивую идею отомстить Генри Форду. «Во время бессонных ночей я непрерывно фантазировал, как ударю его в самое больное место. А такие места я знал... За унижение мерзким „офисом“ на складе запчастей я был готов убить его физически». Эти строки напомнили Максиму его собственные ночные фантазии. «Поразительно, — подумал он, — значит, везде и со всеми это происходит одинаково. Технология расправы в уважаемых организациях

одна и та же — будь то Европа или Америка, нефтяная компания или автомобильная, идет ли речь о президенте или инженере. Но Якокке повезло — он взошел на свою вторую вершину и снова стал „хорошо жить“. Это была лучшая месть Форду. А у меня впереди только горнолыжные вершины, что, в сущности, не так уж плохо...»

3

Самуэль Маркус, раввин Старой венской синагоги, что недалеко от Юденплац, рассматривал слова в записной книжке Макса.

— Первое слово не очень понятно. Возможно, это чье-то имя. Бергет или Боргет. Без огласовки прочитать трудно*. Вы знаете этого человека?

— Может быть, Бергет? — предположил Макс.

— Вполне вероятно. А три других слова читаются так: «фтах эт ха'михсе», что означает «открой крышку».

— Я вам очень благодарен, рабби.

Выйдя из синагоги, Макс мысленно повторил эти слова: «Брегет. Открой крышку». Он вспомнил, что на генеалогическом древе написана вся фраза, а на часах первое слово отсутствует. «Это логично, — подумал он. — Ведь часы и есть брегет. И специально указывать это незачем. А на древе необходимо объяснить, о какой крышке идет речь. Так вот что означал постскрипtum об изучении иврита в письме отца...» Уже сидя в машине, он вдруг поймал себя на том, что непроизвольно напевает эти загадочные слова, как некий рефрен. И еще

* В иврите нет гласных букв. Иногда вместо них ставятся специальные знаки — огласовки. Бергет пишется «бртг», что может читаться «бергет, боргет, брегет» и т. п.

он заметил, что едет домой с особым нетерпением...

Крышка брегета была наглухо прикреплена к корпусу каким-то секретным внутренним замком. Максусу пришлось повозиться, чтобы открыть ее. Часы оказались полые, без механизма. Чтобы его отсутствие не делало их подозрительно легкими, внутрь была вложена свинцовая пластинка. По существу, брегет был лишь футляром. Макс извлек из него плоский ключ сложной конфигурации с выбитой на нем цифрой «23» и записку на маленьком листке тонкой плотной бумаги, аккуратно сложенном в несколько раз. Текст записки гласил: «Это ключ от принадлежащего Оскару Адлеру сейф-бокса, который находится в офисе „Свисс Бэнк Корпорэйшн“ по адресу: Швейцария, Женева, Рю де ла Сите. Номер сейфа 23. Номер счета в этом же банке Р4-644,481.2. В случае смерти Оскара Адлера право доступа к сейфу и счету получают его дети Леопольд, Эмма и Клара, а также их прямые потомки (дети, внуки и т. д.). Сейф абонирован и оплачен владельцем на 100 лет, начиная с 1938 года. Он открывается одновременно двумя ключами, один из которых приложен к данному письму, а второй находится в банке».

Роланд Шиллинг, генеральный директор женеvского филиала «Свисс Бэнк Корпорэйшн», внимательно читал документы Макса Адлера и передавал их один за другим юрисконсульту Эдварду Верга, на столе которого лежала папка «Оскар Адлер. Счет Р4-644,481.2, сейф-бокс 23». Документы включали свидетельство о рождении с данными об отце и матери, а также официальное уведомление специального правительственного бюро о гибели в лагере смерти Маутхаузен Оскара Адлера, его троих детей

и пятерых внуков. В уведомлении было указано, что оно выдано в соответствии с запросом Макса Адлера, единственного ныне живущего члена семьи.

— Господин Адлер, — торжественно произнес генеральный директор, когда бумаги были просмотрены, — мы внимательно изучили представленные вами документы и пришли к выводу, что они соответствуют швейцарским законам и уставу нашей корпорации. Мы также пришли к выводу, что вы являетесь законным наследником покойного Оскара Адлера и имеете право доступа к его банковскому счету и сейф-боксу. Однако окончательное подтверждение этого права вы сможете получить только через неделю, после экспертизы документов в нашем главном офисе в Цюрихе. Мы сожалеем, что вынуждены отложить на это время завершение формальностей, и надеемся, что вы отнесетесь к этому с пониманием.

Через неделю Макс снова появился в кабинете генерального директора. Шиллинг встретил его широкой приветливой улыбкой, вышел из-за стола и пожал руку.

— Подтверждение из Цюриха получено, господин Адлер. Поздравляю. Сердечно поздравляю от себя лично и от имени нашей корпорации. Мы надеемся, что вы продолжите семейную традицию и останетесь нашим постоянным клиентом. Могу ли я спросить, господин Адлер, с чего вы хотели бы начать знакомство с вашими активами — с банковского счета или сейф-бокса?

— С банковского счета.

— Прекрасно. Я провожу вас в операционный отдел.

...На банковском счету оказалось 96 миллионов швейцарских франков. Макс подписал необходимые документы, заказал чековую книжку и кредит-

ную карточку. С этого момента он стал владельцем счета и мог распоряжаться им по своему усмотрению.

После ланча в служебном ресторане банка, на который его пригласил Шиллинг, они спустились в бронированное хранилище, где находились сейф-боксы. Здесь Шиллинг представил Максy супервайзера хранилища и попрощался. Макс и супервайзер подошли к сейфу 23. Супервайзер вставил ключ в верхнюю замочную скважину и ушел. Макс вставил свой ключ в нижнюю скважину и повернул оба. Замок открылся легко и бесшумно, будто был смазан только вчера. Макс вынул из ниши длинный металлический ящик, перенес его в закрытую кабинку и поставил на стол. Сейф был почти пуст, и лишь тонкий запечатанный конверт лежал на дне. Макс сел в удобное кресло, вскрыл конверт и вынул из него три сложенных пополам документа. Он развернул тот, что находился сверху. Это был договор, заключенный между Оскаром Адлером и адвокатской фирмой «Манфред и Рорвиг» в марте 1938 года. В нем говорилось, что господин Адлер передает фирме принадлежащие ему двадцать пять процентов акций компании «Эрдойль Гезельшафт» на следующих условиях.

1. Акции остаются собственностью господина Адлера и его наследников.
2. Фирма принимает акции на бессрочное хранение без права продажи всего пакета или любой его части.
3. В силу известных обстоятельств фирма согласна считаться формально юридическим владельцем акций, но де-факто — лишь номинальным.
4. Акции должны быть возвращены господину Адлеру или его наследникам по первому тре-

бованию независимо от срока, каким бы длительным он ни был.

5. В качестве вознаграждения за оказанные услуги фирма получает полностью дивиденды, которые будут выплачены компанией «Эрдойль Гезельшафт» за весь период хранения. Помимо этого, при возвращении акций их юридическому владельцу фирма оставляет себе пять процентов в качестве дополнительного вознаграждения.

...Макс с трудом верил своим глазам. Ему вдруг стало казаться, что это не реальный документ, а лишь одна из его безумных ночных фантазий на тему мести папуасу. Ну конечно же, знакомое видение — он становится президентом компании, и судьба Пауэлла в его руках... Макс потрянул головой, ущипнул себя и огляделся. Нет, он не спит, а сидит перед сейф-боксом в кабинке хранилища. Для верности он выглянул из нее и посмотрел на десятки других сейф-боксов в стенных ячейках. На сон не было похоже... Он перечитал договор снова, на этот раз — вслух, шепотом. Как бы не доверяя только глазам, он хотел удостовериться в его реальности еще и ушами. Но и глаза, и уши, и пальцы, которыми он недоверчиво ощупывал бумагу, говорили одно и то же: «Отныне ты, Макс Адлер, персона нон грата в компании „Эрдойль Гезельшафт“, становишься ее контролирующим акционером и вице-председателем Совета директоров. Твои безумные ночные фантазии превратились в реальность».

«Не слишком ли круто для нормального человека, а не финансового супермена? — подумал Макс с несвойственным ему суеверием. — Такие сценарии можно увидеть в кино, а не в жизни». Неожиданно, без всякой связи с происходящим, вспомнилась рыжеволосая красавица Джулия. Он понял, что ни-

когда не забывал о ней. Просто сейчас память о тех давних событиях получила по некой загадочной и таинственной ассоциации новый импульс. Где она сейчас? Доходили слухи, что она живет не то в Канаде, не то в Америке. Не удивительно ли, что он вспомнил о ней в хранилище швейцарского банка? Почему он не оказался здесь тогда, двадцать пять лет назад? Все могло бы быть иначе...

Вдруг его мысли сделали еще один зигзаг и пошли в ином направлении. Как это все стало возможно? Макс имел в виду ту почти мистическую случайность, в результате которой он сейчас держит в руках этот фантастический документ. Ведь ватман с генеалогическим древом мог пролежать на шкафу еще тридцать лет, и столько же могли оставаться незамеченными ивритские буквы на крышке брегета... Если бы не увольнение и вызванное им внезапное импульсивное желание отправиться в долгое путешествие, он никогда бы не полез за туристическими проспектами и не обнаружил рулон в черном футляре... А уволил его Пауэлл. Значит, благодаря ему он сидит сейчас здесь. Как в английской поговорке: «У каждого облака есть серебряная подкладка...» Макс не верил ни в Бога, ни в знаки зодиака, ни в приметы. Он верил только в судьбу, в ее предначертанность. И подумал, что это было predetermined, а следовательно, неизбежно. Что — «это»? Вся цепь событий — и появление в компании Пауэлла, и его амбициозная затея с разведкой в заливе Папуа, и задание Кляйна проверить «Большую муху», и последовавшая за этим месть папуаса... Это не хаотическое нагромождение случайностей, не мистика. Это судьба. А судьба так же реальна, как воздух, пища и как сам человек, состоящий из плоти и крови. Если из цепи событий убрать хотя бы одно звено, то конструкция рухнет, судьба не со-

стоится. Но в том-то и заключается главная тайна, что убрать звено невозможно. Это только кажется, что Пауэлл, Кляйн и он сам действовали по своей воле. Все было predetermined, и они не могли не делать то, что делали...

Эти размышления привели мысли и чувства Макса в состояние равновесия и гармонии. Он раскрыл следующий документ. Это была справка о банковских реквизитах и юридическом статусе фирмы «Манфред и Рорвиг». Там же был указан ее адрес — Женева, Рю де Мон-Блан. Последний, третий, документ касался банковского счета, владельцем которого он стал в это утро.

Макс нажал кнопку звонка, вызвал супервайзера и спросил, где можно сделать копии. Тот проводил его в соседнюю комнату. Макс скопировал документы и положил оригиналы в сейф-бокс. Затем вставил его обратно в нишу стены, закрыл двумя ключами, вернул верхний ключ супервайзеру и вышел в вестибюль. Там он вынул из кейса карту города и нашел Рю де Мон-Блан. Улица оказалась совсем близко от банка. Макс подумал, что за пятьдесят лет адрес фирмы мог измениться. Поэтому он решил посмотреть на дом просто из любопытства.

Он перешел по мосту на правый берег Роны в том месте, где река вытекает из Женевского озера, и сразу же попал на нужную улицу. Найдя дом, он был приятно удивлен — над простой, но элегантной входной дверью, прямо на облицовочной плите было выгравировано «Манфред и Рорвиг». «Да, для тихой консервативной Швейцарии пятьдесят лет — это вообще не исторический срок, — подумал Макс. — По Европе прокатилась мировая война, а здесь все было и остается незыблемым. Дед Оскар не мог выбрать лучшей страны для своей последней финансовой операции». Постояв несколь-

ко минут перед домом, он решил, что свой первый визит сюда должен нанести по всем правилам. А для этого нужно сначала позвонить по телефону и назначить время встречи. Он сделает это завтра.

Возвратившись в гостиницу, Макс раскрыл телефонный справочник и нашел фирму «Манфред и Рорвиг». Он опять был приятно удивлен: рядом с телефонами ее владельцев стояли имена — доктор Гуго Манфред и доктор Виктор Рорвиг. «Конечно, это не те люди, которые подписали договор с дедом, — подумал он. — Видимо, их сыновья, а скорее всего, внуки». Хотя это и не имело для него никакого значения, но снова повеяло незыблемой швейцарской традицией, непоколебимой стабильностью.

Утром Макс позвонил Гуго Манфреду. Он услышал приятный вышколенный голос секретаря. Макс назвал свое имя и сказал, что хотел бы поговорить с доктором Манфредом. Его соединили.

— Здравствуйте, господин Адлер. Чем могу быть вам полезен?

— Я бы хотел встретиться с вами, доктор Манфред, по поводу акций «Эрдойль Гезельшафт», принадлежащих семье Адлер.

— Простите, господин Адлер. Я как-то сразу не связал ваше имя с семьей Адлер. Искренне рад разговаривать с вами. Где вы сейчас находитесь?

— В Женеве, недалеко от вас.

— Прекрасно. Мой компаньон Виктор Рорвиг и я будем счастливы видеть вас в любое время, которое вы сочтете удобным. Если вы хотите приехать сейчас, то дайте нам два часа для подготовки документов.

У Макса возникло ощущение, будто собеседник только и ждал его звонка все эти годы. Никаких

лишних вопросов, ни тени удивления, ни намек на неожиданность или сюрприз. Искренняя готовность оказать услуги клиенту. Все это говорило о высшем уровне профессионализма. Они договорились встретиться завтра утром.

Документы оказались в идеальном порядке и были быстро переоформлены на имя Макса. Итак, отныне Макс Адлер стал законным правопреемником деда Оскара и вступил во владение самым большим пакетом акций «Эрдойль Гезельшафт». Он договорился, что один из владельцев фирмы сделает официальное заявление об этом в Вене и представит его в новом статусе Совету директоров и руководству компании.

4

Раввин Самуэль Маркус встретил Макса как старого знакомого.

— Рад видеть вас, господин Адлер. Надеюсь, моя скромная помощь была полезна.

— О да. Весьма полезна. Если позволите, я и в дальнейшем буду пользоваться вашими услугами и советами в делах, в которых не очень сведущ. А сейчас я бы хотел обсудить с вами ряд других вопросов. Во-первых, я хочу построить на новом еврейском кладбище в районе Симмеринг мемориал в память членов семей Адлер и Ландау, погибших в Маутхаузене. И буду признателен, если вы сможете с выбором места и порекомендуете хороших специалистов. Во-вторых, я хочу установить в вашей синагоге мемориальную доску с именами погибших. И в-третьих, я намерен сделать пожертвование синагоге.

— Очень похвальные планы, господин Адлер. Что касается мемориала, то кладбище находится

в ведении похоронного братства «Хевра кадиша». Я свяжу вас с ними и уверен, что они отнесутся к вашему желанию с полным пониманием. В отношении мемориальной доски можете положиться на меня. И, разумеется, я вам искренне благодарен за намерение сделать пожертвование.

Совместное заседание Совета директоров и руководства «Эрдойль Гезельшафт» было назначено на десять часов утра в понедельник. По случайному совпадению, ровно два месяца назад Макс последний раз переступил порог компании. Утром того памятного дня ему пришлось перенести в машину личные вещи и сдать пропуск. «Все-го два месяца, — подумал Макс, — а кажется, что мир перевернулся». Он неожиданно быстро привык к своему новому положению, а главное — пропала бессонница, восстановился ежедневный распорядок, и снова обязательной рутинной стали холодный душ, утренняя гимнастика, вечерняя часовая пробежка по лесным аллеям. Возобновились и визиты к фрау Эльзе. Он вошел в свою прежнюю физическую форму, что отразилось и на его внешности. Но все же иногда перед сном, когда мысли вдруг переставали подчиняться логике и чувству реальности, в сознание нет-нет да и закрадывалось сомнение: «А правда ли все это? Не сон ли?» В такие минуты Макс включал ночную лампу, брал с тумбочки договор деда с «Манфред и Рорвиг», пробежал его глазами, успокаивался и быстро засыпал...

Когда Франц Ленхард, сын Отто Ленхарда и глава венской адвокатской фирмы «Ленхард и компаньоны», сообщил банкиру Клаусу Руппе, председателю Совета директоров, что их швейцарский партнер намерен сделать важное сообщение на внеочередном заседании совета, ему, естественно,

был задан вопрос: «О чем пойдет речь?» Ленхард, следуя инструкции Манфреда, ответил, что это касается кое-каких технических изменений в юридическом статусе пакета акций, принадлежащих швейцарской фирме. Подробности он не знал.

...До заседания оставалось несколько дней. Макс позвонил своему автодилеру и попросил подготовить «мерседес» последней модели, которым он решил заменить «ауди». В четверг новый серебристый лимузин был доставлен к его дому. В тот же день он встретился с Гуго Манфредом, и они обсудили детали предстоящего заявления на Совете директоров. Было решено, что сначала Манфред сделает краткое информационное сообщение, во время которого Макс будет находиться в соседней комнате. И лишь после того как Манфред назовет его имя, Элизабет Боне, секретарь фирмы, пригласит Макса в зал. Он войдет и займет место, заранее приготовленное для него за большим овальным столом справа от председателя. Благодаря такому сценарию внимание публики не будет преждевременно отвлечено присутствием Макса и позволит ей без помех выслушать сообщение Манфреда.

Гуго Манфред позвонил в офис президента компании и попросил приготовить на понедельник два пропуска для сопровождающих его господина Адлера и госпожи Боне. Фамилия Адлер достаточно распространенная и поэтому секретарь Гельмута Келлера не связала ее с Максом.

В понедельник без двадцати десять два лимузина одновременно подъехали к офису «Эрдойль Гезельшафт» и остановились на специальном паркинге для руководства компании. Макс, Гуго и Элизабет поднялись на десятый этаж в так называемом «президентском» лифте и вошли в зал заседаний

совета. Никто из сотрудников им не встретился. Гуго и Элизабет остались в зале, а Макс прошел в небольшую смежную комнату, служившую для отдыха и частных бесед.

Ровно в десять появились члены Совета и приглашенные. Каждый занял свое постоянное место. Манфред, сидевший как вице-председатель рядом с Клаусом Руппе, попросил оставить свободное кресло по другую руку от него. В кратком вступлении Руппе сказал, что просьба о внеочередном расширенном заседании Совета поступила от фирмы «Манфред и Рорвиг», которой принадлежит двадцать пять процентов акций компании, и предоставил слово ее совладельцу.

— Господа, — обратился к собравшимся Манфред, — как вы знаете, наша фирма приобрела пакет акций «Эрдойль Гезельшафт» в 1938 году, что дало нам право занять пост вице-председателя Совета директоров. Все эти годы интересы фирмы в совете представлял наш младший партнер «Ленхард и компаньоны». В действительности приобретение акций не было обычной финансовой операцией. Согласно договору между предыдущим владельцем пакета и «Манфред и Рорвиг», акции были переданы нам на хранение с условием вернуть их по первому требованию либо самого владельца, либо его наследников. Такой характер договора был обусловлен известными событиями в марте 1938 года. Я должен особо подчеркнуть, что юридическая сторона соглашения не противоречит ни швейцарским, ни австрийским, ни международным законам.

Манфред сделал паузу и вынул несколько листов из лежавшей перед ним кожаной папки. Напряжение в зале нарастало. Все понимали, что главное еще впереди, и с нетерпением ожидали его.

— Владелец акций и почти вся его семья погибли в Маутхаузене, — продолжал Манфред. — Но его внук, к счастью, жив и недавно связался с нашей фирмой. Он представил все необходимые документы, не оставляющие сомнений, что является законным наследником и правопреемником своего деда. Вот договор о возвращении ему акций, о которых идет речь, за вычетом пяти процентов, предусмотренных в виде гонорара «Манфред и Рорвиг», — Манфред взял со стола документ и показал его присутствующим. — Я уполномочен сообщить уважаемому собранию, что отныне, согласно уставу компании «Эрдойль Гезельшафт», пост вице-председателя Совета директоров переходит к юридическому лицу, которому принадлежит пятая часть ее активов, что обеспечивает ему статус контролирующего акционера. А теперь позвольте мне назвать имя. Многим из вас оно хорошо известно.

Манфред выдержал паузу и обратился к Элизабет Боне, сидевшей в кресле около двери в смежную комнату.

— Элизабет, пригласите, пожалуйста, господина Макса Адлера.

В первый момент в зале повисла тишина. Но через короткое мгновение она сменилась глухим нарастающим шумом. Послышались возгласы удивления и недоумения. Кое-кто, не веря своим ушам, переспрашивал имя у соседей. Когда Макс вошел, шум моментально прекратился. Он держался уверенно и с достоинством и прямо от двери решительно направился к свободному креслу справа от Клауса Руппе. Прежде чем сесть, Макс медленно обвел взглядом присутствующих, улыбнулся и отчетливо произнес: «Здравствуйте, господа. Рад видеть вас снова». Затем сел и после небольшой паузы продолжил:

— Я полагаю, доктор Манфред сообщил вам необходимую информацию. Хочу лишь добавить, что я намерен самым активным образом участвовать в делах компании. Главным направлением моей работы будет зарубежная разведка. В последнее время у нас не все благополучно в этой области. Поэтому я решил взять ее под свой контроль и разобраться в причинах неудач. Я убежден, что в венском офисе и в наших зарубежных филиалах работают прекрасные специалисты. И если мы сможем более эффективно использовать их знания и опыт, то добьемся успеха. А теперь я готов ответить на вопросы.

В зале снова воцарилась тишина. Все были поражены, с одной стороны, краткостью и резкостью выступления, а с другой — его деловым характером. Макс увидел краем глаза, как Дейв Пауэлл незаметно положил под язык таблетку. Наконец люди стали приходить в себя. Первым решился сломать лед начальник юридического отдела Карл Финк, который был в приятельских отношениях с Максом до его конфликта с папуасом.

— Господин Адлер, не знаю, как вас теперь называть... — он смущенно улыбнулся.

— Так же как и раньше, — ответил Макс.

— О'кей. Макс, прежде всего я искренне поздравляю тебя и не сомневаюсь, что твоя работа принесет компании большую пользу. А во-вторых, не могу не спросить... — Финк замялся. — Почему мы не знали об этом раньше? Я имею в виду то, что тебе принадлежит этот прелестный пакет.

— Ты хочешь честный ответ или уклончивый? — Макс улыбнулся.

Такой чистосердечный вопрос разрядил обстановку. Многие заулыбались, кое-кто одобрительно рассмеялся.

— Хотелось бы честный. — Финк тоже улыбнулся.

— Если честно, то раньше я и сам об этом не знал, — сказал Макс с подкупающей откровенностью.

Все засмеялись. Слово взял Гельмут Келлер:

— Позвольте искренне поздравить вас, дорогой Макс, от своего имени и от имени руководства компании. Хочу воспользоваться случаем и лишний раз подчеркнуть, что я всегда был самого высокого мнения о ваших личных и профессиональных качествах. Я совершенно убежден в правильности вашего решения взять под контроль зарубежную разведку. Вы можете рассчитывать на мою полную поддержку и сотрудничество.

— Спасибо, Гельмут, — сухо сказал Макс (раньше он не называл президента по имени, но ситуация изменилась).

После Келлера еще несколько человек высказались в таком же духе. Последним выступил Клаус Руппе.

— Господин Адлер, — почтительно обратился он к Макс, — к сожалению, раньше я не был знаком с вами лично. Но мне приходилось неоднократно слышать, что вы прекрасный специалист. И я искренне рад, что такой профессионал, как вы, занял пост вице-председателя нашего совета. Надеюсь на дружеское и плодотворное сотрудничество.

Макс и Руппе встали и обменялись рукопожатием. Раздались дружные аплодисменты. Как только заседание закончилось, вокруг Макса столпились те, кто не успел засвидетельствовать лояльность. Они пожимали ему руку и поздравляли, каждый в меру своей велеречивости. Был среди них и Дейв Пауэлл...

Офис Макса был оборудован на одиннадцатом этаже, надофисами президента и вице-президентов. К просторному кабинету примыкали комфортабельная комната отдыха и ванная. В приемной было готово рабочее место секретаря, но пока оно пустовало. Макс вызвал начальника отдела кадров Юргена Фолкмана, чтобы обсудить вопрос о кандидатуре.

— Есть два варианта, — сказал Фолкман, — или подобрать кого-нибудь в компании, или обратиться в агентство по трудоустройству.

— Второй вариант предпочтительнее, — решил Макс. — Займитесь этим, Юрген. И не откладывайте. Офис может работать без шефа, но не без секретаря. Интервью с кандидатами проведите сами. Мои условия просты — профессионализм, приятная внешность и неглупое лицо. Но оно не должно быть слишком обезображено интеллектом.

Фолкман понимающе улыбнулся.

— Возраст? — спросил он

— Ах да, возраст. Ну, скажем, от тридцати до сорока.

— Хорошо, займусь этим безотлагательно. А пока пришлю кого-нибудь временно.

Было заметно, что Фолкман хочет что-то сказать, но не решается.

— У вас есть что-то еще? — спросил Макс

— Да, если позволите. Это касается вашего файла. Помните те пропавшие документы? Они нашлись.

— Вот как. Приятная новость, — Макс усмехнулся, — когда-нибудь вы мне расскажете об этом подробно...

— Могу сейчас, если хотите.

— Сейчас не надо. Можете идти.

Пауэлл и Келлер разговаривали уже около полутора часа, но Келлер продолжал делать вид, будто впервые слышит то, о чем говорит вице-президент.

— Не понимаю, куда вы клоните, Дейв? — спросил Келлер и удивленно посмотрел на Пауэлла.

— Я бы не ставил вопрос таким образом, Гельмут. Я никуда не клоню, а просто хочу, чтобы вы поняли — мы оба в одной лодке. И если вы думаете, что Адлер отыграется только на мне, то заблуждаетесь.

— Не могли бы вы объяснить свою мысль более понятно? О какой лодке вы говорите? И за что Адлер должен на мне отыгрываться?

— Вот как. Надеюсь, вы не забыли, что мы поступили с ним, как бы это сказать помягче, ну, что ли, не вполне корректно. И мало найдется на свете людей, способных простить это.

— Почему вы все время говорите «мы»? Это были ваши личные отношения, и вам не следует впутывать меня в свои дела. Вы упорно твердили, что Адлер не отвечает профессиональным требованиям. В конце концов, он работал в отделе, который подчиняется вам. А мой принцип — не вмешиваться в отношения между подчиненными.

— Да, но я согласовывал с вами каждый шаг.

— Не помню. Если бы это было так, то противоречило бы указанному принципу. Следовательно, ваше утверждение не соответствует истине. Элементарная логика. Что же вы все-таки хотите, Дейв?

— Я хочу, чтобы мы вместе пошли к Адлеру и выяснили его намерения относительно нас. Неопределенность меня убивает. Если потребуется, я готов просить у него прощения. И хочу, чтобы вы сделали то же. Меня не устраивает роль единственного козла отпущения. Не забывайте, что нам под шестьдесят. И если мы окажемся на улице, то вряд ли най-

дем достойную работу. Но если даже и найдем, то потребуется референс от Совета директоров. А он теперь в руках Адлера. Двадцать процентов обеспечивают ему решающий голос. Все это буквально лишает меня сна.

— Не знаю, Дейв, не знаю. Мне искренне жаль вас. Я сплю спокойно. И следуя вашей логике, я не чувствую ни малейшей вины. — Келлер говорил неправду. На самом деле у него тоже появилась бессонница и он тоже был обеспокоен своим будущим, но решил во что бы то ни стало дистанцироваться от Пауэлла. — Поэтому не могу принять ваше неуместное, и я бы даже сказал, наивное предложение. Если хотите, идите к Адлеру один. Но предупредите: не вздумайте говорить ему то, что вы сейчас здесь наплели. Прошу прощения за резкость. Только поставите себя в более трудное положение. Мой вам совет — не дергайтесь. Проявите знаменитую британскую выдержку. Так это, кажется, называется. — Келлер усмехнулся.

— Ну что ж, Гельмут. Тогда мне остается напомнить, что условием моего перехода в «Эрдойль» была продажа вам части принадлежавших мне акций «Кинг Эксплорэйшн» по цене ниже рыночной. И если вы загоните меня в угол, то я вынужден буду рассказать об этом Совету директоров. Мы с вами скованы одной цепью. Вы просто обязаны помочь мне.

— Вы с ума сошли, Дейв! Бессонница лишила вас рассудка. О каких акциях вы болтаете? Мой брокер постоянно покупает и продает ценные бумаги. Я ему полностью доверяю и не сомневаюсь, что он действует в моих интересах. В подробности я не вникаю. Вы что, решили шантажировать меня и сделать своим врагом? Подумайте как следует.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Пауэлл и вышел из кабинета.

Макс с удивлением обнаружил, что многие хотят встретиться с ним и сообщить «важную информацию». Одни прямо говорили, что она касается происходившего вокруг него за последние три года. Другие ограничивались лишь общими словами, намекая на то, что их рассказ, возможно, заинтересует его. Он догадывался, о чем все они хотят говорить. Макс знал об этом достаточно, а детали его не интересовали. Поэтому он не спешил приглашать добровольных информаторов. Единственное, что было ему не вполне ясно, это их мотивы. Впрочем, у каждого они были, по-видимому, свои. Он понимал, что если позволит открыть этот ящик Пандоры, то работать будет трудно — если вообще возможно.

Еще в самые первые дни он вдруг с облегчением почувствовал, что у него нет ни малейшего желания сводить счеты, мстить, устраивать разборки. Сумеречные фантазии, вызванные бесследно прошедшей бессонницей, исчезли вместе с ней. Прав был Конфуций: «Избежавший сражения выиграл его». Эта мудрость справедлива для любого конфликта, независимо от его природы и масштаба. В памяти снова и снова всплывали слова деда Оскара: «Лучшая месть — это хорошо жить». Понятие «жить» не ограничивалось, конечно, только материальной стороной. Оно охватывало человеческое существование в самом широком смысле — работа, возможность и право принятия решений, реализации своих профессиональных и моральных принципов. Ну и, разумеется, финансовая независимость. Все это у Макса теперь было. Так стоит ли унижать себя и других недостойным сведением счетов? Еще царь Соломон

предупреждал: «Не спеши мстить, ибо мстительность обитает в груди глупцов».

Правда, один человек занимал особое место в этих размышлениях. И им был, конечно, Дейв Пауэлл. По всем профессиональным и нравственным критериям он заслуживал наказания. Не мести, но справедливого наказания. И это стало для Макса настоящей моральной проблемой. Что делать с папуасом? У Макса было достаточно власти и законных оснований, чтобы вышвырнуть его из компании. Никто не встал бы на его защиту, а многие были бы рады этому. За месяц, прошедший после заседания Совета директоров, Макс ни разу не встретился с ним. Но он хорошо представлял себе, что тот должен думать и чувствовать. Он, конечно, ждет разговора с Максом. И ждет расплаты. Это соответствует его собственным понятиям о том, как следует расправляться с неудобными. Такое ожидание еще более мучительно, чем само увольнение. Возможно, даже у него началась бессонница и в сумеречное время он проклинает Макса. Интересно, проклинает ли он себя? До какой черты раскаяния и унижения он способен дойти, чтобы удержаться в компании? Макс не сомневался, что папуас готов просить прощения. В его возрасте нет шансов найти другую работу, равную нынешней. А на рядовую должность бывших вице-президентов не берут. Вероятно, Пауэлл считает, что вся эта затянувшаяся неопределенность лишь часть изощренной мести, которую задумал Макс. На самом деле никакого специального плана у него не было. Он просто не знал, что делать, и поэтому откладывал разговор. В конце концов Макс решил, что разговор неизбежен, а результат его будет зависеть только от честности и искренности Пауэлла. Поэтому он не стал принимать решение заранее. Макс вызвал секретаря.

— Эрна, отметьте, пожалуйста, у себя вызов Дейва Пауэлла в следующий четверг, на конец дня. Сообщите ему об этом в четверг утром.

— Хорошо, господин Адлер.

Фолкман остановил свой выбор на Эрне после интервью с несколькими десятками претенденток на эту должность. Она обладала всеми нужными качествами — профессионализмом, исполнительностью, мягкими манерами, приятной внешностью. Ее особым достоинством было умение держать дистанцию и с посетителями, и с шефом. Эрна обозначила ее с первого дня и сделала это с большим тактом. Ростом немного ниже среднего, она выглядела на тридцать лет, хотя была несколько старше. Макс был доволен тем, как она выполняла свои обязанности, и сказал об этом Фолкману.

— Рад слышать это, Макс. Буду счастлив оказывать вам услуги и в дальнейшем.

Макс обратил внимание, с какой готовностью сотрудники компании берутся выполнять его просьбы и распоряжения и какой радостью озаряются их лица после его благодарности. Было в этом что-то неестественное, преувеличенное...

Через полчаса Эрна сообщила, что на линии Дейв Пауэлл. «Он просит соединить его с вами. Я, конечно, еще не говорила ему о вызове в четверг. Он сам позвонил», — сказала она. Макс снял трубку.

— Слушаю вас, Дейв.

— Макс, я хотел бы поговорить с вами. Не могли бы вы принять меня сегодня? — Макс почувствовал, что Пауэлл нервничает.

— Что-нибудь срочное?

— Для меня — да.

— Хорошо. Давайте за полчаса до конца работы. Вас устраивает?

— Да, конечно. Спасибо.

Пауэлл заметно изменился. Он похудел, левый глаз подергивался, взгляд стал какой-то потухший.

— Неважно выглядите, Дейв. Плохо себя чувствуете?

— Вид соответствует самочувствию. Макс, мне бы хотелось быть предельно честным и откровенным. Иначе нет смысла начинать разговор. Могу я рассчитывать на беседу в таком духе?

— Разумеется. Все зависит от вас. Я, так же как и вы, не намерен ходить вокруг да около.

— Хорошо. Мне трудно начать. Впрочем, мы оба знаем, что произошло. И, как ни парадоксально, это облегчает задачу. Вы были несправедливо и незаслуженно уволены. Перед этим вы подвергались недостойным унижениям. Тяжело говорить об этом, но значительная часть вины лежит на мне.

— Что значит «значительная»? Вы хотите сказать, что кто-то еще разделяет ее с вами?

— Да. Келлер. Когда я сообщил ему о вашей злополучной карте, он сказал, что если нас ждет провал в заливе Папуа, то лучше, чтобы никто не знал о ней. Иначе выяснится, что мы получили предупреждение и проигнорировали его. Одно дело — просто неудача, от которой никто не застрахован. И совсем другое — неудача, которой можно было избежать. Особенно в данном случае, когда речь шла о десятках миллионов долларов.

— И вы решили убить того, кто принес плохую весть? Kill the messenger*.

— Звучит слишком прямолинейно, но, к сожалению, это так. Не могу отрицать. Келлер был полностью осведомлен о тех шагах, которые предпринимались против вас, и санкционировал их. Больше того, он даже ужесточал их. Например,

первоначальный срок проекта по Калимантану был три месяца, но он сократил его до двух. Не примите за лесть, Макс, но мы были поражены тем, как блестяще вы справились с практически невыполнимым заданием. В глазах Келлера это сделало вас еще более опасным.

— А в ваших?

— Ну что ж. Я должен быть честным. В моих тоже. Несправедливо все валить на Келлера. Мое положение в компании было более уязвимым, чем его. Я был новый человек, к тому же иностранец. И разведка в заливе Папуа была моей идеей. Правда, Келлер ее поддержал и как бы стал соавтором проекта. Он тоже нуждался в быстром крупном успехе. Одним словом, наши личные интересы совпали. И тут появились вы, Макс, с этой ужасной картой. Я просто запаниковал, потерял голову и повел себя не по-джентльменски, мягко говоря. Сказать, что я сожалею, — значит ничего не сказать. Я чувствую себя по уши в дерьме.

— Кто распорядился изъять документы из моего файла в отделе кадров? — перебил его Макс.

— Распорядился я, но предложение исходило от Келлера.

— Скажите, Дейв, каковы ваши личные отношения с ним? Когда он пригласил вас на должность вице-президента, многие в компании были удивлены. Что связывало вас с ним до этого?

Пауэлл напрягся. Левый глаз начал дергаться сильнее. Макс это заметил.

— Ничего особенного. Только общие деловые и профессиональные интересы. Я работал старшим менеджером в «Кинг Эксплорэйшн». Мы и «Эрдойль» были партнерами на нескольких блоках в Австралии и Индонезии. Тогда я и познакомился с Келлером. Ему понравился мой подход к разве-

* Убей гонца (англ.).

дочным проблемам, и он предложил мне пост вице-президента.

— Хорошо. Напоминаю, Дейв, мы договорились об абсолютной честности и искренности. Вы хотите сказать что-то еще?

— Да. Так вот, я по уши в дерьме. У вас, Макс, есть достаточные моральные и профессиональные основания уволить меня. Я даже не могу надеяться на «золотой парашют».* Но дело не только в деньгах. Мне пятьдесят восемь лет, и я просто не готов окатиться на улице — ни морально, ни физически. Понимаю ваши чувства ко мне и все же не могу не сделать попытку начать новую страницу в наших отношениях. У меня две просьбы. Первая — если можете, простите то зло, которое я причинил вам. Поверьте, я глубоко и искренне раскаиваюсь. И вторая — я бы хотел остаться в компании в каком-нибудь профессионально достойном статусе. Полагаю, что я неплохой геолог и смогу принести пользу.

— Дейв, вам знакомо имя Ли Якокка?

— Ли Якокка? Это, кажется, бывший президент компании «Форд», который потом перешел в «Крайслер». Вы о нем говорите?

— Да, тот самый. Вы читали его автобиографию?

— Нет, не попадалась.

— Прочитайте. Настоятельно рекомендую. А теперь о ваших просьбах. Давайте по порядку. Не в моих правилах бить лежачего. А вы, Дейв, сейчас

* «Золотой парашют» — оговоренная в личном контракте крупная денежная компенсация, выплачиваемая высшим руководителям компании в случае увольнения. Это обязательство теряет силу, если поводом для увольнения служит грубая профессиональная ошибка, причинившая большой ущерб компании, или серьезное нарушение морально-этических норм.

именно в таком положении. Кроме того, вы сами себя наказали. Это избавляет меня от неприятной необходимости делать это еще раз. Что касается прощения, то договоримся так: я вас прощаю, но ничего не забываю. И можете мне поверить — я никогда не напомню вам об этом, если вы сами не дадите повод. А насчет работы мое мнение таково. Хороший специалист — не всегда и не обязательно порядочный человек. И наоборот, порядочный человек не обязательно хороший специалист. Ваши человеческие качества мне ясны. И с этим ничего не поделаешь. Но у меня нет четкого представления о том, какой вы геолог. Допускаю, что ваша ошибка со скоростями в заливе Папуа лишь досадное недоразумение. «Эрдойль», как и любая другая компания, — это не конгрегация ангелов и не клуб джентльменов. Каждый ценится по тому вкладу, который вносит в главное дело — увеличение прибыли компании и дивидендов акционеров. Поэтому решение вопроса о работе возможно лишь после того, как я смогу оценить ваши профессиональные качества. А для этого вы должны выполнить самостоятельный проект, включающий полный аналитический цикл — расшифровка геологической структуры концессии, оценка ее нефтяного потенциала, составление плана разведочных работ, определение степени их риска, экономический анализ. Вам будет дан достаточно реальный срок, после чего мы вернемся к вопросу о вашем статусе. На время проекта формально сохраняется ваша нынешняя должность. А сейчас возьмите двухнедельный отпуск и приведите себя в форму. Проектное задание получите по возвращении. Вот все, что я могу сказать по поводу ваших просьб. Вас устраивают эти условия?

— О да, Макс. Более чем устраивают. Спасибо.

— Хорошо. Разговор должен остаться между нами. Можете идти.

Через две недели Пауэлл снова появился в кабинете Макса. Он выглядел спокойным, посвежевшим, глаза оживились.

— Ну вот, теперь я вижу перед собой прежнего Дейва Пауэлла, — улыбнулся Макс.

— Спасибо, Макс. Не боюсь признаться — я сильно переменялся. Заглянул в себя, покопался в душе, многое обдумал и переосмыслил. Имел обстоятельную беседу со своим пастором. Я ведь принадлежу к англиканской церкви. И конечно, прочитал внимательно Ли Якокку.

«Поздновато вспомнил о Боге. Надо было побеседовать с пастором раньше...» — подумал Макс, но спросил о другом.

— А, прочитали? Ну и как?

— Очень поучительная и впечатляющая история. Ее должен знать каждый, кто распоряжается судьбами других. Меня особенно поразили его откровенные слова о том, что, оказавшись уволенным, он сразу же вспомнил всех тех, кого уволил сам, и мысленно отождествил себя с каждым из них.

— Да, помню эти слова. Не зря я рекомендовал вам книгу?

— Нет, не зря. Спасибо.

— Теперь о проекте. Вам приходилось работать в Альберте?

— Нет, не приходилось.

— Это хорошо. В таком случае у вас будет преимущество непредвзятого подхода к разведочной проблеме. А проблема очень сложная. Давайте посмотрим карту.

Они подошли к рабочему столу, на котором лежала детальная карта северной части провинции

Альберта. Обширный район Стин Ривер на границе с Северо-Западными территориями был обведен красным фломастером.

— Вот этот район, Дейв. Площадь двенадцать тысяч квадратных километров. На протяжении последних пятнадцати лет разведка здесь проводилась в разное время более чем двадцатью компаниями. Пробурены около ста сорока скважин и открыты только два небольших месторождения. Сейчас разведка почти полностью прекращена. Но я убежден, что нефтяной потенциал района достаточно высокий и не ограничивается этими открытиями. Для успешной разведки необходима принципиально новая геологическая концепция. Вот почему я сказал о преимуществе непредвзятого подхода. Над вами не довлеют идеи и представления, которые лежали в основе прежних поисковых работ. Вы должны заново осмыслить и проанализировать все геологические и геофизические материалы, изучить керн*. Попытайтесь разработать собственную концепцию. Для этого нужно хорошее знание как правильных, так и ошибочных решений при разведке множества открытых ранее месторождений. Знаете, что отличает шахматных гроссмейстеров от рядовых игроков? Они опираются на знание бесчисленных прошлых игровых позиций. Для нас игровая позиция — это стратегия и тактика изучения разведочного блока. Через шесть месяцев правительство Альберты проводит тендер на нефтепоисковые концессии в этом районе. Поэтому я должен получить окончательные результаты ваших исследований не позже, чем через пять месяцев. Основную часть работы будете вы-

* Керн — образец породы, извлекаемый в процессе бурения из разведочных скважин.

полнять в Канаде. Я дал указание нашему филиалу в Калгари оказать вам всяческое содействие. У вас есть вопросы, Дейв?

— Пока нет. Как будто бы все ясно.

— Хорошо. В таком случае — вот проектное задание. — Макс протянул Пауэллу несколько переплетенных страниц. — Да, кстати, когда вы последний раз работали с керном?

— Лет десять назад.

— Ну что ж, вам будет полезно освежить свои навыки. Для меня нет ничего более волнующего и информативного, чем образцы пород, поднятых с глубины нескольких тысяч метров. Они как бы позволяют заглянуть в чрево Земли. Керн — это главный и объективный свидетель того, что происходило там миллионы лет назад. И если вы зададите этому свидетелю правильные вопросы, то получите правильные ответы. Желаю успеха, Дейв.

— Спасибо, Макс.

7

Макс и Гуго Манфред обедали в ресторане делового клуба. Они обсудили ряд юридических вопросов, и Гуго, у которого была еще одна встреча, ушел первым. Макс остался и заказал десерт. В этот момент к нему подошел незнакомый человек небольшого роста и неопределенного возраста, с круглой лысой головой и роговыми очками на крупном носу.

— Здравствуйте, господин Адлер. Приятного аппетита. Меня зовут Дитрих Хаузер, брокер. — Он положил на стол свою визитную карточку. — Мне бы хотелось поговорить с вами, если не возражаете.

Макс жестом указал на стул.

— Надеюсь, я не помешал. О вас сейчас много говорят в деловых кругах, господин Адлер. То, что произошло в «Эрдойль», вызвало большой интерес у всех — бизнесменов, финансистов, журналистов. Не буду скрывать, у меня вопрос чисто профессиональный. Судя по газетам, вам принадлежит двадцать процентов акций компании. Должен заметить — впечатляющий пакет. И я подумал, не хочет ли господин Адлер увеличить его и сделать еще более впечатляющим. Вам интересно то, что я говорю? — Хаузер вопросительно посмотрел на Макса.

— Продолжайте.

— Спасибо. Так вот, я мог бы провести анализ рынка ценных бумаг и приобрести для вас дополнительный пакет. Смею уверить, у меня есть достаточный опыт работы с акциями нефтяных компаний. И мои клиенты всегда остаются в выигрыше. Не буду называть имена, но среди них есть и ваши коллеги из «Эрдойль». Для одного из них мне удалось приобрести на очень выгодных условиях пакет акций большой английской нефтяной компании. — Хаузер был говорлив, как всякий брокер.

При упоминании большой английской компании у Макса внезапно возникла смутная реминисценция. Даже не реминисценция, а некая необъяснимая интуитивная догадка, которая приходит казалось бы ниоткуда, из воздуха, но затем подкрепляется доказательствами и превращается в уверенность. Единственной зацепкой, своего рода сигналом, послужила прошлая работа Пауэлла в «Кинг Эксплорэйшн» и то смятение, которое вызвал у него вопрос о личных отношениях с Келлером до перехода в «Эрдойль». Но догадку надо было проверить, не вызвав подозрений собеседника.

— Английской компании? — переспросил Макс. — Насколько я знаю, сейчас не время поку-

пать их акции. Стоимость слишком высока. Покупать надо было года три назад.

— Приятно иметь дело со специалистом, господин Адлер. Я сделал это именно тогда. И заметьте, моему клиенту они обошлись на восемнадцать процентов дешевле даже тогдашней низкой цены. Представляете, сколько он может заработать на них сейчас?

— Представляю. Да, это было хорошее время для покупки. Помню, тогда был особый спрос на акции «Кинг Эксплорэйшн». Уж не о них ли вы говорите, господин Хаузер?

На лице брокера отразилось явное изумление.

— Господин Адлер, вы проницательный человек. Имена клиентов и названия компаний — это профессиональная тайна. Но раз уж вы сами догадались... Да, это был «Кинг». Не лучше ли закончить этот рискованный экскурс в прошлое, а то вы, чего доброго, назовете имя клиента. — Хаузер натянуто улыбнулся.

— Хотите услышать его?

— Ну, знаете ли... Это уж чересчур... Я вам ничего не говорил. — Хаузер вдруг не на шутку встревожился.

— Нет, конечно. Вы не говорили. Но оно написано у вас на лбу — Гельмут Келлер.

Брокер непроизвольно закрыл лоб ладонью. Макс рассмеялся.

— Это надо было делать раньше, господин Хаузер. Я успел прочесть. А сейчас выше вашей ладони появилось еще одно имя — того, кто продал акции Келлеру.

— Я вас умоляю. Ради бога, — взмолился брокер. — Это была строго конфиденциальная сделка. Вы меня погубите.

— Не беспокойтесь. Наш разговор такой же конфиденциальный, как и сделка между Келлером и Пауэллом.

Хаузер вскочил со стула.

— Рад был познакомиться, господин Адлер... В другой раз... Извините, сейчас спешу... — Он схватил со стола свою визитную карточку и почти выбежал из ресторана.

Макс вошел в приемную управляющего банком в точно назначенное время.

— Здравствуйте, господин Адлер, — улыбнулась секретарь. — Господин Руппе ждет вас.

— Рад видеть вас у себя, дорогой Макс, — Руппе вышел из-за стола и протянул руку. Давайте присядем за боковой столик.

Они устроились в удобных креслах и, перед деловым разговором, обменялись несколькими фразами о погоде и курсе акций.

— Дорогой Клаус, — начал Макс, — я бы хотел обсудить с вами деликатную проблему. Речь пойдет о Гельмуте Келлере. Мне стало известно, что три года назад, когда он пригласил Пауэлла на должность вице-президента, между ними была заключена сделка. Пауэлл продал Келлеру часть своего пакета акций «Кинг Эксплорэйшн» по цене ниже рыночной. Я даже знаю, насколько ниже — на восемнадцать процентов. Другими словами, Келлер получил взятку, или, называя вещи своими именами, продал должность. У меня был обстоятельный разговор с Пауэллом, но эта сделка не была им упомянута. Я знаю о ней из другого источника. Такова проблема.

— Невероятно! — воскликнул Руппе. — Почти как в той нашумевшей истории с итальянской фармацевтической фирмой. Но там было чисто

мафиозное дело. Насколько надежен ваш источник?

— Достаточно надежен. Но мы можем проверить информацию. Для этого я и пришел к вам. Я предлагаю пригласить Келлера и прямо заявить ему, что нам это известно. Посмотрим, какова будет реакция. Если он признается, то у нас останется только один выход — уволить его. В этом случае о «золотом парашюте» не может быть и речи. Единственная уступка, которую можно сделать, — не начинать уголовное расследование. Каково ваше мнение?

— Вы сами сказали, Макс, — если он признается. А если нет? Если он будет все отрицать, а у вас не найдется веских доказательств? Представляете, в каком положении мы окажемся. Прежде чем принимать решение, я хотел бы узнать, как вам удалось получить информацию.

Макс подробно рассказал о разговоре с брокером. Руппе поморщился.

— Извините, Макс, но это несерьезно. Нет ни одного финансового документа. Что вы предъявите Келлеру?

— Мне понятны ваши сомнения, Клаус. Но у меня есть внутренняя уверенность, что это так. Видите ли, вы можете судить о моем разговоре с брокером и о тех психологических нюансах, которыми он сопровождался, только по моему пересказу. А я был его непосредственным собеседником, видел его глаза, выражение лица, мимику, жесты. Все это трудно передать словами. Я убежден, что, назвав ему имена Келлера и Пауэлла, попал в точку. Его поведение убедило меня в этом на сто процентов. Поэтому я готов рискнуть и сделать то, что предлагаю. Я, конечно, могу вызвать Келлера и сказать ему об этом сам. Но лучше это сделать вдвоем. Вы будете просто присутствовать и примете участие

в разговоре только в том случае, если посчитаете нужным. Можете даже поддержать Келлера, если увидите, что обвинения против него необоснованы. У вас карт-бланш в этом отношении и никаких предварительных обязательств. Согласны на такой вариант?

В словах и интонациях Макса послышались присущие ему жесткость и непреклонность, которые уже стали известны в «Эрдойль» и которым было трудно противостоять. Руппе это почувствовал.

— Хорошо, — сказал он после некоторого раздумья, — на такой вариант я, пожалуй, соглашусь. Но в этой истории есть и другой участник. Что будем делать с Пауэллом?

— Да, роль Пауэлла тоже неприглядна. Но между ними есть разница. Пауэлл специалист, профессиональный нефтяной геолог. А Келлер — профессиональный президент. До «Эрдойль» он был генеральным директором бумажного синдиката. С его уходом компания ничего не потеряет. В отношении Пауэлла я принял другое решение. Ему дана возможность проявить свои профессиональные качества. Сейчас он в Канаде. Работает над довольно сложным разведочным проектом. Через месяц должен закончить. Если пройдет тест, то сможет остаться в компании на должности консультанта или советника.

— Знаете, Макс, не могу не сказать — с вашим приходом в «Эрдойль» появилась твердая рука. Это именно то, чего нам недоставало в последние годы. Общая атмосфера стала не очень здоровой. Интриги, подсиживания и доноительство пагубно отражаются на деловой активности и прибылях компании. Совет директоров — это связующее звено или скорее своего рода буфер между руководством и акционерами, а они очень болезненно реагируют

на снижение дивидендов. И я, как председатель совета, хорошо это чувствую. Поэтому в своих усилиях оздоровить обстановку и добиться увеличения прибылей вы можете рассчитывать на мою полную поддержку и содействие.

— Спасибо, Клаус. Рад слышать это. Итак, в отношении Келлера мы договорились.

8

Работа над проектом Стин Ривер близилась к завершению. После долгих лет администрирования на руководящих должностях Пауэлл снова ощущал вкус настоящего творческого исследования, когда сплав личного опыта, знаний и логики превращается в тонкий инструмент познания. Он позволяет расшифровать скрытую геологическую структуру и выявить те ее особенности, которые контролируют размещение нефтяных залежей на глубине нескольких тысяч метров. От всего этого он получал ни с чем не сравнимое профессиональное и моральное удовлетворение.

Приступая к проекту, Пауэлл испытывал беспокойство и даже тревогу. Слова Адлера о разработке принципиально новой разведочной концепции казались ему просто ловушкой. О какой новой концепции можно говорить в районе, в котором до этого более двадцати компаний испробовали, вероятно, все мыслимые геологические решения и варианты? Кто он такой, чтобы сделать то, что они не смогли или не считали нужным делать? Но постепенно, по мере анализа материалов, беспокойство сменилось сначала недоумением, а затем и уверенностью, что новая концепция вполне реальна. Основанием для этого послужило довольно неожиданное и странное обстоятельство. Оказалось, что

все предыдущие многократные попытки обнаружения нефти базировались на различных вариантах одной и той же ошибочной геологической идеи. Эти варианты создавали иллюзию разных подходов, но в действительности в течение пятнадцати лет ничего не менялось.

Изучив керн, Пауэлл пришел к выводу, что главной геологической особенностью района были древние коралловые рифы, образовавшиеся более трехсот миллионов лет назад и залегающие на глубине трех тысяч метров. Именно они и были подобно губке насыщены нефтью. Ни одна из компаний, работавших здесь прежде, почему-то не обратила на это внимание. Впрочем, Пауэлл знал, что такой психологический феномен не редкость в нефтеразведке. Каждая новая компания автоматически следует идеям и представлениям предшественников и повторяет их ошибки. Такое явление называется эффектом «накатанной колеи». Это продолжается до тех пор, пока кому-то не удастся увидеть проблему свежим взглядом, применить для ее решения, как говорят американцы, open mind approach — «незашоренный подход». История поисков нефти усеяна надгробными плитами авторов отрицательных прогнозов в регионах, где затем были обнаружены гигантские месторождения. Первым прославился на этом поприще Джон Арчболд, вице-президент крупнейшей американской компании «Стандард Ойл». В 1885 году, будучи уверенным, что нефть есть только на востоке США, он публично заявил: «Я выпью каждый галлон нефти, который будет добыт к западу от Миссисипи». С тех пор столь же самоуверенные и опрометчивые заявления делались неоднократно. Спустя сорок лет Гуго де Бокх, главный геолог Англо-Иранской нефтяной компании и авторитетный знаток региона Персидского за-

лива, утверждал в официальном отчёте: «Особенности геологического строения Саудовской Аравии и Кувейта исключают наличие здесь залежей нефти». Это лишь два наиболее одиозных примера из многих подобных.

Определяя под микроскопом тип породы и нанося результаты на карту, Пауэлл с удовольствием наблюдал, как хаотическая на первый взгляд мозаика приобретает закономерные очертания и превращается в цепочку рифов, обрамляющих внутреннюю лагуну. Когда карта была закончена, она напоминала современные кольцевые рифовые атоллы Тихого океана. Глядя на нее, Пауэлл испытывал не только профессиональное удовлетворение, но и подлинное эстетическое наслаждение. Так возникла новая концепция и новое направление разведки — бурить скважины надо было на вершинах рифов.

Макс внимательно и с большим интересом рассматривал карты, развешанные Пауэллом на стенах кабинета. Он вдруг вспомнил о своем недавнем желании отправиться на экзотические рифовые атоллы Тихого океана. «Поразительно, — подумал он, — как мечты могут порой обернуться неожиданной фантастической реальностью из иной геологической эпохи». Вот перед ним древний рифовый атолл Стин Ривер, удивительно напоминающий современный атолл Кваджалейн в группе Маршалловых островов. Такая же лагуна и такое же кольцо рифов, обрамляющих ее. Он насчитал около тридцати отдельных рифовых вершин, разных по площади и очертаниям. Даже размеры обоих атоллов одинаковы — длина около ста километров, ширина двадцать пять километров. Макс поймал себя на мысли, что вместо Тихого океана совершает путешествие в прошлое, на триста миллионов лет назад...

Пауэлл давал подробные объяснения и отвечал на вопросы. Наконец, они закончили обсуждение и Макс подвел итог. Он знал: ничто, даже деньги, не ценятся больше, чем признание и похвала.

— Поздравляю, Дейв, — прекрасная работа. Это именно то, что я имел в виду, предложив вам канадский проект. Принципиально новая разведочная концепция. Теперь у нас есть все основания участвовать в тендере. Проблема только в том, что не каждый риф содержит нефть. Вот если бы мы могли заранее дифференцировать их... Но для этого нужен прямой метод, а он пока не существует.

— Интересный вопрос вы затронули, Макс, — сказал Пауэлл. — Я имею в виду прямой метод. В Канаде я услышал удивительную историю. Года три назад там появилась таинственная компания «Дабл Эй». Они работали на разведочном блоке недалеко от Стин Ривер. И первой же скважиной открыли крупное месторождение Камерон. Потом продали его японцам. Но самым поразительным было то, что они не проводили сейсмику, а сразу начали бурение. Многие в Альберте до сих пор убеждены, что «Дабл Эй» использовала какой-то прямой метод. Вы что-нибудь знаете об этом?

— Впервые слышу. А где они сейчас?

— Никто не знает. После продажи Камерона о них ничего не известно. Я смутно припоминаю, что нечто подобное рассказывали и в Австралии. Но подробности не знаю. Все это немного напоминает легенду о «Летучем голландце», — усмехнулся Пауэлл. — Но в Канаде это не легенда. Месторождение Камерон существует.

— Что еще известно об этой «Дабл Эй»? Из какой они страны?

— Это тоже загадка. Одни говорят, что компания итальянская, другие — что это какая-то группа

из Южной Африки. В общем, вопросов больше, чем ответов.

— Интересно. Не могли бы вы собрать всю информацию, включая по Австралии, и изложить ее в записке. У вас же сохранились австралийские связи. Используйте их. И не откладываете.

— Хорошо. Сделаю все, что смогу.

— А теперь о вашем статусе. Я предлагаю вам должность специального советника по зарубежной разведке. Будете сотрудником технической группы Совета директоров и подчиняться непосредственно мне. Это обеспечит вам независимость от руководства компании. Зарплата, конечно, ниже, чем нынешняя, но машина и основные бенефиты сохраняются. Согласны?

— Да.

— Прекрасно. Ваша ближайшая задача — подготовка к канадскому тендеру.

Макс сделал паузу и неожиданно сменил тему:

— Есть еще один вопрос, из другой области. Что это за история с продажей вами три года назад акций «Кинг Эксплорэйшн» Келлеру?

Пауэлл бросил на Макса взгляд, полный удивления и тревоги.

— Макс, только что вы предложили мне должность советника. Это окончательно?

— Да, да. Не беспокойтесь. Вопрос не имеет отношения к предложению. Но я хотел бы услышать всю историю непосредственно от вас, чтобы устранить последние недомолвки между нами. Итак, вы продали ему свой пакет или часть пакета. Кто был инициатором сделки?

— Инициатива, разумеется, исходила от Келлера. Он дал мне ясно понять, что приглашение на должность вице-президента «Эрдойль» зависит от моего согласия. После долгих сомнений и разду-

мий я пошел на это. Могу я спросить, Макс, — от кого вы узнали об этом? Ведь не от Келлера?

— Источник не имеет значения. Но это, конечно, не Келлер. На сколько цена была ниже рыночной?

— На восемнадцать процентов.

— Вы понимаете, что дали взятку?

— Понимаю.

— Считаете ли вы, что вас принудили к этому?

— В некоторой мере это так, хотя окончательное решение было, конечно, мое. Я бы мог просто остаться в «Кинг Эксплорэйшн». Но тогда мне казалось, что должность вице-президента «Эрдойль» — это новый важный шаг в карьере. В «Кинге» такой перспективы у меня не было. Короче, обычные амбиции и тщеславие...

— Ну что ж, одному из вас придется уйти. Вы сделали хорошую работу в Канаде и доказали, что можете быть полезны компании. Как я уже говорил вам однажды, «Эрдойль» — это не клуб джентльменов, а машина, которая делает деньги для акционеров. Поэтому вы останетесь, а Келлер уйдет.

Сказав это, Макс вспомнил китайскую мудрость: «Врага можно уничтожить, но лучше превратить в друга». Будет ли такой друг искренним — это отдельный вопрос. Но искренних друзей вообще мало, да и спрос на них невелик. Неожиданно в голову пришел каламбур, который как бы подвел итог этим размышлениям, — из двух зол выбирай то, на которое меньше зол. Как ни странно, на Пауэлла он теперь был зол меньше, чем на Келлера. Возможно потому, что Пауэлл раскаялся и принял позу покорности. Даже в мире животных схватка прекращается, когда один из противников принимает такую позу. Впрочем, в мире людей его обычно добивают... И чем более справедливым и гуманным провозглашает себя общество, тем более убежденно

оно следует этой суровой традиции, которая отличает его от волчьей стаи. Но на заре человечества, когда люди еще не превратились в *Homo sapiens* и не были облагорожены цивилизацией, они, вероятно, вели себя подобно своим меньшим братьям. Иначе они бы не выжили... Вопреки неписаным правилам, Макс считал такое поведение не только более цивилизованным, но и более разумным. Он решил оставить Пауэлла не потому, что тот раскался, а потому, что увидел в нем хорошего геолога. Выбросить его из компании было бы все равно, что выбросить деньги. А избавиться от Келлера было равносильно сохранению денег. В конце концов, нефть находят не президенты, а специалисты. Хороший президент отличается от плохого тем, что не мешает им...

Макс и Клаус Руппе ожидали прихода Келлера. Эрна уже позвонила ему и пригласила зайти через полчаса. Он должен был появиться с минуты на минуту.

— Итак, Клаус, я прямо спрошу его об этой сделке с акциями. А потом вы сами решите — следует ли вам вступать в разговор. Договорились?

— Да, договорились. — Голос и выражение лица Руппе показывали, что чувствует он себя не очень уверенно.

— Кстати, в прошлый раз вы подняли вопрос о Пауэлле. Могу сообщить, что он сделал очень хорошую работу в Канаде. Разработал принципиально новую разведочную концепцию. Я предложил ему должность специального советника по зарубежной разведке.

— Хорошо. Принимаю к сведению.

Келлер вошел с дежурной приветливой улыбкой на лице.

— Здравствуйте, господа. Должен сказать, приглашение несколько неожиданное. Я как раз собирался на важную встречу в Ассоциацию промышленников.

— Сожалею, Гельмут. Но у нас к вам небольшой вопрос. Надеюсь, это не займет много времени, и вы еще успеете на встречу. Вопрос касается покупки вами около трех лет назад пакета акций «Кинг Эксплорэйшн».

— Что именно вас интересует? — На лице Келлера не дрогнул ни один мускул.

— Нас интересуют два обстоятельства. Во-первых, были ли акции приобретены на бирже или непосредственно у определенного акционера? Во-вторых, если они были куплены не на бирже, то отличалась ли цена от рыночной?

— Видите ли, господа, такими операциями занимается мой брокер, и я не очень вникаю в его действия. А кроме того, и это самое главное, моя финансовая деятельность — дело сугубо личное. Я не понимаю, почему должен отвечать на такие вопросы. — Келлер говорил спокойно и держался уверенно.

— В данном случае эта финансовая операция выходит за рамки вашего частного бизнеса. Вы купили у Пауэлла акции по цене на восемнадцать процентов ниже рыночной. Иными словами, вы продали ему должность вице-президента, — голос Макса был жестким. — У вас есть две возможности — либо уйти добровольно, либо расследованием займется уголовная полиция. Добровольный уход предотвратит огласку. При полицейском расследовании избежать ее будет невозможно. Решение за вами. Ответ можете дать прямо сейчас или завтра.

Наступило долгое молчание.

— Гельмут, неужели это правда? — не выдержал Руппе.

— Сегодня, господа, я вручу вам заявление об отставке, — невозмутимо ответил Келлер и вышел из кабинета.

9

Владелец компании «Дабл Эй» Шмуэль и адвокат Рон Берман обсуждали ситуацию, сложившуюся на блоке Уинтон. После гибели Алекса и Андрея разведочные работы на нем были остановлены, а три скважины, давшие нефть, законсервированы. По условиям контракта с правительством штата Квинсленд разведка должна была быть завершена еще полгода назад. Нарушение сроков предусматривало штрафные санкции, вплоть до лишения прав на концессию и объявления повторного тендера. Но на заседании конфликтной комиссии Берману удалось доказать, что временное прекращение работ связано с оговоренными в контракте форс-мажорными обстоятельствами, и «Дабл Эй» получила отсрочку еще на полгода.

— Нам нужен опытный геолог. Где его взять? — сказал Шмуэль.

— Может быть, поискать в Израиле? Здесь же есть несколько нефтяных компаний и геологический институт, — предложил Рон.

— Ты серьезно? Эти компании уже сорок лет безрезультатно ищут нефть на миниатюрной территории. Они даже не знают, с какого конца подойти к проблеме. Нет, эти люди нам не подходят. Нужен геолог, не уступающий по профессиональному уровню Алексу. И самое важное, учитывая незащищенность нашего метода, это не должен быть человек с улицы. Поэтому мы не можем искать его по

объявлению в газетах. Главное условие — личное знакомство и безусловное доверие с нашей стороны. Все упирается в то, что у меня нет никаких связей в мире нефтеразведки. Как с этим у тебя, Рон? Не приходилось ли иметь дело с нефтяниками?

— Дело иметь не приходилось. Но я смутно припоминаю, что у жены есть родственник в Австрии. Она как-то говорила, что он нефтяник. Правда, не знаю его конкретную специальность. Связь между ними давно прервалась. Вот такая скудная информация. Может быть, попробовать разыскать его?

— Да, информации не много. Но, в любом случае, мы ничего не теряем. Займись этим, Рон.

Через несколько дней в доме Макса раздался телефонный звонок.

— Добрый вечер. Это дом господина Адлера? — услышал он незнакомый женский голос.

— Да, это дом Адлера.

— Могу я говорить с Максом?

— Я слушаю вас.

— Это Макс? Здравствуй, Макс. Ты сейчас очень удивишься. Это Эстер Ландау-Берман, Эсти. Я звоню из Израиля. Ты помнишь меня?

— Эсти? Дочь дяди Альфреда? Это ты?

— Да, я. Конечно, я. Очень рада, что не забыл. Столько лет не слышали друг о друге... Как ты, Макс? Как Паула?

— Я в порядке, спасибо. А с Паулой мы давно развелись.

— Извини. Я не знала... Макс, ты, конечно, понимаешь, что я разыскала тебя не без повода.

— Догадываюсь.

— А повод такой. Мой муж, Рон Берман, юридический консультант в области бизнеса и ведет

дела одной нефтяной фирмы. Он попросил меня связаться с тобой. Я помню, что ты нефтяник, но забыла, чем именно занимаешься. Напомни, пожалуйста.

— Я геолог. Занимаюсь разведкой нефти.

— Прекрасно. Рон хотел бы поговорить с тобой, если не возражаешь.

— Конечно, не возражаю. Буду рад.

Эстер передала трубку Рону.

— Здравствуйте, господин Адлер. Это Рон Берман. Эсти рассказала обо мне в общих чертах. Дело в том, что наша фирма заинтересована в сотрудничестве с опытным нефтяным геологом. И главное условие — доверительный характер профессиональных и деловых отношений. Поскольку вы и Эсти родственники, я подумал, что это могло бы обеспечить соблюдение такого условия.

— Спасибо, господин Берман. Нельзя ли уточнить, о каком сотрудничестве идет речь?

— Что-то близкое к консультированию разведочного проекта.

— Боюсь, не смогу быть вам полезен. Я не занимаюсь частными консультациями. Но могу порекомендовать хорошего специалиста. Как называется ваша фирма?

— Фирма не очень известная. Вы вряд ли слышали о ней. Называется «Дабл Эй».

Максу потребовалась продолжительная пауза, чтобы не выдать волнения, охватившего его при этих словах. Рон подумал, что связь прервалась.

— Вы на линии, господин Адлер?

— Да, да, я на линии. Представьте, господин Берман, я слышал кое-что о вашей фирме. Вы ведь работали в Канаде и, кажется, открыли там месторождение Камерон. Не так ли?

Теперь настала очередь Рона удивиться.

— Да, это были мы. Вы хорошо информированы, господин Адлер.

— Зовите меня Макс. Могу я называть вас Рон?

— Да, конечно, Макс. Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что название фирмы изменило ваше отношение к моему предложению. Не так ли?

— Вы не ошибаетесь, Рон. Пока ничего не могу сказать о консультировании проекта, но хотел бы встретиться с вами.

— Прекрасно, Макс. Где вам удобнее — в Израиле или Вене?

— В Вене было бы удобнее.

— Хорошо. В ближайшие дни мы с Эсти будем у вас.

Шмуэль внимательно выслушал рассказ Рона о разговоре с Максом.

— Пока преждевременно говорить о чем-то определенном, — заключил он. — Мы знаем только, что он нефтяной геолог и что он родственник Эсти. Как ты понимаешь, этого недостаточно. Кстати, какое у них родство?

— Макс троюродный брат Эсти.

— Понятно. Это еще ни о чем не говорит. Тебе предстоит выяснить, во-первых, каков его профессиональный уровень. Не знаю, сможешь ли ты это сделать, не будучи сам геологом. И все же постарайся составить хотя бы общее представление. Он не назвал свою должность в компании?

— Нет, не назвал. А спрашивать было неудобно.

— Да, конечно. И второе — нужно оценить его человеческие качества, то, что американцы называют integrity*. Вопрос в том, насколько мы можем ему

* Честность, верность моральным ценностям (англ.).

доверять. Ну и, разумеется, ты не должен раскрывать техническую сущность метода. Только самые общие сведения. Нельзя предвидеть, как и в каком направлении пойдет ваш разговор. То, что он знает о Камероне, — и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что не будет воспринимать метод как некую фантазию, аферу. А плохо потому, что может оказаться из породы охотников за чужими секретами, с которыми мы уже имели дело. В общем, Рон, задача у тебя непростая. Желаю успеха.

10

Макс встретил Эсти и Рона в аэропорту Швехат и отвез в гостиницу «Бристоль» в центре Вены. Они поднялись в номер и только здесь более внимательно разглядели друг друга. Макс и Эсти не виделись лет тридцать, если не больше. Тогда она была пятнадцатилетним подростком, а он только что окончил университет. Теперь Эсти стала интересной элегантной дамой, с хорошо сохранившейся фигурой и живым выразительным лицом. Она старалась держаться непринужденно, по-родственному. Но из-за такого долгого перерыва у них не нашлось общих тем ни для разговора, ни для семейных воспоминаний. Макс задал стандартный вопрос о детях. Эсти ответила с преувеличенным энтузиазмом и подробностями. Затем Макс, отвечая на такой же вопрос, сказал, что живет один, детей у него нет. На этом семейная тема была исчерпана. Чтобы заполнить паузу, Макс и Рон обменялись замечаниями о положении в мировом нефтяном бизнесе, но вскоре увлеклись, и разговор пошел более оживленно. Хотя это была всего лишь вежливая беседа, чтобы как-то заполнить обязательные для такой встречи двадцать-тридцать минут, они внимательно

присматривались друг к другу. Оба понимали, что их ожидают серьезные переговоры, последствия которых пока трудно предсказать. Судя по всему, их первые взаимные впечатления были благоприятными. Эсти сразу же уловила это и предложила мужчинам перейти на «ты».

— Вы же родственники, хотя и дальние. И, мне кажется, без труда найдете общий язык. Почему бы вам не перейти на «ты». Так будет проще говорить о делах, — сказала она с милой улыбкой.

Макс и Рон не возражали. Они наполнили бокалы мозельским вином.

— Твое здоровье, Рон.

— Твое здоровье, Макс.

Встреча в офисе Макса была назначена на следующее утро.

Эрна встретила Рона приветливой улыбкой и провела в кабинет. Войдя, он остановился в дверях и с любопытством, смешанным с удивлением, окинул взглядом помещение. Даже не сразу обратил внимание на Макса, поднявшегося из-за стола ему навстречу. Наконец он закончил этот беглый осмотр и пожал протянутую руку.

— Доброе утро, Макс. Ты, должно быть, большая шишка в «Эрдойль». Какова твоя должность?

— Вице-председатель Совета директоров. Курирую зарубежную разведку.

— Вот как! А я-то хотел соблазнить тебя консультацией проекта, — усмехнулся Рон. — И все-таки ты проявил явный интерес к моему предложению. Почему?

— Давай уточним. Я проявил интерес не к проекту, а к методу. Ведь вы работаете прямым методом, не так ли? Ты хотя и не нефтяник, но, думаю, знаешь, что означают для геолога слова «прямой

метод». Это как фата-моргана, мираж в пустыне. Было много попыток создать его, но все они окончились неудачей. Сегодня почти никто не верит, что он возможен в принципе. Если хочешь, в нефтеразведке это своего рода вечный двигатель... И вдруг мой сотрудник, работавший на севере Альберты, сообщает, что некая таинственная компания «Дабл Эй» обнаружила прямым методом в том же районе месторождение Камерон. И что потом следы этой компании ведут в Австралию. Никто не знает, какова ее национальная принадлежность. По слухам, она то ли итальянская, то ли южноафриканская. В общем, сплошная загадка. И вот проходят всего две недели, звонит Эсти, и я слышу от тебя по телефону это необычное для нефтяной компании загадочное название «Дабл Эй». Теперь ты понимаешь, чем вызван мой интерес?

— Более или менее. Это, конечно, кое-что объясняет. Но наш интерес по-прежнему сводится только к консультации разведочного проекта, и ни к чему больше. Так получилось, что мы остались без геолога. Из-за этого пришлось остановить работы на уже открытом месторождении, и есть опасность, что мы потеряем права на концессию, если не возобновим разведку в ближайшие месяцы.

— Где находится концессия?

— В Австралии.

— Понятно. Послушай, Рон, у тебя не должно сложиться впечатление, будто я пытаюсь давить на тебя и узнать больше, чем ты хочешь или можешь сказать. Мы оба понимаем, что такое прямой метод и какова должна быть степень защиты такого изобретения и ноу-хау. И все же я предлагаю обсудить возможность взаимовыгодного сотрудничества. Ну, например, вы могли бы, не раскрывая сути

метода, выполнить работы на нашей концессии, а я мог бы сделать то, что вам нужно, в Австралии. Тебя устраивает такой бартер?

— Что ты имеешь в виду, говоря о работах на вашей концессии? И где она находится?

— Концессия Стин Ривер находится в Альберте, недалеко от Камерона. Мы выявили цепочку рифов, но они, видимо, не все нефтеносные. Могли бы вы вашим методом определить, какие из них содержат нефть, а какие нет?

— Я не геолог и не знаю, что такое рифы, — Рон улыбнулся, — но, наверное, можно просто говорить о нефтеносных и пустых участках. Да, метод позволяет распознавать те и другие с абсолютной точностью.

— Невероятно! — воскликнул Макс. — И вы могли бы это сделать для нас?

— Безусловно. Для этого нам требуются только образцы. Мы проведем анализ, и вы получите то, что вам нужно.

— О каких образцах идет речь?

— Образцы почвы с глубины два метра.

— Нет проблем. Они у вас будут.

— Теперь о работе для нас. Хочу еще раз подчеркнуть, что ее должен выполнять геолог, которому мы можем верить, — не только в профессиональном отношении, но и в плане личного доверия. Такое условие связано с упомянутой тобой особой степенью защиты изобретения. Иными словами, этим геологом должен быть ты сам, а не кто-то другой по твоей рекомендации. Готов ли ты заняться этим делом?

— Это довольно сложно, учитывая мой статус. Но я что-нибудь придумаю. Могу гарантировать, что информация в полном объеме будет только у меня. Любой другой участник работы, а это может быть

кроме меня только один человек, не получит доступа ко всем материалам и представления о проекте в целом.

— Все это требует серьезного обдумывания и обсуждения, — сказал Рон. — В любом случае доступа к аппаратуре и ноу-хау не будет даже у тебя. Ты сможешь пользоваться только итоговой картой с результатами анализа образцов и материалами бурения. Но даже эти материалы может видеть абсолютно надежный человек, которому мы будем полностью доверять. Извини, но таково условие владельца компании.

— Звучит очень таинственно и даже пугающе. Вероятно, у вас имеются веские основания для таких жестких ограничений. Ни с чем подобным я раньше не сталкивался. Поэтому прежде чем принять решение, я должен понять, во что мне предстоит связаться. Послушай, Рон, не мог бы ты все-таки кое-что рассказать обо всей этой истории. Не о методе, а о том, что произошло. Я чувствую здесь какую-то тайну. Ну, например, почему вы остались без геолога?

— Хорошо, я расскажу. Но только в самых общих чертах. И абсолютно конфиденциально.

— Разумеется, — заверил Макс.

После продолжительной паузы Рон начал свой рассказ. Он говорил очень скупой, тщательно выбирая слова. Макс видел, что он избегает малейшего намека на физическую природу метода, всего, что могло бы пролить свет на назначение аппаратуры и измеряемый параметр. Когда он закончил, наступило долгое молчание. Наконец Макс нарушил его.

— Очень необычная история. Настоящий триллер. Я бы хотел задать несколько вопросов.

— Задавай. Отвечу, если смогу, — сказал Рон.

— Итак, все ваши проблемы начались с катастрофы самолета. Что это был за рейс? И кому принадлежал самолет?

— Это был небольшой самолет «джет командер», который мы зафрахтовали у компании «Внутренние австралийские авиалинии».

— И что, других пассажиров на нем не было?

— Нет. Только четверо наших сотрудников. Два изобретателя метода, один из них геолог, и два охранника.

— Причины катастрофы установлены?

— Да, взрыв на борту.

— Вот как. Значит, не технические неполадки и не ошибка пилота. У вас есть какие-то версии?

— Не версии, а уверенность. Мы знаем, кто это сделал.

— И?

Возникла долгая пауза.

— Они наказаны, — наконец сказал Рон.

— Каким образом?

— Адекватно, — ответил Рон после еще более долгой паузы.

— Понятно. И последний вопрос. Кто это был? Я имею в виду — конкуренты, охотники за изобретением или какие-то наемные убийцы?

— Тебе лучше этого не знать, Макс. Ты получил достаточно информации, чтобы, по твоим словам, понять, во что тебе предстоит связаться. Прежде чем что-либо решать, можешь все обдумать и взвесить. Я не спешу и ни на чем не настаиваю.

— Да, конечно. Подумать никогда не мешает. Все это настолько отличается от привычных интриг и разборок в мире нефтяного бизнеса, что здесь есть над чем поразмыслить. Давай продолжим разговор завтра, если не возражаешь.

— Хорошо. До завтра.

Как только Рон ушел, Макс позвонил Пауэллу.

— Дейв, как у вас дела с запиской о «Дабл Эй»?

— Она почти готова. Я получил кое-какую дополнительную информацию из Австралии.

— Зайдите ко мне. И захватите все, что у вас есть.

Через несколько минут Пауэлл появился в кабинете.

— Ну, что вам удалось выяснить? — спросил Макс.

— Два года назад они работали на блоке Уинтон, в штате Квинсленд. Пробурили три разведочные скважины, все нефтяные. Так же, как и в Альберте, до бурения не проводили сейсмику. Потом вдруг законсервировали скважины и прекратили работы. Правда, у них случилась неприятность — в авиакатастрофе погибли два сотрудника. Мне даже прислали факс с газетной заметкой об этом. Вот она, — Пауэлл вынул из папки текст.

Макс прочитал: «Авиационная катастрофа... Взорвался в воздухе... Уцелевший ноутбук... За двадцать минут до взрыва напечатан текст... В серой зоне миллиардных прибылей... Алекс понимал, что, работая методом прямого обнаружения, они рано или поздно вползут в эту зону с ее смертельными схватками...» Внезапно у него вдруг вспомнилась встреча с брокером Дитрихом Хаузером и та необъяснимая интуитивная догадка о сделке между Келлером и Пауэллом, которая, казалось бы, появилась ниоткуда, просто из воздуха, и которая потом полностью подтвердилась. Нечто наподобие этого пришло ему в голову и сейчас.

— Дейв, вы говорите, блок Уинтон? А кто работал на соседнем блоке? — спросил Макс.

— Не знаю.

— От кого вы получили все эти данные?

— От моего приятеля. Он начальник земельного отдела в Управлении минеральных ресурсов штата Квинсленд.

— Так, — Макс взглянул на часы, — сейчас в Квинсленде шесть тридцать вечера. Рабочий день закончился. Но, может быть, нам повезет и ваш приятель немного задержался. Позвоните ему прямо отсюда. Если не застанете — звоните домой. Вопрос один — кто был соседом «Дабл Эй»?

Пауэлл подошел к телефону и набрал номер.

— Хелло, Стив. Это Дейв Пауэлл. Поймай тебя в дверях? Мне повезло. Не буду долго задерживать. Один короткий вопрос — кто работал или работает на блоке, соседнем с Уинтон? «Альбион Энерджи»? Спасибо, Стив.

— Я слышал — «Альбион». Спасибо, Дейв, — сказал Макс. — Оставьте все материалы у меня.

После ухода Пауэлла Макс позвонил Конраду Кернеру, начальнику отдела технической информации.

— Конрад, мне срочно нужна информация по компании «Альбион Энерджи». Тема — производственные аварии, катастрофы, несчастные случаи за последние два года, повлекшие гибель персонала. Найдите эти данные в Интернете и сразу же перешлите на мой компьютер.

Информация на компьютере Макса появилась через пятнадцать минут.

...Пожар на нефтяной скважине в Нигерии. Погибли двое рабочих.

...Перевернулся трейлер с трубами в Индонезии. Погиб водитель.

...Взрыв на нефтехранилище в Перу. Погибли двенадцать человек.

...Авария вертолета в Северном море. Погибли восемь человек, включая президента компании Энтони Крейга и двух вице-президентов Ларри Эванса и Гарри Бриссона.

Макс посмотрел на дату. Между взрывом самолета над Австралией и аварией вертолета над Северным морем прошел ровно год. Вспомнились слова Рона Бермана: «Наказаны адекватно». Почему-то в памяти вдруг всплыли газетные сообщения о сенсационной операции «Энтеббе» и отстреле арабских террористов по всей Европе после гибели израильских спортсменов в Мюнхене. Сходный почерк, подумал он.

Итак, скупой рассказ Рона обрел недостающие детали. Таинственная история ожила и наполнилась плотью и кровью. Да, и кровью. Она присутствует в этом «наполнении» не как лексическая фигура, а как трагическая реальность, подумал Макс. Теперь остается решить главный вопрос — нужно ли ему ввязываться в эти дела? Стоит ли прямой метод тех смертельных схваток, о которых писал за двадцать минут до гибели неизвестный ему Алекс? Память услужливо подбросила закон Мэрфи: «У любого великого изобретения есть недостаток — технический или моральный — равный или превышающий по своему значению само изобретение». Прямой метод уже унес больше десятка жизней. И эта цифра вряд ли окончательная. Не превысит ли такой «недостаток» значение самого изобретения?

В мире нефтяного бизнеса существуют и процветают многие жесткие и жестокие формы борьбы, цель которой — полное устранение конкурента. Хотя формально дело никогда не доходит до физического устранения, но в действительности люди, потерявшие работу и надежду, нередко уходят не только из бизнеса, но и из жизни. Наиболее агрес-

сивным и безжалостным видом схваток между компаниями является тейковер*, или захват конкурента. Во многих странах такие действия запрещены антимонопольным законодательством. Однако финансовый выигрыш зачастую перевешивает риск уголовного преследования. К тому же отработаны изощренные способы обойти закон. Делается это путем внезапной массивной скупки акций намеченной жертвы с целью получения контрольного пакета. Такая скупка называется corporate raid — налет на корпорацию. После этого жертва поглощается и переваривается новым хозяином в прямом смысле слова. Ее предприятия, нефтяные месторождения, рыночная инфраструктура, финансовые активы становятся его собственностью, а большая часть работников выбрасывается на улицу. Остается лишь сокращенный обслуживающий персонал производственных объектов. Процесс почти физиологический и напоминает пожираение сильным хищником слабого с захватом ареала его обитания. От такой тактики до взрыва самолета — один шаг... Одним из наиболее известных и агрессивных «налетчиков» был техасский нефтяник, геолог по образованию, Томас «Буни» Пикенс, владелец крупнейшей в США независимой нефтяной компании «Меса Петролеум» со штатом всего около трёхсот человек. Несмотря на это, Пикенс скупал более крупные компании, расчленял их и продавал по частям, делая на этом огромные деньги и оставляя без работы тысячи людей. В семидесятых-восемидесятых годах его налёты приводили в трепет даже такие корпорации, которые превосходили «Меса» по размеру более чем в двадцать раз. В 1987 году он опубликовал автобиографический бестселлер «Буни»,

* Takeover (англ.).

в котором откровенно и увлекательно рассказал о своём разбое на больших нефтяных дорогах.

Бывает также внутренний тейковер, когда какой-либо член Совета директоров скупает акции через подставных лиц с целью стать контролирующим акционером и захватить власть в компании. Макс вспомнил, что подобный случай рассказан Арман-дом Хаммером в автобиографической книге «Свидетель истории». Некто Дэвид Мэрдок, член Совета директоров компании «Оксидентал», владевший пятью процентами акций, попытался таким способом сбросить самого Хаммера и завладеть компанией. Хаммер отбил нападение. Мэрдок был вынужден продать ему свои акции и уйти из «Оксидентал».

Интересно, подумал Макс, а не пыталась ли «Альбион Энерджи» добраться до прямого метода иными путями? Неужели сразу такой крайний способ, как физическая ликвидация? Рассказать об этом может только Рон. Но он вряд ли сделает это. И все же завтра надо будет попытаться получить от него дополнительную информацию. Но это завтра... А сейчас нужно разобраться с главным вопросом — ввязываться или не ввязываться? Макс знал, что испытанный способ решения любой сложной проблемы — это подход к ней с разных направлений. Одно направление лежит на поверхности — оценка риска и для себя лично, и для «Эр-дойль». За методом уже тянется кровавый след, и не учитывать его было бы непростительно. Другое направление тоже достаточно очевидно — оценка потенциального выигрыша, финансового и технологического. Есть еще и третье направление, требующее некоторого воображения, — поставить вопрос таким образом: много ли найдется нефтяных компаний, которые отвергли бы предложение «Дабл Эй» о взаимовыгодном сотрудничестве? После не-

долгого размышления Макс пришел к выводу, что любая компания посчитала бы это предложение, при всех его «за» и «против», счастливым лотерейным билетом, мощным рывком в конкурентной борьбе. Ему этот билет выпал случайно, благодаря Эсти. Случайно ли? Он вспомнил, что совсем недавно проблема случайности и предначертанности уже будоражила его мысли. В связи с чем это было? Ну, конечно же, — он сидел в хранилище швейцарского банка и пытался понять, как это все могло произойти? Что это было — хаотическое нагромождение случайностей или судьба? И вот перед ним снова стоит этот сакраментальный философский вопрос. Тогда, в Женеве, он твердо решил, что, несмотря на кажущуюся цепь случайностей, которая привела к судьбоносному повороту в его жизни, все было предопределено и неизбежно. Не так ли обстоит дело и сейчас? Предложение Рона — это не случайный лотерейный билет. Это еще одно звено в цепи предначертанных событий, которые контролируют его жизнь. Последние сомнения отпали. Макс стало ясно, что он не должен отказываться от сотрудничества с «Дабл Эй».

Утром, ровно в девять, Макс и Рон встретились снова и продолжили разговор. Теперь Макс знал намного больше, чем вчера, о том, что произошло в Австралии. И решил, что нет смысла скрывать полученную информацию. Он полагал, что это побудит Рона быть более открытым и откровенным.

— Ну как, Макс, ты принял решение?

— Да. Я готов к сотрудничеству на ваших условиях. И поскольку оно предусматривает полное взаимное доверие и обмен информацией — в допустимых пределах, разумеется, — то я должен кое-что сообщить тебе.

И Макс рассказал о результатах собственного расследования. Рон слушал молча, не прерывая и не комментируя. Когда Макс закончил, он встал и прошелся по кабинету, обдумывая услышанное.

— Видишь ли, Макс, каждый имеет право искать по собственным каналам дополнительную информацию о потенциальном партнере по бизнесу. Это общепринятая практика. И вчерашнее расследование говорит о серьезном подходе с твоей стороны. Но оно завело тебя слишком далеко, в область фантастических предположений и спекуляций. Из всего, что ты рассказал, могу подтвердить лишь два факта. Первый — мы действительно работали на блоке Уинтон. И второй — виновные в гибели наших людей наказаны. Это я сказал тебе вчера. А кто они такие и кто за ними стоял — это только твои догадки. Мало ли сколько самолетов и вертолетов разбились через полгода, год или полтора года после того трагического события в Австралии. Извини, но я не могу обсуждать с тобой этот вопрос.

— Хорошо. Забудем об этом. Я лишь хотел, чтобы между нами не было недомолвок. Теперь ты знаешь, что я провел расследование и пришел к некой версии. Если она не соответствует действительности, тем лучше. Но скрывать это я не считал нужным.

— Понимаю. Ну что ж, по главному вопросу мы договорились. Ты поможешь нам закончить разведку в Австралии, а мы сделаем для тебя работу в Канаде. Теперь мне надо вернуться в Израиль и сообщить об этом боссу. После этого составим детальный план. Обсудим его при следующей встрече. Я улетаю сегодня вечером. Эсти решила остаться на неделю. Если сможешь, удели ей немного внимания.

- Постараюсь. Когда твой рейс?
- В двадцать пятнадцать.
- Я подброшу тебя в аэропорт.
- Спасибо.

11

Проводив Рона, Макс и Эсти вышли к паркингу аэропорта, сели в машину и выехали на четвертый автобан, ведущий в город.

— Мне что-то не хочется в гостиницу, — сказала Эсти. — Где здесь можно провести вечер, посидеть, поболтать?

— Лучшее место Гринцинг, на севере Вены. Очень уютный район, излюбленное место туристов.

— Поехали.

Они пересекли город и въехали в район узких улочек, уютных ресторанчиков, сувенирных лавок. Жизнь здесь кипела. Побродив немного, зашли в большой огороженный двор. Прямо под открытым небом стояли длинные деревянные столы и скамейки. На столах лежали меню. Еда была простая, а выбор блюд невелик. Официантка в традиционной национальной одежде сразу же принесла бутылку вина и приняла заказ.

— Такие рестораны называются «херрингер», — сказал Макс. — У них любопытная история. Когда-то, в послефеодальные времена крестьяне-арендаторы имели право, после расчета с землевладельцем, продавать у себя на дому излишки вина собственного изготовления и подавать к нему нехитрую закуску, включавшую подсолненную рыбу («херринг»). Так возникли эти дворовые ресторанчики. Традиция сохранилась до наших дней. Правда, сейчас владельцы «херрингеров» уже не крестьяне

и открыты они круглый год, а не только в конце винодельческого сезона.

— Как странно, — сказала Эсти, — я ведь родилась в Вене, здесь прошло мое детство. Но ничего не помню. Совершенно чужой город. А что для тебя Вена? Считаешь ли ты ее своей родиной?

— У меня сложное чувство. Географически это, конечно, родина. Но не более. Я здесь работаю, здесь мой дом. Кстати, совсем недалеко отсюда, пятнадцать минут езды. Вон там, за Венским лесом. — Макс показал рукой направление. — Но часто и подолгу бываю в отъезде. А вообще-то Вену, да и Австрию в целом, мне трудно считать родиной в том смысле, который обычно вкладывают в это слово. Я имею в виду духовную связь, историю, традиции. Но город этот люблю, хорошо его знаю. И люблю возвращаться в него после долгого отсутствия.

— Мне кажется, я понимаю тебя. Для нас, австрийских евреев, понятие родины утратило свой прежний духовный и эмоциональный смысл. Знаешь, Макс, в эти дни я думала о тебе и задавала вопрос — почему ты здесь остался? Ведь очень многие из тех, кто уцелел, уехали. Наверное, большинство...

— Так сложилось. Кто-то всегда остается. Но я не жалею. У меня все хорошо, все нормально. Не чувствую дискомфорта.

— А почему ты один?

— Ответ такой же. — Макс улыбнулся. — Так сложилось.

— Хочу посмотреть, как ты живешь. Посидим немного и поедем к тебе. Не возражаешь?

— Буду рад показать дорогой сестре свое скромное холостяцкое жилище.

— Сестре? Не такие уж мы близкие родственники, чтобы ты видел во мне только сестру. Se-

cond cousin seven times removed*. Вот кто мы такие, — Эсти улыбнулась и дотронулась пальцами до его щеки.

— Дома я покажу тебе один документ, и ты увидишь, как мы близки.

— Документ? Какой может быть документ? Я сгораю от нетерпения. Давай поедем прямо сейчас. Не хочу есть эти сардельки с капустой.

Макс расплатился за вино, отменил заказ и они поехали в Вейдлинг по Гауптштрассе, пересекающей Венский лес. Спустя пятнадцать минут подъехали к небольшой двухэтажной вилле. Они вошли в дом, и Эсти сразу же принялась обходить комнаты.

— Недурно для холостяцкого жилища. И потом — такой порядок. Кто у тебя убирает?

— Приходит женщина два раза в неделю. Да я и сам поддерживаю чистоту. Не люблю беспорядок.

Эсти удобно устроилась на диване, подобрала ноги и расстегнула несколько пуговиц на платье. Получилось глубокое декольте, открывшее соблазнительную ложбинку.

— Ну, милый братец, что мы будем пить?

— Что желает дорогая сестрица?

— Сестрица желает коньяк и фрукты.

— «Хенесси» годится?

— О! Название слышала, но никогда не пробовала.

Макс открыл бар и вынул бутылку. Затем помыл фрукты, нарезал лимон и поставил все это на журнальный столик около дивана.

— Давай немного выпьем, а потом ты покажешь мне документ, ради которого я пожертвовала этим

* Second cousin seven times removed — английское выражение, соответствующее русскому «седьмая вода на киселе».

деликатесом — сардельками с капустой, — Эсти улыбнулась.

Макс налил коньяк в невысокие плоскодонные бокалы.

— Как жаль, что мы уже на «ты», — сказала Эсти. — А то бы выпили на брудершафт. Впрочем, одно другому не мешает. Давай поцелуемся. Садись рядом.

Поцелуй получился не вполне родственный...

— Ну, показывай что обещал, — сказала Эсти.

Макс принес рулон ватмана и развернул его на столе.

— Посмотри этот рисунок. Хотя ты видишь его впервые, но, думаю, легко разберешься, — сказал он.

Эсти стала внимательно разглядывать генеалогическое древо. Лицо ее сделалось серьезным. Выражение игривости сменилось печальной задумчивостью.

— Боже мой, такая большая семья. Даже две семьи. Адлеров я почти не знаю. Но Ландау — это же мои родственники, самые близкие люди. И только мы с тобой остались. Кто-то еще, кажется, живет в Канаде. Теперь это как засохшее дерево, на котором чудом сохранились два зеленых листочка, ты и я, — говоря это, Эсти водила указательным пальцем по ватману, как бы прикасаясь к душам умерших. — Вот дедушка, бабушка, вот мои родители, а вот и я. А вот здесь ты. Да, засохшее дерево...

Внезапно у нее появилась идея.

— Знаешь что, Макс? Давай оживим его, вдохнем жизнь. Пусть зашумит листва, на ветвях запоют птицы.

— Что за романтическая фантазия? — удивился Макс.

— Дай мне карандаш, — попросила Эсти.

Она взяла карандаш и соединила большой дугой два прямоугольника на разных сторонах древа. В одном было написано «Эстер Ландау», в другом — «Макс Адлер». Потом на середине дуги нарисовала сердце.

— Так дети изображают любовь, — сказала она. — Вот видишь, дерево ожило. Любовь его оживила.

Эсти обняла Макса, и они застыли в долгом поцелуе.

— А теперь давай выпьем за память тех, кто погиб в Катастрофе.

Они выпили и помолчали.

— Ну, все. Траурная церемония окончена. Покажи мне свою спальню, — скомандовала Эсти.

...Макс был тренированный мужчина. Любвеобильная искушенная Эльза старательно поддерживала его в хорошей форме. Но через несколько часов он вдруг почувствовал, что не выдерживает темп. А Эсти не проявляла ни малейших признаков усталости. Она была так же неутомима, как в самом начале, и требовала еще и еще. Ее энергия была сравнима только с разнообразием ошеломительных поз, которыми она искусно владела.

— Боже мой, Эсти, где ты всему этому научилась? — с изумлением воскликнул Макс.

— У меня в этой области пи-эйч-ди*, — рассмеялась она и проверила его готовность. — А ты, дружок, утомился. И твой дружок тоже. Ну что ж, идите примите холодный душ, освежите себя яблоками и подкрепите себя вином, как говорили наши древние предки. А я и моя подружка вас подождем.

Макс встал и нетвердой походкой направился в ванную. Когда через десять минут он вернулся

* Ph. D. (англ.) — докторская степень.

в спальню, то увидел, что Эсти выполняет замысловатые упражнения по системе йоги. Только сейчас он рассмотрел как следует ее изящную и очень женственную фигуру.

— Дорогая, неужели ты не устала? — удивился он.

— От чего я должна устать? От любви? От этого живительного эликсира? — искренне и просто сказала она. — Ну что, продолжим?

Через два часа Макс признал свое поражение и со смущенным видом сошел с дистанции.

— *Ultra posse nemo obligator*, — сказал он.

— Что это значит?

— Это значит — никого нельзя обязать сверх его возможностей. Так считали древние римляне.

— Они были правы, — сказала Эсти. — Не переживай. Ты молодец, продержался дольше других.

— Это что — комплимент или пропуск в элитный клуб? — спросил Макс.

— И то и другое, — рассмеялась Эсти. — А если серьезно, то никакого клуба нет. Есть опыт, соответствующий возрасту и некоторым особенностям анатомии. Вот и все, что есть. Так что не пугайся и не преувеличивай. Давай немного поспим.

...Как обычно, Макс проснулся в шесть утра. Эсти уже лежала с открытыми глазами.

— Ты так сладко спал, что не решалась будить, — сказала она. — А теперь давай повторим пройденное. Нет ничего лучше любви на рассвете.

На этот раз Эсти продемонстрировала неподдельное глубокое чувство с продолжительными нежными ласками и поцелуями. Она называла это утонченным сексом.

— Ты необыкновенная женщина, — восхищенно сказал Макс. — Как же я теперь буду без тебя?

— Мы что-нибудь придумаем, — деловито ответила Эсти. — Можем встречаться в Европе, в Израиле. Ты ведь приедешь в Израиль?

— Возможно. Это зависит от того, как будет складываться совместная работа с «Дабл Эй».

— Есть проблемы?

— Пока нет.

— Макс, хочу спросить тебя. Но не подумай, что это имеет для меня какое-то значение. Ты богатый человек?

— Я состоятельный человек.

— В чем разница?

— Богатство — категория количественная, а состоятельность — качественная.

— Понятно. Тогда скажи мне, состоятельный человек, какие у нас планы на сегодня? После завтрака ты отправляешься на работу. А вечером?

— После завтрака мы с тобой едем на кладбище.

— Вот как. Ты решил похоронить нашу любовь? Макс рассмеялся.

— Нет, это мы пока делать не будем. Сегодня открытие мемориала в память членов семей Адлер и Ландау, погибших в лагере смерти Маутхаузен. И поэтому твой приезд очень кстати.

— Что за мемориал? Ты мне ничего не говорил.

Макс рассказал о своем решении увековечить память погибших, о приобретении участка на кладбище и о главной идее архитектурного проекта.

— На днях строительство закончено. И сегодня официальное открытие с чтением поминальной молитвы. Мы должны быть там в одиннадцать. После этого заеду в офис на пару часов. А потом я в твоём распоряжении, дорогая.

— Макс, я очень взволнована. Это событие придает особый смысл и особый характер нашим отноше-

ниям. Ты мне нравишься все больше и больше. Скажи, а почему ты решил построить мемориал именно сейчас, спустя столько времени после войны?

— Эсти, ты обратила внимание, что на некоторые твои вопросы я отвечаю двумя словами: «так сложилось»? Таков же ответ и на этот вопрос — так сложилось. Если вопросов больше нет, то давай завтракать.

Мемориал находился в западной части нового еврейского кладбища, рядом с протестантским участком. Он был сделан в виде серой гранитной стены, по краям которой возвышались две стелы из черного мрамора. Венчала стену необработанная базальтовая плита со сквозным вырезом в центре в форме шестиконечной звезды. Вырез был сделан под углом к зрителю, и небо в нем было такой же формы... На одной стеле были выгравированы с указанием возраста имени членов семьи Адлер, на другой — Ландау. Всего тридцать шесть имен. Под каждым списком — слова «Зихронам левраха». На гранитной стене надпись: «Умерщвлены в Маутхаузене в числе 38 120 евреев, 1938 — 1945», а ниже изречение на иврите: «Воздастся кара за кровь невинных. Псалом 79».

Эсти внимательно осмотрела мемориал.

— Все сделано достойно, сдержанно, с большим вкусом и тактом, — заключила она. — Без внешних эффектов. Но каждая деталь и каждое слово кричат. Молодец, Макс. Спасибо и от меня тоже.

— Рад, что тебе понравилось. Ты совершенно точно уловила главную идею мемориала. Да, каждое слово кричит, — повторил он и машинально добавил: — В начале было Слово...

— Да, в начале было Слово, — продолжила Эсти, — потом слово против слова, потом народ

против народа, потом две Мировые, потом Холокост. Вот и вся история цивилизации от Иоанна до наших дней.

Макс был поражен таким емким и исчерпывающим экспромтом.

— За это ты заслуживаешь еще одну докторскую степень, — сказал он.

Присутствующих было немного — глава Венской еврейской общины, его заместитель, трое руководителей «Хевра кадиша», раввин Самуэль Маркус, староста синагоги, архитектор и скульптор. Состоялась краткая церемония. Раввин Маркус прочитал поминальную молитву: «Итгадад вэ иткадаш шемей рабо...» — «Да возвеличится и освятится великое имя Его...» Перед уходом Эсти положила по небольшому камешку на горизонтальный выступ у подножья каждой стелы.

— Так это делается в Израиле, — объяснила она в ответ на недоуменный взгляд Макса. — По еврейской традиции возлагаются не цветы, а камешки.

Макс отвез Эсти в гостиницу, и они договорились, что через два часа он заедет за ней.

— Мы отправимся в деревушку в семидесяти километрах от Вены, — сказал он. — Там и заночуем. Возьми все необходимое.

Деревушка называлась Дюрнштейн. Она расположена к западу от Вены, у излучины Дуная. Место очень живописное, настоящий рай для туристов. Множество уютных гостиниц сельского типа, ресторанчиков, прогулочных тропинок вдоль реки и по склонам соседних холмов. На одном из них — развалины старинного замка, в котором, согласно летописи Крестовых походов, содержался плененный английский король Ричард Львиное Сердце.

Макс и Эсти приехали в Дюрнштейн в седьмом часу вечера. Они оставили вещи в гостинице, прошлись несколько километров вдоль Дуная и поужинали в семейном ресторанчике «У излучины».

— Просто сказка! — воскликнула Эсти. — Не хочется думать, что все это скоро кончится. Так бы и путешествовала с тобой по всему миру... Впрочем, это даже хорошо, что кончится. Иначе я бы привыкла к тебе, а то и банально влюбилась. В моем возрасте это опасно. Да и тебе ни к чему...

— Не знаю, не знаю. Мне, может быть, и к чему, — загадочно произнес Макс. — Но тебе, действительно, надо быть осторожной. Не следует ломать семейную жизнь.

Эсти иронически посмотрела на него.

— Откуда тебе знать? Может, и ломать-то нечего, — неопределенно сказала она. — Ну ладно, сменим тему. Хочу в гостиницу. Грядет ночь великой любви номер два...

— Любовь номер два или ночь номер два?

— Ночь, конечно, — Эсти рассмеялась.

Макс обнял ее и поцеловал.

— Не испугался? — Эсти лукаво посмотрела на него. — Обещаю, сегодня не будем нарушать завет древних римлян. Как там говорится — *ultra posse...*

— ...*Nemo obligator*, — закончил Макс.

— Вот именно, облигатор.

На следующий день они отправились вдоль излучины Дуная на юг в городок Мелк, где находится знаменитый монастырь ордена бенедиктинцев. Построенный в стиле барокко в начале восемнадцатого века, он поддерживается в идеальном состоянии и привлекает туристов со всего мира.

Макс с увлечением рассказывал по дороге обо всех интересных местах, которые они проезжали.

Эсти была благодарной слушательницей и обнаружила немалые познания в архитектуре, искусстве, истории... В Вену вернулись поздно вечером.

12

Эсти улетела утренним рейсом. Проводив ее, Макс приехал в офис. Эрна сразу же сообщила, что Пауэлл хочет поговорить с ним.

— Пусть зайдет, — сказал Макс.

Пауэлл появился через пять минут.

— Макс, я хотел бы обсудить условия нашего участия в канадском тендере. На мой взгляд, максимальный взнос при подписании контракта не должен превышать миллион долларов. Каково ваше мнение?

— Я думаю, мы можем увеличить его до полутора миллионов. Там ожидаются серьезные открытия. Не следует упускать этот блок.

— Хорошо. Есть еще один вопрос. Возможно, он вас заинтересует.

— Что за вопрос?

— Дело в том, что у меня есть небольшой пакет акций «Эрдойль». На днях знакомый брокер предложил мне продать его по цене выше рыночной. Из разговора с ним выяснилось, что идет скупка акций компании и что сам он действует в интересах одного из ее директоров. А стоит за этим Гельмут Келлер. Вам понятен смысл происходящего, Макс?

— Думаю, что да. Внутренний тейквер.

— Именно так. Они хотят заблокировать ваш пакет и отстранить вас от руководства компанией. Не исключено также, что Келлер лелеет мечту вернуться в «Эрдойль».

— Спасибо, Дейв. А сейчас вот что. Напишите мне объяснение о вашей сделке с Келлером. Обе-

щаю, оно не будет использовано против вас, а только чтобы приструнить его. Вы же не хотите, чтобы он вернулся в компанию, не так ли?

— Определенно не хочу.

— Прекрасно. Теперь о брокере. Думаю, это Дитрих Хаузер. Я не ошибся?

— Да, это он.

— Хорошо, Дейв. Еще раз спасибо за информацию. Продолжайте заниматься тендером и не беспокойтесь насчет Келлера и всей этой возни с акциями.

Макс договорился с Клаусом Руппе о созыве экстренного собрания акционеров. Затем он разыскал Хаузера и предложил встретиться в ресторане делового клуба. Брокер был немного обеспокоен, но согласился.

— Господин Хаузер, я обдумал ваше предложение об увеличении своего пакета и решил принять его. Давайте обсудим условия. — Макс сразу перешел к делу.

Хаузер смутился.

— Видите ли, господин Адлер, я, конечно, заинтересован работать с таким клиентом, как вы. И надеюсь, в будущем смогу оказывать вам профессиональные услуги. Но в данный момент ситуация не вполне благоприятная. Боюсь, что должен временно отказаться от этого предложения. Очень сожалею. Если вас интересуют акции других компаний, то готов немедленно обсудить это.

— Нет, меня интересует только «Эрдойль». А что, собственно, изменилось? Почему ситуация стала неблагоприятной? Не могли бы вы объяснить конкретно?

— Конкретно? В нашем деле, господин Адлер, есть свои профессиональные тайны. И мы не всегда

можем делиться информацией, которой владеем. Полагаю, у вас тоже есть своя конфиденциальная информация. Одним словом, вы меня понимаете...

— Опять тайны. В прошлый раз были тайны и сейчас снова. Но я понимаю вас, Хаузер. Очень хорошо понимаю. И предупреждаю — если вы не прекратите всю эту возню со скупкой акций «Эрдойль» по завышенной цене, то нарветесь на крупные неприятности. Такие крупные, что они перевесят комиссионные, которые вы ожидаете. Я просто сделаю вас персоной нон грата в этом бизнесе. А у меня есть такие возможности. В прошлый раз вы трусливо сбежали. Сейчас этим не отделаетесь.

— Простите, господин Адлер, но почему вы так со мной разговариваете? На каком основании? Я бы попросил...

— Основание есть. И очень веское. Вам известно, что тейквер — это уголовное преступление и преследуется по закону. А вы участвуете в нем самым активным образом. У «Эрдойль» уже сейчас есть основания потребовать расследования вашей деятельности и деятельности тех, на кого вы работаете. Я не знаю, чем рискуют они, но вы рискуете своей лицензией. Если хотите сохранить ее, то назовите имена. Для кого вы скупаете акции?

Хаузер побледнел.

— Вы требуете от меня невозможного, господин Адлер. Я не могу... профессиональная тайна...

— Забудьте о тайне. Думайте о лицензии. Итак, здесь, конечно, замешан Келлер. Кто еще?

— Только на условиях конфиденциальности, господин Адлер. Могу я рассчитывать?

— Можете. Говорите.

— Я имею поручение господина Келлера. Он мой давний клиент. А непосредственно заинтересован-

ное лицо господин Вернер. Рудольф Вернер. Его пакет составляет, как вы знаете, пять процентов.

— Вернер? Один из директоров «Эрдойль» и президент бумажного синдиката?

— Да, он.

— Ну, и каковы ваши успехи? Сколько акций успели купить?

— Немного. Очень немного. Но я только начал.

— Ваше счастье. На этом вы и закончите. Если я узнаю, что вы ведете переговоры хотя бы с одним акционером, то пеняйте на себя. Вам все понятно, Хаузер?

— Да, господин Адлер.

На собрание пришло больше акционеров, чем обычно. Слово «экстренное» возбудило всеобщее любопытство. Последние два года дивиденды почти не поступали, и это вызывало недовольство пайщиков, привыкших к постоянному доходу от акций.

Клаус Руппе предоставил слово Макс. Он, как всегда, был краток и говорил по существу.

— Дамы и господа, — обратился Макс к собравшимся, — вы, конечно, разочарованы результатами последних двух лет. Есть несколько причин этого, и главная — неудача в заливе Папуа. Однако сейчас имеются все основания ожидать существенного улучшения ситуации. Я не могу вдаваться в детали, но мы находимся в преддверии крупных открытий в Канаде, которые самым благоприятным образом отразятся на прибылях компании и на ваших дивидендах. Это и есть основная хорошая новость, ради которой мы пригласили вас на экстренное собрание. Но есть и плохая новость. Нам стало известно, что некий акционер, владеющий относительно крупным пакетом, начал скупку акций по повышенной цене через подставных лиц (Макс бросил выра-

зительный взгляд на Вернера, сидевшего в первом ряду). Разумеется, каждый вправе распоряжаться своими ценными бумагами по собственному усмотрению. Но я хочу еще раз сказать с полной ответственностью — скоро доходы «Эрдойль» возрастут, и тогда те, кто поторопился продать акции, будут сожалеть об этом. Мой долг предупредить вас.

После выступления Макс.у было задано много вопросов. И почти все они так или иначе касались ожидаемых открытий в Канаде. Акционеры хотели знать, на чем основана такая уверенность. Чтобы не быть голословным, ему пришлось сказать, что компания планирует применить новую разведочную технологию, которая позволяет обнаруживать месторождения быстро и с минимальными затратами. На вопрос, разработана ли технология в «Эрдойль», он ответил отрицательно, добавив, что изобретение принадлежит небольшой фирме, которая, исходя из собственных интересов, готова продемонстрировать его на разведочном блоке «Эрдойль». Тут же посыпались вопросы по поводу этой технологии. Макс уклонился от объяснений, сказав, что собрание акционеров — не самое подходящее место для обсуждения технических деталей. Рудольф Вернер внимательно слушал и делал пометки в блокноте.

...Усилия Макса по предотвращению тейковера дали результаты. Дитрих Хаузер прекратил скупку акций, а те, кто готов был продать их, отказались от этого намерения.

13

В Израиле Макс был впервые. Он знал, что рано или поздно приедет в эту страну. Но как-то так складывалось, что поездка отодвигалась на неопреде-

ленное время. В конце концов у него появилось некое смутное ощущение, что приезд в Израиль будет связан с каким-то конкретным поводом, а не просто с ознакомительным туром. Такое ощущение ни на чем не основывалось, оно было скорее интуитивным, чем осознанным. Но Макс привык доверять своей интуиции. Он неоднократно убеждался, что предчувствия подтверждались самым неожиданным образом. Так получилось и на этот раз. Рон позвонил ему и передал приглашение босса. Он попросил захватить с собой материалы по блоку Стин Ривер, а также, к удивлению Макса, письменные оценки его прошлой работы.

...Макс вышел на балкон тель-авивской гостиницы «Хилтон». Вид спокойного Средиземного моря действовал умиротворяюще. Пляжи были заполнены народом. По воде скользили парусники. И только патрульные вертолеты, пролетавшие над морем на небольшой высоте, напоминали о том, что страна воюет с террором. Он посмотрел на часы. Рон должен был приехать за ним через десять минут. Макс еще раз проверил содержимое кейса, убедился, что все документы на месте, и спустился в вестибюль.

Рон появился минута в минуту. Они обменялись рукопожатием и вышли на улицу. Белая «вольво» стояла у входа.

— Макс, босс хочет встретиться с тобой у себя дома, в Кесарии. Это пятьдесят километров на север, вдоль моря. Минут сорок езды. Заодно посмотришь прибрежную полосу.

— Прекрасно. Надеюсь в ближайшие дни посмотреть и другие места, о которых много слышал.

— Разумеется. Каждый, кто впервые приезжает в Израиль, просто обязан сделать это. Я и Эсти позаботимся об этом. Но сначала, конечно, наше

дело, — Рон улыбнулся и добавил: — как ты знаешь, по-итальянски это называется «коза ностра».

— Зловещая аналогия. — Макс рассмеялся. — И как зовут крестного отца?

— Его зовут Шмуэль.

— А фамилия?

— Для нас он просто Шмуэль. И для тебя тоже.

— Не торопись, Рон. Я еще не член «семьи».

— Да, конечно. Стать им не так-то просто.

В разговоре появился явный подтекст, и оба хорошо понимали, о чем идет речь.

Перед Максом стоял высокий худощавый старик с резко очерченным лицом, орлиным носом и пронизывающим взглядом глубоко посаженных глаз. Бобрик густых седых волос. Спортивная осанка. Одет он был в строгую темносерую тройку, что подчеркивало официальный характер встречи, хотя она и происходила дома, а не в офисе. Старик протянул руку, и Макс почувствовал крепкое пожатие сухих костлявых пальцев.

— Шмуэль, — представился он и добавил фамилию, но Макс ее не расслышал. — Рад познакомиться с вами, Макс. Мы называем друг друга по имени. Так принято в Израиле. Не возражаете?

— Не возражаю.

— Прекрасно. А сейчас давайте сделаем лехам. Наливайте сами по своему выбору.

Они подошли к боковому столику, на котором стояла батарея бутылок. Макс налил сухое «Шардонне». «Лехаим!» — произнес Шмуэль. Все чокнулись и выпили.

— Итак, — продолжил Шмуэль, — Рон рассказал вам в самых общих чертах о нашем методе. Больше пока мы сообщить не можем. Полагаю, это не станет препятствием для сотрудничества

на первом этапе. Под этим этапом я имею в виду ваше участие в завершении разведки блока Уинтон в Австралии и наше участие в разведке блока Стин Ривер в Канаде. Следующий этап будет зависеть от результатов этой работы. А сейчас, Макс, я хотел бы задать вам два вопроса. Извините старика, если они покажутся некорректными. — Шмуэль хитровато прищурился.

— Отвечу, если смогу, — улыбнулся Макс.

— Хорошо. Видите ли, Макс, ни я, ни Рон не специалисты по нефтяной разведке. Поэтому мы не можем оценить ваш профессиональный уровень. А для нас это очень важно. Геолог, которого мы потеряли, был специалистом мирового класса. И мы хотели бы заменить его таким же. Поэтому первый вопрос — как вы сами себя оцениваете?

— Ни один специалист не может оценить себя объективно, — ответил Макс. — Могу представить официальную оценку моей работы за последние годы. Рон попросил меня захватить эти документы.

Он открыл кейс и передал Шмуэлю несколько страниц.

— Немецкий, — сказал Шмуэль, взглянув на текст. — Когда-то я владел им прилично. Ну что ж, тряхнем стариной. А у тебя, Рон, насколько я знаю, проблем с этим языком нет.

Он медленно читал страницы и передавал их Рону.

— Превосходно, — сказал он, закончив чтение. — Вопрос снимается. Но возникает новый вопрос. Здесь сказано, что вы, Макс, работаете старшим специалистом отдела. А сейчас вы вице-председатель Совета директоров и курируете всю зарубежную разведку. Как такая метаморфоза могла произойти всего за два-три года?

— О, это долгая и почти фантастическая история. Если не возражаете, расскажу ее после деловой части. Это скорее литература определенного жанра, нежели нефтяная разведка или бизнес.

Шмуэль и Рон переглянулись. Они были явно заинтригованы, но им оставалось только согласиться.

— Хорошо, подождем окончания деловой части. А сейчас второй вопрос, столь же некорректный. — Шмуэль снова хитровато прищурился. — Скажите, Макс, вы богаты?

— Полагаю, что да.

— Насколько?

— Достаточно.

— Почему, в таком случае, вас интересует сотрудничество с нами? Ведь прямой метод — это, в конечном счете, только деньги, и ничего больше.

— Видите ли, Шмуэль, для нефтяного геолога это не только и не столько деньги. Это мечта, прорыв, другой качественный уровень. Это как пересестись из конного экипажа в «мерседес». — Сказав это, Макс вдруг вспомнил детство, конную коляску за сараем, свой нынешний «мерседес» и удивился конкретности этой образной фразы. — И коль скоро, будучи обеспеченным человеком, я продолжаю работать, а не уйду в отставку, то не могу не думать о техническом прогрессе в нефтеразведке. Вот почему ваше предложение я оцениваю не только с точки зрения увеличения личных доходов, но прежде всего как своего рода профессиональный допинг. А уже потом то, о чем вы говорите, Шмуэль.

— Хорошо сказано, Макс. Нечто подобное я слышал однажды от Алекса, зихроно левраха. Вероятно, вы, геологи, люди одинакового склада.

— Раз уж вы затронули этот вопрос, то хотел бы задать его и вам. Вы человек немолодой и, на-

сколько я понимаю, достаточно состоятельный. Что заставило вас, в ваши годы, бросить такой опасный и рискованный вызов нефтяным корпорациям? — спросил Макс.

Шмуэль рассмеялся.

— Молодец, Макс. Мяч не задержался на вашем поле. У каждого из нас свои причины и стимулы для этого. Что касается меня, то вам они станут полностью понятны только тогда, когда доберетесь до моего возраста. А пока поверьте на слово — проблема старости не в том, что мы стареем, а в том, что остаемся при этом молодыми... Если ответ удовлетворил вас, то давайте посмотрим карту.

Они подошли к большому столу, на котором лежала карта блока Уинтон. Она выглядела достаточно пустой. Были обозначены только предполагаемый контур месторождения по данным почвенной съемки и три нефтяные скважины. Рядом лежали конверты с каротажными диаграммами, папки с результатами испытания скважин и описанием керна.

— Вот все, что у нас есть. Мы приготовили для вас копии. Как вы знаете, сейсморазведку мы не проводим. Ваша задача, Макс, определить количество и местоположение дополнительных скважин. Затем обеспечить геологический контроль за их бурением, подсчитать запасы нефти и подготовить всю необходимую техническую документацию для продажи месторождения. А на заключительном этапе участвовать в тендере с нашей стороны.

Макс вынул из конвертов каротажные диаграммы и разложил их на столе. Потом достал из папки отчеты по испытанию скважин. Минут двадцать он внимательно рассматривал материалы. В комнате стояла полная тишина.

— Серьезное месторождение, — сказал он, закончив просмотр. — Из задач, которые вы перечис-

лили, Шмуэль, я могу лишь определить количество дополнительных скважин, необходимых для подсчета запасов, точки их бурения и подготовить техническую документацию. Для контроля за бурением, подсчета запасов и участия в тендере пришлю опытного геолога. Мой статус в «Эрдойль» не позволяет выполнять такую работу для другой компании. Надеюсь, вы понимаете это.

— Для меня это несколько неожиданно, — сказал Шмуэль. — Я полагал, что вы сделаете всю работу.

— Сожалею, но это исключено. Я говорил об этом Рону в Вене. Могу гарантировать, что геолог, который будет этим заниматься, абсолютно надежен как в профессиональном отношении, так и в плане личного доверия. Вы не должны оплачивать его работу. К тому же она не требует знания всех обстоятельств выбора разведочного участка. Он вообще не будет знать, что вы используете прямой метод.

— Хорошо. Мы подумаем. А сейчас покажите, что мы должны сделать для вас на блоке Стин Ривер.

Макс разложил на столе карту Пауэлла и показал кольцо рифовых поднятий, обрамляющих лагуну.

— Мы решили участвовать в тендере и получить этот блок. Не могли бы вы точно указать, какие рифы содержат нефть?

— Нет проблем. Мы сделаем это, — сказал Шмуэль. — Образцы будет отбирать наш человек. Он имеет опыт работы на Камероне. Ваши люди должны только указать ему точки отбора и нанести их на карту. Нам карта не нужна, она будет находиться у вас.

Он обратился к Рону.

— Рон, разыщи Пьера Леже. У нас есть его телефон в Квебеке. А до этого ты и Макс должны соста-

вить план работ в Австралии и Канаде. Формальный договор и смета расходов, я полагаю, не нужны. Будем работать на бартерной основе. Не возражаете, Макс?

— Да, это справедливо.

— Итак, деловая часть в общих чертах закончена. Теперь, Макс, мы слушаем вашу фантастическую историю.

Макс улыбнулся.

— Хорошо. Но сначала один вопрос к вам. Что означает столь необычное название — «Дабл Эй»?

Шмуэль объяснил.

— Теперь это своего рода мемориальное название, — сказал он и добавил после небольшой паузы: — Они похоронены недалеко отсюда, на городском кладбище. Если хотите, можем подъехать.

— Да, я хотел бы побывать там. Непременно. А сейчас, господа, о той метаморфозе, как вы это назвали, которая произошла в «Эрдойль» за последние два-три года, — сказал Макс.

Он начал с истории своего увольнения, затем перешел к содержанию брегета и, наконец, к поездке в Женеву. Кульминацией рассказа было драматическое заседание Совета директоров. Шмуэль и Рон слушали, затаив дыхание.

— Фантастика, триллер, граф Монте-Кристо! — воскликнул Шмуэль. — Теперь, подобно Дантесу, вы можете наказать мерзавцев. Вы сделали это?

— Нет, Шмуэль, я не литературный герой. Я решил не сводить счеты.

— Вот как. Вы сильный человек, Макс. Только сильный способен прощать. Слабый не прощает никогда.

— Макс, ты должен написать об этом книгу. Она затмит историю Ли Якокки, — предложил Рон.

— Я подумаю, — сказал Макс.

...Закончив беседу, они отправились на кладбище. Могилы Алекса и Андрея объединяла общая мраморная плита у изголовья, на которой было выгравировано: «Прожили мало, успели много». Перед уходом Макс положил по камешку на каждую из них. «У меня предчувствие, Макс, что вы примете эстафету», — сказал Шмуэль.

14

Первый день осмотра Иерусалима подходил к концу. Эсти показала Макс Старый город, Стену Плача, туннель Хасмонеев, пробитый в скале еще до новой эры, и колоритный арабский базар («шук арави»), представляющий собой лабиринт узких улочек, протянувшихся в общей сложности на многие километры. Теперь они поменялись ролями. Эсти рассказывала, а Макс слушал. Все увиденное и услышанное произвело на него большое впечатление. Двухтысячелетняя история ожила и предстала перед ним в виде удивительных инженерных сооружений далеких эпох, раскопок, названий улиц, застывших традиций и абсурдных запретов. Религия и политика, кровавые войны и не менее кровавые междуусобицы, разрушения и восстановления, изгнания и возвращения были переплетены и спрессованы во времени на этом клочке земли, как нигде в мире.

Макса особенно поразила действующая модель Храмовой горы, установленная в одном из подземных залов туннеля Хасмонеев. Она приводилась в движение нажатием кнопки. Постройки, оборонительные стены, архитектурные блоки одной эпохи рушились и исчезали, а их место занимали сооружения следующей эпохи. Это происходило на глазах у изумленных зрителей и напоминало

смену декораций на трагической сцене Истории, ибо каждая такая «смена» сопровождалась реками крови. В течение нескольких минут возникали одна за другой эпохи Первого храма, Второго храма, правления римлян, крестоносцев, арабов, турок. Зрелище было фантастическое и напоминало путешествие через века и тысячелетия в машине времени...

Внимание Макса привлекла большая шестиконечная звезда, выбитая на стене под сводчатым потолком.

— Знаешь ли ты истинный смысл этого изображения? — спросила Эсти.

— Знаю, что это звезда Давида, но никогда не слышал, что она имеет какой-то особый смысл.

— Прежде всего — это эмблема. И как во всякой эмблеме, в ней заключена определенная символика.

— И какова же она? — спросил Макс, предвкусывая очередной интересный рассказ.

— Объяснений несколько, но все они, кроме одного, ничего не объясняют. Эта эмблема была изображена на круглом щите царя Давида. Поэтому буквальный перевод с иврита — не звезда, а щит Давида. Как видишь, геометрически это очень простая фигура — два треугольника, наложенные один на другой. И в каждом из них заключен столь же простой символический смысл. Треугольник, обращенный вершиной вверх, указывает на небесные сферы, где, как принято считать, обитает Всевышний. Треугольник, обращенный вершиной вниз, указывает на землю, где обитает избранный им народ. Таким образом, вся фигура представляет собой предельно выразительное, без каких-либо геральдических излишеств, графическое изображение союза между Богом и народом, — объяснила

Эсти и добавила с улыбкой: — Этот союз (на иврите брит) — главный идеологический стержень Торы. Он сопровождает еврея с самого рождения, а точнее с момента обрезания на восьмой день после рождения, когда брит скрепляется кровью, и до смерти, когда читается поминальная молитва. И обрезание, и молитва посвящены в большей степени Богу, чем самому человеку. Все остальное в Торе — это лишь исторические хроники, предания, легенды и толкования. Кстати, задумывался ли ты, почему Бог избрал именно еврейский народ?

— Почему же? — спросил Макс с нескрываемым интересом.

— О, это совсем просто, — Эсти снова улыбнулась. — Потому что этот народ избрал именно этого Бога. И у Всевышнего не оставалось иного выхода, как, на основе взаимности, избрать для своих экспериментов именно этот народ. Другие народы избрали других богов. И, с точки зрения этих богов, тоже могли бы объявить себя избранными. Но они до этого не додумались. Между прочим, их боги тоже увлекаются экспериментами...

Макс снова поразился тому, что здесь, на этой древней земле, каждый камень, каждое слово и каждый знак имеют свой символический смысл — иногда глубокий и мудрый, а иногда наивный и абсурдный. Эта символика прочно укоренилась не только в религиозной философии, но и в сознании значительной части народа, наложив особый, порой фатальный отпечаток на его историю...

Эсти рассказала несколько любопытных историй, связанных с Храмовой горой. Одна из них касалась еврейской свадебной традиции разбивания женихом стакана ударом ноги. Макс всегда считал, что стакан разбивается «на счастье». Оказалось, что это не так. Традиции уже две тысячи

лет и символизирует она разрушение Храма, о чем нельзя забывать даже в самые счастливые минуты... Другая история была связана с арабским завоеванием Иерусалима в седьмом веке. Халиф Омар, победивший христиан-византийцев, решил построить мечеть на Храмовой горе, но обнаружил, что она превращена ими в городскую мусорную свалку. Он очистил ее необычным способом — разбросал по всей территории горсти золотых монет. Бедняки в поисках денег должны были разгрести мусор и удалять его. За несколько дней гора стала чистой. Это обошлось дешевле, чем нанять рабочих. «Прекрасный метод восстановления экологии, — заметил Макс. — Почему бы не возродить его сейчас?»

После туннеля Хасмонеев они вернулись на площадь у Стены Плача. Макс прошел к мужскому участку Стены, а Эсти осталась ждать его на площади. Он с удивлением и любопытством наблюдал за всем, что происходило вокруг него в этом древнем священном месте. Молящиеся стояли почти вплотную к Стене, закрыв глаза, раскачиваясь взад-вперед то в ускоренном, то в замедленном темпе, время от времени прикасаясь рукой и губами к отполированным тысячелетиями каменным плитам. Макс стал внимательно вглядываться в их лица, жесты, вслушиваться в резко меняющиеся интонации незнакомой речи. Все это выражало отрешенность и иступленное погружение в тот недоступный посторонним виртуальный мир, где происходит таинство общения с Богом. «Так это, наверное, было и две тысячи лет назад, — подумал он. — Интересно, изменилось ли что-нибудь с тех пор? Неужели гигантский технический прогресс прошел мимо столь экзотического реликтового сообщества?»

Не успел он задать себе этот риторический вопрос, как получил исчерпывающий ответ на него. К Стене подошел благообразный пожилой человек с пейсами и седой окладистой бородой. Он вытянул вперед правую руку, приложил ее к каменной плите и замер в такой позе. Он не раскачивался подобно остальным, его губы не шевелились. Он не молился. Просто стоял неподвижно на расстоянии вытянутой руки от Стены. Макс стал с интересом наблюдать за ним. Вдруг, приглядевшись к его руке, он увидел, что человек не опирается на Стену, а держит около нее мобильный телефон. Это еще больше поразило и заинтриговало его. Соединение новейшей технологии с глубокой древностью казалось немыслимым и сюрреалистическим. Макс извинился за любопытство и спросил, что означает столь необычный ритуал.

— Видите ли, уважаемый, — объяснил незнакомец, — мой брат живет в Нью-Йорке и молится по телефону у Стены Плача. Да будет вам известно, что Америка — это часть Иерусалима. — Он хитровато улыбнулся и отчетливо произнес, расчленив слово на три части: — Jer-USA-lem.

В этот момент внимание Макса привлек другой человек, с пухлым портфелем в руке. Он подошел к Стене и начал вынимать из портфеля маленькие рулончики стандартной писчей бумаги, складывать их пополам и засовывать в щели между камнями. Владелец мобильного телефона увидел, что Макс с удивлением наблюдает за этими действиями.

— Мне кажется, уважаемый, вы хотите спросить, что он делает, не так ли?

— Буду признателен, если объясните.

— С удовольствием. Это служащий телефонной компании. Он вкладывает в щели обращения к Богу, поступающие по факсу со всего мира.

Только сейчас Макс заметил, что все щели между камнями нашпигованы плотно спрессованными бумажками разных размеров.

— Что это за бумажки? — спросил он своего нового гида.

— О, это записки к Всевышнему. С их помощью каждый имеет уникальную возможность обратиться к Нему напрямую, без посредников. Единственный посредник — это сама Стена.

— Каждый? И я тоже?

— Вне всякого сомнения.

— А на каком языке должна быть записка?

— На любом. Он читает на всех языках. Главное — обращение должно быть искренним и правдивым. Никакой фальши или корысти.

— На любом языке? Могу ли я написать на немецком?

— Можете, конечно. Но мы ведь разговариваем с вами на английском. Почему вы хотите написать по-немецки? Напишите по-английски. — Он подумал и добавил: — Так будет лучше.

Собеседник Макса извинился, сказал, что торопится, пожелал ему доброго дня и начал пятиться от Стены. Макс вопросительно посмотрел на него. Тот заметил это и объяснил: «К Стене нельзя поворачиваться спиной. Таков наш закон».

Молитва по телефону, обращения к Богу по факсу, записки в щелях, запрет поворачиваться к Стене спиной — все это было для Макса неожиданным и удивительным. Он почувствовал себя невольным свидетелем таинственного фантастического священнодействия, героикоторого разыгрывали вечную библейскую тему сложных и запутанных отношений между человеком и Богом. Ему захотелось немедленно обсудить все это с Эсти и задать ей множество вопросов. Его первый вопрос касался записок.

— А что происходит с ними потом?

— Потом? Ничего особенного. Рано утром арабы-уборщики вытаскивают их из щелей железными крюками и выбрасывают вместе с остальным мусором.

«Вот как. Вместе с остальным мусором», — подумал Макс. Таинственное священнодействие обернулось мелкой экологической проблемой. Задавать другие вопросы он не стал...

Эсти была хорошим гидом. Она распланировала экскурсию по городу на два дня, а на третий день наметила поездку к Мертвому морю. Поэтому возвращаться в Тель-Авив не имело смысла, и она предупредила Рона, что ночевать они будут в Иерусалиме. Назавтра предстояло посещение мемориального музея Катастрофы «Яд ва-шем» с примыкающими к нему горой Герцля и военным кладбищем, где могилы генералов и солдат неотличимы одна от другой.

Они остановились в гостинице «Хилтон» и зашли поужинать в небольшой итальянский ресторанчик «Траттория» недалеко от нее.

— Макс, я так счастлива, что ты приехал. Наша встреча в Вене, открытие мемориала, сказочная поездка в Дюрнштейн — все это просто перевернуло мою жизнь. Я живу от встречи до встречи. А ты думал обо мне?

— Да, дорогая. Я думал о тебе, о себе, о Роне. И, говоря откровенно, не вижу выхода из этого треугольника. У нас нет будущего.

— А никакого выхода и не нужно. Пусть все так и остается. Наше будущее — это наше настоящее. Мы же можем себе позволить встречаться, где захотим и когда захотим.

— Почему ты так решила?

— Рон сказал, что ты сказочно богат, почти владелец компании. Вот я и подумала, что ты можешь в любое время поехать куда хочешь без чьего-либо разрешения. Разве это не так?

Макс рассмеялся.

— Во-первых, насчет сказочного богатства. Такие эпитеты годятся только для арабских шейхов. Я тебе уже говорил, что я состоятельный человек. Это действительно дает финансовую независимость, но не более того. А во-вторых, что касается поездок в любое время и в любое место, то у меня есть работа и большая ответственность перед компанией. Если я буду часто и подолгу отсутствовать, то ей будет нанесен ущерб.

— Макс, мне не нравится то, что ты говоришь. У меня такое чувство, будто я тебе надоела и ты начинаешь искать отговорки. Это так?

— Нет, это не так. Я никогда не встречал такую женщину, как ты. Такую сексуальную и такую умную. Но мы должны быть реалистами. Нельзя, закрыв глаза, бросаться в омут...

— И это мне тоже не нравится. Какие-то благо-разумные лягушачье-холодные слова. Работа, ответственность перед компанией, быть реалистами... Ладно, я знаю, как выбить эти вредные мысли из твоей головы. Идем в «Хилтон».

...Эсти несколько часов неутомимо выбивала из головы Макса мысли, которые ей не нравились. Она установила тариф. Каждый раз, когда он произносил слово «работа», она накладывала на него штрафное очко, а за слова «ответственность перед компанией» — три очка. И эти очки добавлялись к тому, что она, после латинского изречения Макса, стала называть «древнеримской нормой». В конце концов, он сдался и обещал, что встречи с Эсти будут для него приоритетными. «С учетом форс-мажорных

обстоятельств», — сделал он единственную оговорку. Эсти милостиво согласилась и добавила, что постарается держаться подальше от омута и не затаскивать в него Макса. Так, полушутя-полусерьезно, они заключили конвенцию, которую назвали иерусалимской.

Следующий день начался с мемориального комплекса «Яд ва-шем», что переводится как «Рука и Имя». В еврейской культурно-исторической традиции рука служит символом памяти. Например, в молитве о Иерусалиме говорится: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука». А значение и символика имени заключаются в том, что человек продолжает жить в памяти до тех пор, пока сохраняется его имя. Поэтому в картотеке музея хранятся миллионы имен жертв Холокоста, и она постоянно пополняется.

Наиболее зримо и трагично эта символика воплощена в уникальном зале памяти детей. В нем нет ни окон, ни электрического освещения. Слабый мерцающий свет исходит только от множества маленьких свечей. Их пламя отражается в тысячах зеркал, создавая подобие звездного небосвода. Звезды — это души убитых детей. Посетители молча проходят в темноте как бы внутри небосвода по специальному мостику. Рука каждого скользит по ограждающему поручню, указывающему направлению. В абсолютной тишине дикторы, мужчина и женщина, поочередно на иврите и английском произносят имена. «...Шимон Яблонски, шесть лет, Польша... Ида Гринберг, девять лет, Украина... Павел Штеха, пять лет, Чехословакия...» Полтора миллиона имен, читаемых непрерывно. Все, кто входят сюда, испытывают ни с чем не сравнимое потрясение.

...Макс медленно продвигался по мостику. Ничего подобного он раньше не видел и не слышал.

Вдруг его рука крепко сжала поручень. Дыхание у него перехватило. Он остановился, не в силах идти дальше. Нет, он не ослышался. «Эмма Адлер, 10 лет, Австрия». Эмма, Эмми. Сестренка Эмми. «Твоя сестра Эмми очень любит тебя. Когда ты был совсем маленький, она не отходила от тебя ни на шаг», — писал отец в прощальном письме. Судьбе было угодно, чтобы он встретился с ней здесь, в «Яд ва-шем», вдалеком Иерусалиме. Одна из тысяч мерцающих над ним звездочек — это она, ее душа. Чтобы не мешать идущим сзади, Макс и Эсти перешли на другую сторону мостика. Он замер в ожидании, будучи уверен, что сейчас услышит имя брата. Но дикторы уже читали другие имена. Макс подумал с беспокойством и горечью, что Арни по какой-то причине нет в списках. Однако Эсти уверила его, что это невозможно и что за разъяснением следует обратиться в отдел имен.

Сотрудник отдела выслушал их, включил компьютер и быстро нашел полную информацию: «Арнольд Адлер, двенадцать лет, Австрия, сын Леопольда и Берты, погиб в Маутхаузене вместе с родителями и сестрой Эммой». Макс попросил, чтобы имена Арни и Эмми произносились вместе. Его заверили, что исправление будет сделано незамедлительно. Затем, по его просьбе, были проверены имена родителей и деда Оскара. Они тоже оказались в списках. «С австрийцами у нас нет проблем, — сказал сотрудник. — Мы получили от них исчерпывающие данные. Они вели делопроизводство и учет с присущей им аккуратностью».

...После экскурсии по Иерусалиму была поездка к Мертвому морю. Наибольшее впечатление на Макса произвела легендарная крепость Масада недалеко от его южной оконечности. Вагон подвесной канатной дороги доставил их на плоскую вершину

скалы, где на высоте 400 метров археологи обнаружили руины двух царских дворцов и крепостных укреплений. Крутые отвесные утесы образуют неприступную естественную границу по всему периметру крепости. Эсти рассказала, что Масада была построена в первом веке до новой эры царем Иродом, а спустя столетие вошла в историю как последний оплот восстания против Рима. Крепость, в которой укрылись девятьсот шестьдесят человек, включая женщин и детей, держалась три года после подавления восстания и падения Иерусалима. Десятый римский легион больше года осаждал ее, возводя насыпь и готовясь к штурму. Когда защитникам стало ясно, что они не смогут противостоять многократно превосходящему противнику, было решено совершить коллективное самоубийство. Макс, как и все туристы, получил вместе с билетом на подвесную дорогу небольшой буклет по истории Масады. В нем была приведена последняя речь командира крепости Элиазара Бен-Яира, текст которой сохранился благодаря сочинению Иосифа Флавия «Иудейская война». Несмотря на двухтысячелетнюю давность, Макс прочитал ее с большим волнением. «Братья, мы первыми восстали против римлян и последними заканчиваем войну. Пришел наш час. Завтра те из нас, кто уцелеют в битве, могут попасть в руки врагов, стать рабами и быть растерзанными дикими зверями на потеху язычникам. Но сегодня мы вольны выбрать славную смерть вместе с теми, кого мы любим. Наши жены умрут неопозоренными, наши дети не познают ужасов рабства. Но прежде мы истребим огнем дворцовые сокровища. Только съестные припасы оставим в целости. Это покажет римлянам, что не голод нас принудил, а сами решили умереть свободными людьми в своей стране. Пока наши руки еще не

скованы цепями и могут держать меч, пусть они послужат нам последний раз. В огне и крови Иудея погибла. В огне и крови Иудея возродится. Шма, Израэль!»* — «Шма, Израэль!» — ответили сотни голосов. После этого каждый убил свою семью. Потом избрали по жребию группу воинов, которые закололи остальных. Наконец, последние оставшиеся десять человек метнули жребий, и тот, кому он выпал, заколол товарищей, а затем пронзил себя мечом. В живых остались только две старые женщины, которые подробно рассказали римлянам, что произошло. Командующий легионом Флавий Сильва был ошеломлен. Воздавая должное величю духа осажденных и их презрению к смерти, он приказал, вопреки традиции, не праздновать победу... Спустя почти два тысячелетия при археологических раскопках в небольшой пещере около крепостной стены были найдены двадцать пять скелетов мужчин, женщин и детей. В 1969 году они были захоронены с воинскими почестями. Ежегодно в крепости принимают присягу солдаты бронетанковых войск. Ее последние слова: «Масада больше не падет!»

...После Мертвого моря Макс и Эсти вернулись в Тель-Авив, а потом отправились на два дня в Галилею, называемую израильской Швейцарией. Там кровавая история этой древней земли снова напомнила о себе. На развалинах крепости крестоносцев они увидели яростный призыв их свирепого предводителя герцога Готфрида Бульонского, высеченный на уцелевшем фронтоне: «Убивайте всех. Бог своих узнает».

— Богу, наверное, пришлось хорошо потрудиться в те времена, — сказал Макс и, подумав, доба-

* «Шма, Израэль!» — «Слушай, Израиль!» — последний возглас евреев, идущих на смерть.

вил: — Не удивительно ли, что спустя семь столетий три свирепых правителя России, Китая и Камбоджи возродили этот безумный призыв. Они даже не нуждались в услугах Всевышнего, чтобы узнавать своих.

— Безумие заразительно и всегда повторяется. То ли еще будет... — Когда речь шла об исторических событиях, Эсти выражалась кратко и точно.

Макс улетел в Вену, полный впечатлений от переговоров со Шмуэлем, от Израиля и, конечно, от встреч с Эсти. Все складывалось как нельзя лучше — партнерство с «Дабл Эй», ожидание предстоящих открытий в Альберте, какой-то волнующий, но не очень понятный поворот в личной жизни...

15

Макс вызвал секретаря.

— Эрна, закажите пропуск для Зигфрида Кляйна. Когда он придет, сразу же пригласите ко мне.

— Хорошо, господин Адлер.

Кляйн появился за десять минут до назначенного времени. Он оглядел кабинет и одобрительно хмыкнул.

— Привет, Макс. Ты хорошо устроился. Рад за тебя. Наслышан, что тут у вас происходит. Однажды даже хотел позвонить, но решил, что ты это неправильно истолкуешь. Подумал, может, сам когда-нибудь вспомнишь. Мы ведь неплохо работали вместе, если не считать этих нелепых последних лет.

— Не будем об этом, Зигфрид. Я пригласил тебя не для воспоминаний. Как ты, чем занимаешься?

— Консультирую иностранные компании. Недавно закончил большую работу по Болгарии. По-

лучил приглашение от Албанской нефтяной компании. В общем, кручусь понемногу. Без работы не сижу.

— Опасная у тебя работа.

— Опасная? Что ты имеешь в виду?

Макс снял с полки последний номер американского журнала «Oil and Gas».

— Вот, взгляни на этот рисунок.

Кляйн посмотрел и рассмеялся. Два детектива разглядывают труп, и один из них говорит: «Судя по жестокости и количеству ножевых ранений, убитый, видимо, был консультантом по разведке нефти».

— Да, не дай бог втянуть заказчика в проект типа «Большой мухи». Легко можно оказаться в положении этого парня.

— Хочешь поработать в Австралии? — спросил Макс.

— В Австралии? Для «Эрдойль»?

— Нет. Никакого отношения к «Эрдойль». Это частный проект для одной небольшой иностранной фирмы. Она ведет разведочное бурение, но у них нет своего геолога. Гонорар весьма приличный, намного больше, чем тебе платят болгары или албанцы.

— Что за работа?

— Геологический контроль за бурением разведочных скважин, их испытание и подсчет запасов. По окончании разведки они хотят продать месторождение. Поэтому надо будет участвовать в тендере в качестве эксперта по геологии.

— Ну что ж, дело привычное. Когда начинать?

— Через месяц у них стартуют три скважины. Три они уже пробурили. К этому времени тебе надо быть на месте. И еще вот что. Работа абсолютно конфиденциальная. Никто здесь о ней знать не дол-

жен. Поэтому все это время ты обязан жить в режиме сухого закона. Если сорвешься, контракт будет сразу расторгнут.

— С этим все в порядке, Макс. Я уже больше года как завязал.

— Так что, берешься?

— Нет проблем. Макс, ты упомянул гонорар. Нельзя ли уточнить, о какой сумме идет речь?

— Речь идет о повременной оплате. Сколько тебе платят заказчики в месяц?

Кляйн назвал цифру.

— Будешь получать в тройном размере, — сказал Макс. — Но повторяю — никакой утечки информации. Даже о том, что я тебя рекомендовал на эту работу, никто знать не должен. От ее результатов зависят твои дальнейшие заказы.

— Понял. Можешь не беспокоиться. Ты меня знаешь.

Блок Стин Ривер вызвал интерес у многих компаний. Поэтому торги были упорными. Макс увеличил взнос при подписании контракта до двух миллионов долларов и включил в заявку ряд дополнительных обязательств, которые могли склонить чашу весов в пользу «Эрдойль». Они касались главным образом сокращения сроков разведочных работ, в чем правительство Альберты было особенно заинтересовано. В итоге компания выиграла тендер, и Макс сообщил Рону, что они могут приступить к отбору образцов.

Ответный факс пришел в тот же день. В нем указывалось место и время встречи с Пьером Леже в Калгари, а также уточнялись обязанности геолога «Эрдойль», который будет с ним работать. Подверхим обрезом страницы были обозначены стандартные данные: время отправления, факс отправителя

и название компании «Дабл Эй». Все это машина в Тель-Авиве печатала автоматически.

Эрна приняла факс и сняла с него копию. Оригинал сразу же передала Макс, а копию положила в сумочку...

Рудольф Вернер попросил секретаря пригласить к нему Рейнгольда Кларке. Это был новый сотрудник бумажного синдиката.

— Рейнгольд, у меня к вам не совсем обычный вопрос. Вы ведь раньше работали в нефтяной компании. Не приходилось ли вам слышать о какой-то новой разведочной технологии, — Вернер заглянул в блокнот и прочитал: — «которая позволяет обнаруживать месторождения быстро и с минимальными затратами и которая разработана небольшой фирмой»?

— Видите ли, господин Вернер, я не специалист по разведке, хотя и имею некоторое представление о ней. Это определение, я бы сказал, слишком общее, расплывчатое. Насколько мне известно, каждая компания старается вести разведку быстро и с минимальными затратами. Здесь многое зависит от опыта и квалифицированности персонала.

— Это понятно, Рейнгольд. Я имею в виду нечто совершенно другое — новая технология или, возможно, изобретение, которые никак не связаны с квалификацией персонала.

— Боюсь, что не смогу быть вам полезным, господин Вернер. Если была бы какая-нибудь дополнительная информация: ну, допустим, техническая основа изобретения или хотя бы название фирмы...

— Да, я понимаю. Данных мало. Точнее, их почти нет. Хорошо, можете идти.

Год назад Рональд Кларк, начальник отдела специальных проектов «Альбион Энерджи», находился в районе дельты Амазонки, где улаживал конфликт с бразильскими индейцами из-за бурения разведочной скважины на их землях. Он только что вернулся на базу в городке Белем после трехдневной поездки на остров Кавьяна. Его ждал факс из Лондона с сообщением об аварии вертолета, гибели руководства компании и предписанием о немедленном возвращении. Кларк сразу же связался с транспортным отделом и выяснил, что вертолет прошел техосмотр за три дня до злополучного рейса. Старший авиамеханик заверил его, что машина была в полном порядке, а погодные условия нормальные. Он добавил, что в день аварии внезапно исчез помощник механика, ирландец, который был принят на работу девять месяцев назад. У многих это вызывает подозрение. Не исключено, что здесь замешаны террористы из Ирландской республиканской армии.

Кларк умел анализировать факты, извлекать из них нужную информацию и делать правильные выводы. Он вспомнил, уже не в первый раз, операцию в Лонгриче и угрозу Алекса Франка: «Когда что-то случается с нашими людьми, то виновные просто взрываются в своих машинах и офисах». Да, все сходится. Это, несомненно, их рук дело. Ирландцы здесь ни при чем. После взрыва самолета с людьми «Дабл Эй» Кларк жил в тревожном ожидании, что что-то должно произойти. Теперь он не сомневался, что следующим будет он, Рональд Кларк, непосредственный исполнитель акции. Если уж они добрались до верхушки компании, то ему вряд ли удастся ускользнуть. Что же делать? Вернуться в Лондон и принять участие в расследовании? Без него оно не сможет пойти в правильном направлении. Только

он держит в руках ключ к событиям и понимает, что произошло.

Кларк сделал глоток виски и закурил сигару. «Но какой вообще смысл в расследовании? — подумал он. — Даже если вертолет поднимут со дна и установят, что это была диверсия, — что дальше? Тех, кто это сделал, наверняка след простыл. А те, кто стоит за ними, навсегда останутся в тени и вне досягаемости». Каким бы странным это ни казалось, расследование было не только бесполезным, но и нежелательным. По ходу следствия обязательно всплывет история с «Дабл Эй», и ничего хорошего это не предвещает. Как всегда в таких случаях, потребуется козел отпущения. А лучшего кандидата на эту роль, чем он сам, не найти. Кларк стряхнул пепел и отхлебнул еще виски. Мелькнула мысль, что дело принимает слишком личный оборот. При любом раскладе ему несдобровать. Или на нем отыграется компания, или, что еще хуже, — те, кто устроил аварию вертолета. Нет, он не вернется в Англию. Сейчас единственный выход — это затеряться в огромном мире и начать новую жизнь.

Кларк положил на стол стопку газет, накопившихся за время его отсутствия, и стал рассеянно просматривать их. Неожиданно его внимание привлек раздел объявлений о работе в «Файнэншиэл Таймс». Требуются, приглашаются, хорошие условия... Эти объявления как нельзя более соответствовали его мыслям. «Найти работу будет не так уж трудно, — подумал он. — Несколько лет на должности менеджера в крупной компании, диплом психолога Кембриджа, докторантура Боннского университета, знание основных европейских языков... Жизнь снова может обернуться не худшей своей стороной...» Он перевернул страницу и

увидел объявление бумажного синдиката в Вене: «Требуется руководитель сектора англоязычных стран в отделе экспорта... Свободное владение немецким и английским... Опыт ведения деловых переговоров... Знание основ психологии торговли и бизнеса...»

Через месяц Кларк уже работал в синдикате. Он слегка изменил свою внешность, вместо пышной шевелюры была теперь короткая стрижка. А главное — должность руководителя сектора занял не Рональд Кларк, а Рейнгольд Кларке, доктор психологии Боннского университета.

Вернер снова вызвал Кларке.

— Рейнгольд, в прошлый раз вы сказали, что нужна какая-нибудь дополнительная информация. Вот, взгляните на этот факс. Он адресован Макс Адлеру из «Эрдойль Гезельшафт». Нет ли в нем чего-то, что приблизит нас к пониманию вопроса?

Кларке начал читать текст. Первым, что бросилось в глаза, было хорошо знакомое название «Дабл Эй» под верхним обрезом. Затем имя Пьер Леже. Это тот парень, которого разыскал Дэвис из «Игл Корпорэйшн» и о котором он рассказал покойному Ларри Эвансу. Кларке прочитал короткий текст дважды и запомнил его. Потом вернул Вернеру.

— К сожалению, здесь нет ничего такого, что может прояснить вопрос. Во всяком случае, мне это ни о чем не говорит. Но хочу еще раз подчеркнуть, что я не специалист в этой области.

— Понимаю. А что такое, по-вашему, «Дабл Эй»?

— Трудно сказать. Возможно, это какая-то маркировка. Так, как вы знаете, обозначается степень надежности акций и других ценных бумаг — Дабл

Эй, Трипл Эй.* Здесь это может указывать на степень срочности или важности информации.

— Да, логично. Но нам это ничего не объясняет. Спасибо, Рейнгольд. Это все, что я хотел спросить. Можете идти.

У Кларка-Кларке не было ни малейшего желания опять впутываться в какие-либо дела, связанные с «Дабл Эй». Не для того он перебрался в тихую Австрию и сменил имя, чтобы снова оказаться в водовороте кровавых событий. Вернер еще не знает, во что ввязывается. Но предупредить его он не может. Это раскрыло бы тайну самого Кларка. Поэтому лучше держаться от всего подальше...

И тем не менее этот эпизод заставил его снова вспомнить всю цепь драматических событий. С чего все начиналось? С информации, которую Эванс получил от своего приятеля Дэвиса. Сам Дэвис и его «Игл Корпорэйшн» остались в стороне и перекинули hot potato** руководству «Альбион Энерджи», где первую скрипку играл напористый мачо Бриссон, Гарри-ковбой. И вот, из-за этого авантюриста, он, Рональд Кларк, сидит сейчас в бумажном синдикате и дрожит за свою жизнь. Ведь он предупреждал его, что с «Мосадом» нельзя связываться...

Все эти мысли и воспоминания вызвали у Кларка острое желание расквитаться с кем-нибудь за свою сломанную карьеру. Но с кем? Не с теми же, для кого кабина вертолета стала общим саркофа-

* Double AA, Triple AAA (англ.) — двойная и тройная надежность.

** Hot potato (англ.) — «горячая картофелина»; неприятная или опасная проблема, от которой стараются избавиться или перебросить другому.

гом. А не перебросить ли hot potato обратно туда, откуда они ее получили? Идея ему понравилась. Он нашел в Интернете факс Дэвиса и отправил ему анонимное сообщение: «Фирма „Дабл Эй“ планирует отбор образцов почвы для „Эрдойль Гезельшафт“ на разведочном блоке Стин Ривер. Руководит работой Макс Адлер. Отбор будет производить известный вам Пьер Леже, который встречается с геологом „Эрдойль“ в Калгари, в таком-то месте, в такое-то время». Чтобы на факсе не появились слова «Бумажный синдикат», Кларк отправил его из ближайшего почтового отделения.

Билл Дэвис прочитал факс еще раз. Он вызвал у него какое-то тревожное ощущение. Что-то было здесь явно не так, не в соответствии с нормами и правилами деловой переписки. И главное в этом несоответствии, конечно, отсутствие подписи. Он снял трубку и набрал номер Джека Тэйлора: «Зайдите, Джек».

— Вот, Джек, прочитайте, — сказал он и передал ему текст. — Что вы об этом думаете?

— Странный факс. Анонимный. Слова «известный вам Пьер Леже» говорят о том, что автор знает что-то о нашем прошлом интересе к «Дабл Эй» и о встрече с этим парнем из Квебека. Вы, Билл, рассказывали эту историю только покойному Ларри Эвансу, не так ли?

— Только ему и никому больше.

— Но факс не из Лондона, а из Вены. Из какого-то почтового отделения. Это тоже странно. Ясно одно — кто-то пытается снова столкнуть нас с «Дабл Эй», но сам при этом хочет остаться в стороне. Не думаю, что мы должны реагировать на такую информацию, очень похожую на провокацию. Вспомните две загадочные авиационные катастрофы — само-

лета с людьми «Дабл Эй» в Австралии, о которой вам рассказал Эванс, и ровно через год гибель его самого и всей верхушки «Альбион Энерджи» в Северном море. У меня ощущение, что эти события как-то связаны между собой. В любом случае нам лучше в эти дела не впутываться. А что касается факса, то его нужно просто выбросить.

— Пожалуй, вы правы, Джек. Я так и сделаю.

Когда Тэйлор ушел, Дэвис отыскал в Интернете факс нового вице-президента «Альбион Энерджи», занявшего место покойного Эванса, и переадресовал сообщение ему. Затем спустился на первый этаж, зашел в небольшой магазин фотопринадлежностей и переслал оттуда факс в Лондон. Он тоже не хотел держать в руках горячую картофелину. Но и забывать о неприятных и даже трагических событиях, связанных с «Дабл Эй», не собирался. Что-то, сидевшее глубоко в душе, не давало ему простить и прокол Фрэйзера из «Независимых детективов» в Вермиллионе, и скандальную итальянскую аферу, стоившую карьеры Андерсону, и гибель его друга Ларри Эванса. «Проблема не исчезла. Попробуем еще раз разобраться с ней», — подумал Дэвис и усмехнулся...

16

Разведочные работы в Канаде и в Австралии продвигались успешно. «Дабл Эй» выполнила анализ образцов почвы на блоке Стин Ривер, и Макс определил по ним участки для бурения. Три первые скважины были намечены на зиму, и он планировал на это время приезд в Канаду. Текущей оперативной работой по блоку занимался филиал «Эрдойль» в Калгари, а Дейв Пауэлл получил новое проектное задание — разведку концессии в Северном море.

Хотя Макс теперь и доверял ему, но не настолько, чтобы посвятить в дела, связанные с «Дабл Эй».

Зигфрид Кляйн уверенно и грамотно вел работы на блоке Уинтон. Макс регулярно получал от него информацию на свой домашний компьютер и по телефону. Таким образом, «Эрдойль» не была вовлечена ни прямо, ни косвенно в то, что происходило в Австралии.

Макс прилетел в Калгари солнечным зимним утром. Он взглянул на заснеженные поля вокруг аэропорта и подумал, что не зря захватил горнолыжное снаряжение. Его встречал Франц Пик, менеджер канадского филиала. По дороге в город он сообщил последнюю информацию о бурении на Стин Ривер и сказал, что вертолет заказан и завтра они могут лететь в район разведки.

Следующий день Макс и Франц провели на буровых. Все три скважины уже прошли первые сотни метров. Макс познакомился с инженерами, обсудил с ними геологические аспекты бурения и внес в проект кое-какие незначительные изменения. В Калгари вернулись поздно вечером. Утром Макс побывал в офисе филиала, где Франц представил ему сотрудников.

И вот, наконец, он закончил дела, уложил вещи в джип «тойоту», закрепил на нем лыжи и отправился на неделю в горы. Конечным пунктом поездки был городок Кимберли, недалеко от американской границы, лежащий у подножья самой длинной освещенной горнолыжной трассы в Северной Америке. Поэтому сюда съезжаются любители ночного катания со всего континента. Макс выехал на Трансканадский хайвей и повернул на запад. Через сто километров равнина закончилась и дорога вошла в канадские «рокки». Он проехал на запад еще пять-

десять километров, миновал жемчужину этого края городок Банф с его всемирно известным Международным центром искусств, повернул на юг по девяносто третьей дороге и пересек границу Альберты с Британской Колумбией. Еще двести пятьдесят километров вдоль величественных горных вершин, глубоких ущелий, стремительных горных рек, горячих источников и индейских резерваций, и вот перед ним возник словно игрушечный Кимберли, считающийся из-за своей архитектуры «самым австрийским городком» в Скалистых горах. И действительно, сочетание типичных тирольских домиков и улочек с петляющими горнолыжными трассами на соседних вершинах напомнило Макс району Инсбрука в Австрийских Альпах, где он обычно проводил зимний отпуск.

Он доехал до места в полдень, как и рассчитывал. Зарезервированный накануне небольшой уютный коттедж, внешне напоминавший горную хижину, уже подготовили к его приезду. Около камина были аккуратно сложены наколотые сухие поленья, на столе стояли ваза с фруктами и бутылка «Шабли». Макс принял душ, перекусил, немного отдохнул и облачился в горнолыжный костюм. Он не вставал на лыжи почти год и не стал терять время.

Через десять минут кресельный подъемник уже плавно нес его к вершине горы Северная Звезда. Сидя в кресле высоко над землей, Макс с каким-то привычным, но неизменно восторженным трепетом осматривал сказочно красивые окрестности. Лыжи были для него не только стремительным бегом вниз по склону, но и неповторимым зрелищем, волшебным сочетанием горных вершин, голубых озер, ослепительно белого снега и солнца. На все это можно было смотреть только через специаль-

ные защитные очки, закрывающие половину лица. Они приглушали яркие солнечные краски и придавали им фантастический желтовато-голубоватый оттенок. Макс всегда воспринимал это зрелище как воплощение всего самого прекрасного и волнующего, что есть не только в природе, но и, по некоей необъяснимой ассоциации, в искусстве — живописи, скульптуре, музыке, поэзии. Кроме того, он хорошо представлял себе, как рождались эти горы, какие глобальные катаклизмы сталкивали континенты и океанические плиты, как из всего этого хаоса возникла удивительная гармония горных хребтов и долин. И это знание добавляло к его восприятию еще одну грань, связанную с тектоническими играми природы, которые для Макса были столь же понятны и реальны, как застывший современный горный ландшафт.

Двухместное кресло подъемника приближалось к вершине. Макс откинул вверх предохранительную раму, поднял концы лыж и приготовился прыгнуть на снег.

— Вы направо или налево? — предупредительно спросил сосед, чтобы отъехать в другую сторону и избежать столкновения при соскоке.

— Все равно, — ответил Макс.

— Тогда я направо. О'кей?

— О'кей.

Макс легко соскочил с продолжавшего двигаться кресла и отъехал на левую стартовую площадку. Он окинул взглядом уходящую круто вниз извилистую трассу «Олений рог», согнул колени, сильно оттолкнулся палками и начал спуск, быстро набирая скорость. Ветер свистел в ушах, края лыж с хрустом резали снег на виражах — вжик, вжик... Возникло знакомое ощущение абсолютного владения телом и полного контроля над скоростью.

Макс любил быстрый спуск, азарт обгона и своеобразную игру, когда ты некоторое время идешь за кем-то след в след, повторяя его движения, а потом вдруг резко набираешь скорость и уходишь вперед.

...Далеко внизу он заметил женскую фигурку. Она спускалась легко и изящно, длинными прямыми ходами с едва заметными виражами. Макс увеличил скорость и сократил расстояние с ней. Ее техника была безупречна. Она шла на параллельных лыжах, ноги тесно прижаты одна к другой, корпус неподвижен, и только оба колена отклоняются вместе то влево, то вправо. Вот она выбрасывает вперед правую палку, делает легкий укол около острия лыжи, переносит тяжесть тела на другую лыжу и входит в короткий левый вираж. Потом левая палка идет вперед — и такой же правый вираж. Приталенный костюм подчеркивал ее ладную фигуру. Длинные рыжие волосы распластались на ветру. Макс какое-то время идет за ней след в след, а потом обгоняет. Поравнявшись, он бросает на нее быстрый взгляд, но увидеть лицо не удастся — оно закрыто защитными очками. Непонятно почему, но ему вдруг очень захотелось увидеть его. Объяснить это желание он не может, да и не пытается. Он просто подчиняется ему. Макс сбрасывает скорость и пропускает лыжницу вперед. До конца спуска он висит у нее на хвосте. В конце трассы она делает широкую плавную дугу и подъезжает к очереди на подъемник. Макс повторяет дугу и становится за ее спиной. Очередь короткая и движется быстро. Он подсчитывает пары и понимает, что они окажутся в одном кресле.

С полминуты они едут молча. Макс боится разрушить овладевшее им какое-то волнующее предчувствие. Наконец, он медленно поворачивает го-

лову, пристально смотрит на нее и тихо произносит: «Джулия». Она замирает и продолжает неподвижно смотреть прямо перед собой. Затем, не меняя позы, шепчет чуть слышно, одними губами: «Боже мой, Макс».

Комната была слабо освещена. Горели только три свечи по углам. В камине потрескивали поленья. На столе почти нетронутый ужин, заказанный в ресторане. Макс и Джулия сидели на диване, прижавшись друг к другу. Он обнял ее за плечи. Они разговаривали уже несколько часов. Время от времени возникали долгие паузы, которые заполнялись поцелуями.

Макс узнал, что Джулия развелась с мужем три года назад, что у нее есть сын, студент Гарварда. Она живет в Банфе, где руководит балетной студией в Центре искусств. Он рассказал ей о себе, главным образом о том, что ее особенно интересовало, — что он не женат и что у него нет детей. Драматических событий последнего года Макс не коснулся.

— Ты уже три года одна. У тебя есть кто-то? — спросил он.

— Теперь есть. И не кто-то, а тот, кто был всегда. Был в моих мыслях, в моем сердце. Его зовут Макс Адлер.

— Я не о том. — Макс улыбнулся.

— А я о том. И ни о ком другом. Знаешь что, — не задавай глупые вопросы.

Макс поцеловал ее.

— Все эти годы я часто вспоминал тебя, — сказал он. — И нередко в самой неожиданной ситуации и в самом неожиданном месте. Когда-нибудь расскажу об этом. Ты очень удивишься, узнав, где и когда это происходило.

— Например? Ты меня заинтриговал. Скажи сейчас.

— Нет, сейчас не время. Как-нибудь потом.

— Ну хорошо. Давай о другом. Двадцать пять лет назад ты сделал мне предложение. Оно еще в силе?

— Разумеется. У него нет срока давности.

— Я согласна.

— Ты уверена? Даже если я так же беден, как тогда?

— Для меня это никогда не имело значения. Богатство — самая зыбкая разновидность счастья. Знаю по своей семье.

— Ну, а если я очень богат? Ты все равно согласна?

— Тогда подумай.

— Ты прелесть, Джулия. Я действительно богат. А теперь, когда у меня есть ты, я сказочно богат. И снова прошу тебя стать моей женой.

— Пожалуй, я все-таки согласна. Несмотря на твое сказочное богатство. И знаешь, Макс, мы так долго ждали этого дня, что не будем откладывать и снова испытывать судьбу. Как только приедем в Банф, сразу же регистрируем брак в мэрии. Не возражаешь?

— Я готов ехать в Банф прямо сейчас.

— Сейчас не надо. Сейчас мы сделаем что-то другое. Немного переставим местами события и устроим настоящую первую брачную ночь. А потом в Банфе еще одну.

...В три часа ночи в голову Джулии пришла новая идея.

— Где это сказано, что первую брачную ночь нужно всю проводить в постели?

Она спрыгнула с кровати, подошла к окну и раздвинула занавески.

— Посмотри, что делается на трассе.

Макс направился к другому окну. Комната была освещена только неровными отблесками горевших поленьев. Прежде чем взглянуть в окно, он посмотрел на Джулию. Она стояла между ним и камином. Ее точеная, будто изваянная из мрамора, фигура балерины была очерчена огненными бликами. И каждая новая вспышка огня выхватывала из полумрака и освещала какую-нибудь другую часть тела — грудь, бедро, ногу.

— Ты не представляешь, дорогая, как красиво твое тело в свете каминного огня.

— Ты хочешь сказать, дорогой, что камин — это самое подходящее освещение для сорокапятилетней женщины? — Джулия засмеялась. — Нет, ты все-таки посмотри в окно.

Лыжная трасса была освещена. Работали подъемники. По снегу скользили лыжники. Макс вдруг вспомнились слова Шарля Ле Корбюзье: «В доме должны быть три главные вещи: первая — вид из окна, вторая — вид из окна и третья — вид из окна».

— Давай покатаемся пару часиков, — предложила Джулия.

И вот они снова на склоне. В ночном катании есть своя прелесть. Защитные очки не нужны. Без них краски более естественные, хотя и не такие яркие, как днем. Из установленных вдоль трассы динамиков льется хорошо подобранная музыка.

— Первое брачное ночное катание. — Джулия улыбнулась. — Будет что вспомнить и рассказать детям.

— Кому? — удивился Макс.

— Детям, — невозмутимо повторила Джулия, — нашим детям. Твоим и моим. Что тебя так удивило?

— Просто не думал об этом. — Макс замялся.

— Как так — не думал? Кому же ты оставишь свое сказочное богатство? Союзу девственниц или Армии спасения?

— Нет, но... видишь ли... возраст...

— Макс, тебе только пятьдесят шесть. Сам же говорил, что ты из породы долгожителей. Еще внуков дождешься. Я тоже в полном порядке. Какие проблемы?

— Ты права, дорогая, проблем нет. Поэтому, пока ты еще не беременна, давай-ка пройдемся по «черному ромбу».*

— Не возражаю. Хотя насчет беременности теперь не уверена.

Оба расхохотались. Через несколько минут они уже мчались по трассе «Тюлений ласт», вдоль которой стояли указатели с черными ромбами. Лыжи прыгали по бугристому склону, напоминая удары тюленьих ласт по снегу. Отсюда и название. Здесь требовалась особая техника, которой Макс и Джулия хорошо владели.

«Что за год! — подумал вдруг Макс. — Увольнение, наследство деда Оскара, Совет директоров, прямой метод. И в довершение всего — Джулия. Такой год заслуживает названия, как в Китае. Пусть он будет годом Золотого Брегета... Судьба знает, куда ведет нас. Но мы узнаем это только в конце пути...»

После регистрации брака в мэрии неожиданно самым сложным оказался вопрос о том, где им жить дальше. Джулия решительно отказалась возвращаться в Австрию, а Макс не мыслил свою

* «Черный ромб» — трасса высшей категории сложности.

жизнь без «Эрдойль». Они перебрали и обсудили различные варианты, включая Швейцарию, Францию, Америку, но ни на одном не остановились. Проблема была сложнее, чем казалась на первый взгляд. В конце концов они решили провести медовый месяц на Гавайях, а затем снова вернуться к ней. Но сделать это пришлось несколько раньше. Однажды, на острове Кауаи, они стояли на плоской вершине утеса, с которого речка Вайлуа срывается вниз, образуя самый красивый водопад архипелага. Джулия вдруг сказала: «Какое зрелище! Если бы не беременность, подошла бы к самому краю». Макс уже привык к ее милой манере — говорить о делах первостепенной важности как бы невзначай, между прочим. И при этом смотреть ему прямо в глаза. «О Джулия!» — только и смог он воскликнуть. В этом возгласе было все — любовь, благодарность, счастье... «Я никогда не бросаю слов на ветер», — подчеркнуто спокойно заметила она.

17

Разведка блоков Стин Ривер и Уинтон закончилась почти одновременно. На севере Альберты была обнаружена группа нефтяных месторождений, связанных с древними рифами. Как только появилось официальное сообщение об этом, стоимость акций «Эрдойль» резко подскочила. Макс выполнил обещание, данное на собрании акционеров.

Обе стороны были более чем довольны результатами сотрудничества друг с другом. У Шмуэля постепенно крепло убеждение, что участие Макса в их совместной работе не должно стать лишь эпизодом. Теперь он не сомневался, что в профессиональном отношении Макс не уступает Алексу, а по административному опыту и связям в нефтяном мире пре-

восходит его. Поэтому если «Дабл Эй» будет и дальше заниматься тем бизнесом, стратегию которого разработал Алекс, то без Макса им не обойтись.

...На этот раз они встретились в Вене, в доме Макса. Разговор с самого начала принял деловой откровенный характер.

— Макс, я прилетел сюда, чтобы сделать вам серьезное предложение. Но прежде хочу сказать, что я очень доволен работой, которую вы и Кляйн проделали в Австралии. Насколько я знаю, наша карта по блоку Стин Ривер также полностью подтвердилась, и вы не пробурили ни одной сухой скважины.

— Да, все совершенно верно. Ваш метод указал нефтеносные рифы абсолютно точно. Скажу больше. Мы все-таки пробурили две сухие скважины. Но они лишь подтвердили надежность метода. Мы пробурили их намеренно на рифах, которые на вашей карте были отмечены как пустые, без нефти. Это была дополнительная проверка метода на отрицательный результат, если так можно выразиться. Иногда, как вы знаете, плохие результаты намного хуже, а хорошие — намного лучше, чем ожидается. На Стин Ривер получился второй вариант — результаты превзошли наши ожидания.

— Прекрасно. Итак, вы проверили метод, а мы проверили вас. Поэтому я сейчас здесь. Я полагаю, что наше сотрудничество не должно на этом закончиться. Наоборот, это только начало. Надеюсь, вы того же мнения. Помните, тогда, на кладбище, я сказал о своем предчувствии, что вы примете эстафету от Алекса и Андрея?

— Помню. И сейчас у меня нет возражений.

— Замечательно. Видите ли, Макс, я не геолог и вообще не нефтяник. Моя специальность — деньги. Поэтому давайте перейдем к ним. Вы знаете, за сколько мы продали Камерон?

— Не знаю, но примерно представляю.

— Мы продали Камерон за триста пятьдесят миллионов долларов. Месторождение Уинтон стоит не меньше, если не больше. На него уже есть покупатель. Разведка одного такого месторождения занимает примерно полгода. Работая без особого напряжения, мы можем готовить по три месторождения каждые два года. Грубо это почти миллиард долларов. Ни один другой бизнес не обеспечивает даже близкую норму прибыли. Я предлагаю вам официально присоединиться к «Дабл Эй». Сейчас компания принадлежит трем владельцам. Моя доля составляет семьдесят процентов, и семьи Алекса и Андрея имеют по пятнадцать процентов. Остальной персонал — наемные работники. Если вы примете предложение, то я готов продать вам часть своей доли, вплоть до тридцати процентов. «Дабл Эй» — это особая компания. Она не имеет промышленной инфраструктуры и стационарной собственности. Все, чем мы владеем, это месторождения до их продажи и финансовые активы. Поэтому цена долевого участия по сравнению с доходами относительно невелика. После присоединения к компании вы автоматически получите доступ к ноу-хау. Это то, что касается финансовой стороны дела. Теперь о личных и профессиональных обязательствах. Вам придется уйти из «Эрдойль». Как вы понимаете, совмещать интересы обеих компаний невозможно. Разумеется, вы можете сохранить пакет акций и получать дивиденды, но участие в работе австрийской компании исключается. Такова в общих чертах суть предложения.

— Все это довольно неожиданно. Я должен подумать, Шмуэль, — сказал Макс.

— Да, конечно. Надеюсь, это не займет много времени.

— Полагаю, что завтра смогу дать ответ. А пока такой вопрос. Как вы себе представляете нашу совместную работу в территориальном плане? Должны ли мы иметь общий офис в одной стране?

— Это не обязательно. Вы можете жить в любой стране. В Австрии или где-либо еще. При нынешнем уровне электронных коммуникаций это не имеет особого значения.

— Ну что ж, это упрощает проблему. Знаете, Шмуэль, я ведь недавно женился. И моя жена ждет ребенка. А живет она в Альберте, в прелестном горном городке Банф. И не хочет уезжать из него. Если я приму ваше предложение, то смогу открыть офис в Банфе. Не так ли?

— Почему бы и нет. В любом месте земного шара, кроме Арктики и Антарктики. Так вы теперь женатый человек, Макс. Примите мои искренние поздравления.

— Спасибо, Шмуэль.

— Мне начинает казаться, Макс, что вы склонны принять мое предложение. Не так ли?

— Пока ничего не могу сказать. Я должен подумать. Завтра дам окончательный ответ.

— Хорошо. До завтра.

Вечером позвонила Эсти и снова попыталась уговорить Макса встретиться где-нибудь в Европе.

— Макс, ты нарушаешь иерусалимскую конвенцию. Поверь, женитьба — это не форс-мажорное обстоятельство и не повод для прекращения наших отношений.

— Сожалею, Эсти, но я вынужден денонсировать конвенцию в одностороннем порядке. — В голосе Макса послышалась шутливая интонация. — А если серьезно, то для меня женитьба — это больше, чем просто изменение семейного положения. Я женил-

ся на женщине, которую любил всю жизнь. И у нас скоро будет ребенок.

— Вот как. Рада за тебя. И все-таки очень жаль... Ну что ж, давай сохраним хорошие воспоминания.

— В этом можешь не сомневаться. Ты была прекрасным мгновением в моей жизни.

— Спасибо, Макс. Будь счастлив.

— И ты будь счастлива, Эсти.

На следующий день Макс дал согласие на предложение Шмуэля. Сразу после этого они обсудили некоторые общие юридические вопросы, связанные с его присоединением к «Дабл Эй», и договорились, что окончательным оформлением документов займется Рон Берман. «Рон ознакомит вас также с материалами расследования событий, которые произошли в Австралии. Вы должны будете изучить их внимательно. У нас нет права на еще одну ошибку», — сказал Шмуэль.

18

...Прошло три года. В малоэтажном Банфе на берегу горной реки появилось новое четырехэтажное здание из черного базальта, стекла и бетона. На его фронтоне были выбиты две большие буквы «АА» и ничего больше. Широкие окна кабинета Макса выходили на трехглавую горную вершину причудливой формы, как бы охраняющую город. Название ее, «Три сестры», напоминало о пьесе Чехова, которую он видел когда-то в Вене. На стене, напротив его письменного стола, висели портреты Алекса и Андрея, подаренные Шмуэлем. Иногда Макс пристально всматривался в их лица, словно пытаясь понять некую тайну, связанную с этими двумя парнями из России, почти его ровесниками,

чья трагическая судьба так тесно переплелась с его собственной. Как им удалось то, в чем потерпели неудачу все остальные? Счастливый случай, внезапное озарение или долгий целеустремленный поиск? Что их объединяло, и в чем они отличались друг от друга? Внешне Алекс и Андрей были очень разные. Но что-то неуловимое сближало их даже на фотографиях. Наконец Макс понял, в чем дело. Это было выражение глаз, а точнее — взгляд. Оба смотрели на него в упор, будто хотели не то спросить о чем-то, не то предупредить. Было в этом взгляде и напутствие, и предостережение одновременно. Они как бы говорили ему: «Макс, судьба выбрала тебя из тысяч других. Но не забывай, что за все надо платить. И не только деньгами. В бизнесе, как и на войне, важны не отдельные победы, а конечный результат».

Макс придавал особое значение тому, что Алекс и Андрей были из России. У него имелись для этого веские причины. Работая в «Эрдойль», он много слышал о российских геологах. Их поразительные успехи на территории Австрии превратились в своего рода легенду, которая берет начало со времени аншлюса, когда поиски нефти в стране резко активизировались. Германия катастрофически нуждалась в горючем и не жалела средств на разведочные работы. Открытие новых месторождений в Австрии стало стратегической задачей. Но несмотря на все усилия, результаты оказались более чем скромными. До конца войны были обнаружены только четыре очень маленькие залежи. Это привело к выводу, что потенциал открытий исчерпан и дальнейшие поиски не имеют смысла. После войны восточная часть Австрии вошла в советскую зону оккупации, и здесь было создано Советское нефтяное управление. Российские геологи, опираясь на уникаль-

ный опыт открытия более тысячи месторождений в собственной стране и применив open mind approach, пришли к заключению, что нефть искали не так и не там, где следовало. Уже в 1949 году в десяти километрах от Вены они открыли самое крупное в Австрии нефтегазовое месторождение Матцен, которое стало давать шестьдесят процентов всей добываемой в стране нефти. А вслед за этим обнаружили крупнейшее газовое месторождение Цверндорф, из которого Австрия получает половину всего добываемого газа. В общей сложности за пять лет были выявлены восемь новых месторождений. Столь впечатляющие успехи за короткое время на крохотной территории между Веной и чешской границей, где до этого проводилась интенсивная, но почти безрезультатная разведка, вызвали конфуз и растерянность австрийских и немецких геологов. С тех пор престиж российской школы нефтяной разведки остается в Австрии очень высоким. Когда Макс однажды рассказал эту историю Шмуэлю, у него сразу же возникла аналогия с Израилем. «Теперь я, кажется, знаю, что требуется для открытия у нас месторождений, — сказал он с хитроватым прищуром. — Нужно создать Российское нефтяное управление. А для этого необходима оккупация страны хотя бы на пять лет. — Он помолчал и добавил серьезно: — Впрочем, насколько я знаю, Алекс пытался применить в Израиле этот знаменитый open mind approach, но его и близко не подпустили к разведочным работам. Мы, слава богу, еще не оккупированы русскими. Израильские геологи не хотят испытывать конфуз и растерянность, которые постигли их австрийских и немецких коллег. Они предпочитают оставить страну без нефти...»

...Иногда в кабинет Макса по дороге из детского сада заходила Джулия с маленьким рыжеволосым

Леопольдом-Оскаром, который называл себя коротко Лео. Он сразу же начинал носиться по комнате и переворачивать все что мог. Устав, он забирался под письменный стол и затихал, устроившись у ног Макса.

...В специально оборудованных комнатах работали операторы. На их компьютеры непрерывно поступала информация из разных стран, где «Дабл Эй» одновременно вела разведку нескольких блоков. Техническое состояние скважин, результаты испытаний, каротажные диаграммы, анализ керна — все эти данные систематизировались и передавались Зигфриду Кляйну, а от него поступали к Максусу. Отдельное крыло занимали мобильные бригады, отбиравшие образцы почвы в районах разведки. Руководил ими Пьер Леже. Никто из сотрудников, включая Кляйна, не имел ни малейшего представления о том, как анализируются образцы и какая информация из них извлекается. Работа была организована так, что каждый знал лишь свой непосредственный участок. И только Максусу был известен весь технологический цикл и ноу-хау.

Аналитические приборы находились в Израиле. В связи с возросшим объемом работ их количество было сначала удвоено, а затем утроено. Работали на них опытные специалисты под руководством Рахель Франк.

Охрану компании и личную безопасность ведущих сотрудников обеспечивало агентство Давида Бен-Эзры, который создал для этого специальный отдел. Шесть сотрудников отдела во главе с Морисом Шахаром постоянно находились в Банфе.

...Дела «Дабл Эй» шли все лучше и лучше. Месторождения открывались, продавались, в разведку вводились новые блоки, на которых открывались новые месторождения. Все это напоминало ги-

гантский хорошо отлаженный конвейер, приносящий огромные прибыли. Макс и Шмуэль регулярно встречались, координировали работу и обсуждали текущие вопросы. Время Золотого Брегета продолжалось...

Такая активность не могла, конечно, ускользнуть от внимания нефтяных компаний. Многие признаки указывали на их возрастающий интерес к «Дабл Эй». Попытки этих компаний установить контакты с ее сотрудниками и получить информацию пресекались людьми Мориса Шахара быстро и решительно. У Макса и Шмуэля эти попытки не вызывали особого беспокойства. Они знали, что служба безопасности надежно прикрывает «Дабл Эй». Но вскоре им пришлось убедиться, что кое-кто имеет в отношении ее более серьезные намерения, выходящие за рамки сбора информации...

Однажды в секретариат компании позвонил незнакомый человек. Он коротко представился: «Салман Асад, Саудовская Аравия». Сказал, что находится в Банфе и хотел бы встретиться с руководителями «Дабл Эй». По времени это совпало, видимо, не случайно, с приездом Шмуэля. Секретарь передала его просьбу Максусу. Посоветовавшись, Макс и Шмуэль назначили встречу на следующее утро.

За десять минут до назначенного времени к офису подъехал лимузин. Из него вышли трое — Салман Асад и сопровождавшие его крепкие молодые люди. Охрана проверила их документы и обыскала. Затем Асада проводили на верхний этаж, в приемную Макса, а его спутникам было предложено расположиться в вестибюле. Гость вручил секретарю визитную карточку, которую она тут же отнесла в кабинет. Макс и Шмуэль с удивлением прочита-

ли: «Доктор Салман Асад. Вице-президент Национальной нефтяной компании Саудовской Аравии. Глава группы советников министра нефтяной промышленности шейха Ахмеда Ямани». «Пригласите», — сказал Макс.

В кабинет вошел высокий, худощавый, элегантно одетый человек с явно европейскими чертами лица. На вид ему было лет шестьдесят.

— Доброе утро, джентльмены, — произнес он низким приятным голосом. — Вы, вероятно, удивлены моим визитом. Но мир нефтяного бизнеса сегодня очень тесен. Поэтому следует скорее удивляться тому, что мы не встретились раньше.

— Да, мы несколько удивлены, — ответил Макс. — Но поскольку название вашей страны ассоциируется со словом «нефть», то ничего слишком удивительного в этом визите нет.

Асад улыбнулся.

— Прекрасно. Мне бы хотелось с самого начала внести ясность в предстоящую беседу. Прежде чем встретиться с вами, я получил исчерпывающую информацию о вашей компании, о ее поразительных успехах и, не буду скрывать, о вас лично, джентльмены. Но вы обо мне ничего не знаете. Это ставит нас в неравное положение. Не в моих правилах вести разговор, зная многое о собеседниках, но оставаясь для них «таинственным незнакомцем». Чтобы устранить это неравенство, я готов ответить на ваши вопросы. Даже вопросы личного характера.

Шмуэль и Макс переглянулись.

— Хорошее начало, — сказал Шмуэль. — Нам оно нравится. Я, пожалуй, начну с вопроса, который покажется вам странным. Среди арабских интеллектуалов из стран Аравийского полуострова порой встречаются люди внешне мало похожие на арабов. Но все же некоторые черты лица, иногда трудно уло-

вимые, говорят об их происхождении. У вас, мистер Асад, совершенно отсутствуют столь характерные черты уроженца Саудовской Аравии. Чем это можно объяснить? Если считаете вопрос некорректным или неэтичным, можете не отвечать.

— Вопрос вполне корректный и этичный. Я, например, знаю, что вы оба евреи. И полагаю, что вы имеете право знать о моем происхождении. Я мусульманин, но не араб. Мои отец и мать родились в еврейских семьях в Галиции, принадлежавшей тогда Австро-Венгрии. В двадцатых годах они приняли ислам и навсегда связали свою жизнь с мусульманским миром. Я родился в Пакистане, где отец входил в состав высшего руководства страны. Он много лет был Полномочным послом Пакистана в ООН. Затем семья переехала в Саудовскую Аравию, где у отца было много друзей, в том числе члены королевской семьи и шейх Ямани, основатель Национальной нефтяной компании. — Все это Асад рассказывал с подкупающей прямоотой и откровенностью.

— Как звали вашего отца? — спросил Шмуэль.

— Мухаммед Асад.

— Мухаммед Асад? Не он ли автор книги «Принципы мусульманского государства»?

— Да, это его книга. Вы читали ее?

— Читал.

— Перу отца принадлежит немало книг. Если помните, в «Принципах» он развивает тезис о глубокой связи между исламом и либеральной демократией.

— Помню. Но не разделяю его.

— Не вы один. У отца было много оппонентов. Особенно среди мусульманских теологов. И все же я считаю, что в главном он был прав. Ислам в основе своей подлинно демократическое учение.

— Да, история необычная, — подвел итог Макс. — Возможно, есть некий смысл в шутке американского писателя Бернарда Маламуда, сказавшего как-то, что все люди евреи, только не все знают об этом... Итак, что свело вместе троих евреев? О чем они собираются говорить?

— Простите, мистер Адлер, но я не еврей. То случайное обстоятельство, что мои отец и мать родились евреями, не делает меня евреем.

— Не хотел вас обидеть.

— Вы совершенно не обидели меня. Поверьте, я рассказал о своем происхождении не для того, чтобы добиться вашего расположения. Вы спросили, я ответил. Не считаю, что должен что-то утаивать. К тому же, эта история достаточно известна в мусульманском мире. Если у вас нет других вопросов, джентльмены, я бы хотел перейти к цели моего визита.

— Это нас весьма интересует. Итак, какова же цель? — спросил Макс.

— Мы хотим купить вашу компанию, — спокойно ответил Асад.

— Не больше и не меньше... — произнес Шмуэль, не скрывая иронии.

— Больше нам не нужно, а меньше нас не устраивает. — Асад сделал вид, что не заметил иронического тона.

— Нам нечего продавать. У нас нет собственности, кроме здания, в котором мы сейчас находимся.

— Да, мы знаем, что ваши акции не продаются на бирже. Тейквер вам не грозит. Поэтому речь идет о покупке метода, — невозмутимо уточнил Асад.

— Он не имеет цены, — сухо ответил Макс. — Так же как камень Кааба в Мекке.

— Наша стартовая цена два миллиарда долларов. — Асад говорил так, будто пропускал слова со-

беседников мимо ушей. — Но это не окончательная цифра. Вы можете предложить свою.

— Нам было очень интересно познакомиться с вами, мистер Асад, и узнать необыкновенную историю вашего отца. Но боюсь, вы совершили столь далекое путешествие напрасно. Метод не продается, — твердо сказал Шмуэль.

— Не надо торопиться, джентльмены. Первая реакция не всегда правильная. Как я уже сказал, цена открыта для обсуждения. Я остановился в гостинице «Банф спрингс». И намерен пробыть в этих благословенных местах еще неделю. Позвоните мне, если вам будет что сказать.

— Желаем хорошо провести время, мистер Асад. Спасибо, что посетили нас.

Когда Асад ушел, Шмуэль взял лист бумаги и написал запрос своему другу в министерстве иностранных дел: «Срочно требуется информация о Мухаммеде Асаде, бывшем после Пакистана в ООН. Вопросы — семья, детство, учеба, карьера, социальный статус и все остальное, относящееся к его жизни».

— Пусть секретарь отошлет факс немедленно, — сказал он. — Саудовская нефтяная компания — одна из крупнейших в мире. Не мешает знать родословную ее вице-президента более подробно.

Ответ из Тель-Авива пришел на следующий день. «Мухаммед Асад, имя при рождении Леопольд Вайс. Родился в 1900 году в Лемберге (сейчас Львов), Галиция, тогда часть Австро-Венгрии. Дед Якоб Вайс — ортодоксальный раввин, отец Соломон Вайс — адвокат. Вскоре после рождения Леопольда семья переехала в Вену. Изучал философию и историю искусств в Венском университе-

те. Курс не закончил, занялся журналистикой. Стал широко известен после публикации в 1921 году статьи о подлинных масштабах голода в Поволжье, вызванного большевистским переворотом в России. Материалы для статьи передала ему Екатерина Пешкова, жена писателя Максима Горького, приехавшая в Германию собирать средства для голодающих. Статья произвела сенсацию, и Вайс получил предложения о работе сразу от нескольких крупнейших газет. Принял предложение „Франкфуртер цайтунг“. Был послан ее корреспондентом на Ближний Восток, где провел три года. В Палестине разочаровался в сионизме и увлекся исламом. Объехал все арабские страны, завязав тесные связи с их руководителями и духовными лидерами, особенно с саудовским королем Абдулом Азизом ибн Саудом. В 1926 году Вайс и его жена Эльза перешли в ислам. Изучал арабский язык в Каирском университете Аль-Азхар. С этого времени Вайс под именем Мухаммед Асад начинает играть заметную роль в мусульманском мире. Был убежден, что будущее западной цивилизации связано с исламом. В конце сороковых годов возглавил борьбу за отделение мусульманских районов от Индии и разработал правовые основы создания независимого Пакистана. В 1947 году вошел в состав правящей верхушки страны, а затем стал послом Пакистана в ООН. Был инициатором нескольких антиизраильских резолюций. Ушел с поста после военного переворота в 1955 году, возглавленного Айюб-ханом, и переехал в Саудовскую Аравию, где занимался нефтяным бизнесом и литературной деятельностью. Его перу принадлежат перевод Корана на английский и ряд философско-религиозных трудов, среди которых наиболее известны „Принципы мусульманского государства“, „Дорога в Мекку“, „Ранние годы

ислама“ и автобиография „Возвращение сердца“. Умер в 1992 году. Единственный сын Салман занимает руководящий пост в Национальной нефтяной компании Саудовской Аравии. Родители Вайса-Асада, сестра Клара и брат Якоб погибли в лагере смерти Маутхаузен, Австрия.

Шмуэль передал текст Максусу.

— Удивительная история, Макс. И тоже начинается в Вене, как и ваша. Что вы думаете обо всем этом?

Макс прочитал сообщение с нескрываемым интересом. Последние слова произнес вслух: «Погибли в лагере смерти Маутхаузен».

— Моя семья тоже погибла в Маутхаузене, — сказал он. — Знаете, Шмуэль, а ведь этот Салман Асад и я в некотором роде даже родственники. Его тетя Клара была женой моего дяди Теодора Ландау. Согласно генеалогическому древу, о котором я вам рассказывал, она дочь адвоката Соломона Вайса из Галиции. А Мухаммед Асад его сын. Впрочем, Салман Асад вряд ли знает об этом... Да, какой невероятный культурный, религиозный и идеологический кульбит всего за три поколения — от ортодоксального галицийского раввина до представителя Пакистана в ООН. Признаться, когда вчера я слушал нашего визитера, то слабо верил в его рассказ. Оказывается, все правда, все так и было. Нужно ли придумывать закрученные литературные сюжеты и киносценарии, если самые невероятные истории можно брать из жизни...

— Да, поразительная история. Такие кульбиты обычно заканчиваются выморочными идеями. Только воспаленному воображению прозелита мог померещиться в исламе дух либеральной демократии. Еврейский лжепророк, заблудившийся в мусульманском религиозном болоте. А сколько

их заблудилось до и после него в политических дебрях Европы и России... Интересно, что за три года до рождения этого Леопольда-Мухаммеда другой венский журналист, Теодор Герцль, основал политический сионизм и проложил путь к созданию еврейского государства. А его земляк Вайс стоял у колыбели возникшего одновременно с Израилем мусульманского государства — одного из самых сильных и фанатичных. Такие кульбиты свойственны определенной разновидности евреев, обуреваемых патологической страстью лезть в чужие дела. Они несут в себе особый ген-мутант, заставляющий их делать это. А расплачивается весь народ... Сегодня Пакистан — центр исламского фундаментализма и единственная мусульманская страна, обладающая атомной бомбой. Непримируемый враг Израиля. Внук галицийского раввина был его повивальной бабкой. Теперь правнук раввина хочет купить для Саудовской Аравии, другого центра фундаментализма, прямой метод. В нефтяном мире это почти то же, что атомная бомба в мире глобальной политики. Мессианские метания отца и сына на тупиковых мусульманских дорогах сделали еще один твист и столкнулись с «Дабл Эй». Вместо наивного соединения ислама с чуждой и эфемерной либеральной демократией Салман Асад решил оснастить его реальным инструментом для экономической и политической экспансии. Итак, что вы думаете, Макс, об этом предложении?

— Я думаю, у них нет таких денег, за которые можно купить «Дабл Эй». Даже если они превратят в доллар каждую песчинку Аравийской пустыни...

— Ну, это уж чересчур, — рассмеялся Шмуэль. — Впрочем, иногда «чересчур» — это то, что нужно. Мне нравится ваша мысль.

Макс отвез Шмуэля в аэропорт Калгари и возвращался поздно вечером в Банф. Дорога уже вошла в горы, когда вдруг фары его машины высветили старенький «форд» на обочине. Из-под капота валил пар. Рядом стояла молодая женщина в спортивном костюме с дорожной сумкой на плече. Он остановил машину и спросил, не нужна ли помощь.

— Вряд ли вы сможете помочь. Кажется, потерялась крышка радиатора и вода выкипела.

— Куда вы едете? — спросил Макс.

— В Канмор. Это двадцать километров отсюда.

— Садитесь, я подвезу. Я еду в Банф. Канмор как раз на полпути.

— Спасибо. Я только возьму вещи.

Она открыла багажник и вынула чемодан. По тому, как она наклонилась, было видно, что он очень тяжелый.

— Поставьте на землю. Я помогу. — Макс поднял чемодан. — Что в нем?

— Книги.

Он перенес чемодан в свой багажник.

— Это все? Больше ничего не хотите взять?

— Больше ничего.

...Они ехали уже минут пять, но женщина не произнесла ни слова. Макс мельком взглянул на нее — миловидное лицо, большие черные глаза, короткая стрижка. Где-то он уже видел ее. Но где?

— Вы всегда так молчаливы? — спросил он.

— Извините, я немного устала. И потом, эта неприятность с машиной...

— Да, да. Я понимаю, — он подумал, что вопрос мог показаться грубоватым, и решил разрядить обстановку. — Меня зовут Макс Адлер.

— Очень приятно, мистер Адлер. Мария Фаркаш, — представилась она.

— Фаркаш? Вы из Венгрии?

— Да. Но в Канаде уже два года.

— А что вы делаете в Канморе?

— У меня здесь школа спортивных танцев. Я закончила физкультурный институт в Будапеште, — объяснила она.

Мария поставила сумку на колени и стала что-то искать в ней.

— Что-нибудь потеряли? — спросил Макс.

— Не могу найти косметичку. Наверное, оставила в машине.

— Хотите вернуться?

— Ну, что вы. Такая мелочь.

Подъехали к ее дому.

— На каком этаже вы живете? — спросил Макс.

— На третьем.

— Я донесу чемодан.

— Спасибо, вы очень любезны. Но я справлюсь сама.

— Нет-нет. Он слишком тяжелый.

Они поднялись на третий этаж.

— Большое спасибо, — сказала Мария. — Я бы с удовольствием пригласила вас на чашку кофе, но у меня не очень убрано.

— Не беспокойтесь, — ответил Макс. — Я спешу. Как-нибудь в другой раз. Доброй ночи.

— Доброй ночи, мистер Адлер.

Он сбежал по лестнице, сел в машину и продолжил путь в Банф. Уже дома, въехав в гараж, Макс случайно бросил взгляд на пол перед соседним сиденьем и увидел маленькую желтую сумочку. Это была та самая косметичка, которую искала его пассажирка. Он открыл ее. Содержимое было обычное — губная помада, пудреница,

разная косметика. В маленьком внутреннем карманчике лежали сто долларов и несколько визитных карточек. Он вынул одну и прочитал: «Мария Фаркаш. Школа спортивных танцев. Адрес, телефон».

Макс задумчиво вертел в руках косметичку. Потом поднял глаза, посмотрел на портреты напротив и спросил вслух: «Что вы думаете об этом, ребята?» Алекс и Андрей молча смотрели на него. Не дождавшись ответа, снял телефонную трубку и набрал номер.

— Доброе утро, Морис. Зайди ко мне. И захвати свой отчет по расследованию австралийских событий.

За минувшие три года Макс заметно изменился. Если раньше конфликты, в которых ему приходилось участвовать, касались только его самого, то теперь ставки были другие. По мере погружения в мир большого бизнеса он все яснее понимал, что великодушие, мягкость и склонность к прощению — наказуемы и угрожают существованию компании. Да и в личном плане ситуация отныне была не такая, как прежде. Теперь удар по нему означал удар по Джулии и маленькому Лео, который стал смыслом его жизни, продолжателем рода. Это сделало Макса жестким, готовым решительно и без промедления реагировать на угрозу. В минуту опасности он теперь становился все больше похожим на Шмуэля — холодный взгляд, собранность, четкие распоряжения...

Морис вошел в кабинет через несколько минут. В руках у него была толстая папка. Он вынул из нее отчет и положил на стол.

— Садись, Морис. А я пока посмотрю кое-что, — сказал Макс.

Он прочитал несколько страниц и поднял голову.

— Как же все-таки решился вопрос с Рональдом Кларком? Вы нашли его?

— Мы узнали, что он в Бразилии. Но когда наши люди прибыли туда, его уже не было. В Лондон он не вернулся.

— Понятно.

Макс вынул из карманчика на внутренней стороне обложки газету «Лонгрич Ньюс». В ней было интервью с Юдит Добос и фотография. Большие черные глаза, короткая стрижка...

— Еще вопрос. Напомни, пожалуйста, почему эта Мата Хари привлекла твое внимание?

— Нашелся человек, который видел ее в машине доктора Франка незадолго до похищения. Кроме того, клерк из «Козерога» рассказал, что она ночевала в гостинице накануне вылета группы в Перт. Это было подтверждено записью в книге регистрации. Но мы не смогли найти ее. Исчезла бесследно.

— Она не исчезла, — задумчиво произнес Макс.

Он подробно рассказал о вчерашней встрече на дороге и заключил: «Судя по фотографии, Фаркаш и Добос — одно лицо». Затем протянул Морису косметичку и визитную карточку.

— Займись этим, Морис, — голос Макса был жестким, и глава службы безопасности уловил это.

— «Школа спортивных танцев», — прочитал он. — В Лонгриче была школа аэробики. Как говорил мой инструктор, шаблон врага — твой лучший друг... Если это действительно она, то напрашиваются три вывода. Во-первых, ваш маршрут, мистер Адлер, и время поездки отслеживались, а неисправность машины инсценирована. Во-вторых, тяжелый чемодан потребовался для того, чтобы вы, как джентльмен, донесли его до двери. Если бы

проявили настойчивость, то могли получить приглашение на чашку кофе. И в-третьих, если бы чашка кофе не состоялась, то должны сработать сто долларов. Они обязывают вас приехать и вернуть косметичку. План хитроумный, но дилетантский. Как бы то ни было, мистер Адлер, с сегодняшнего дня вы и ваша семья будете находиться под постоянной охраной. Это приказ. А со школой спортивных танцев мы разберемся...

— Ну, что ж. Приказ есть приказ. — Макс улыбнулся.

«Судя по австралийским событиям, эти спортивные танцы не столь забавны и безобидны, как церемонные восточные телодвижения Салмана Асада, размахивающего чековой книжкой», — подумал он и вспомнил слова Шмуэля: «У нас нет права на еще одну ошибку».

20

...До наступления третьего тысячелетия оставалось около полугода. В небольшой городок Котал у подножья Гималаев на пакистано-афганской границе съехались несколько десятков человек. Они прибыли со всех концов мусульманского мира. И хотя одни из них были богатыми бизнесменами, а другие занимали высокое положение в своих странах, на пыльной площади перед неприметным зданием медресе, в котором они собрались, не было ни лимузинов, ни дорогих машин. Здесь стояли только старые обшарпанные джипы и такие же видавшие виды легковые автомобили. Подстать машинам была и одежда прибывших. Посторонний наблюдатель мог бы принять их за торговцев средней руки или контрабандистов, переправляющих через границу наркотики и оружие.

Когда все поднялись в зал на верхнем этаже, наступило время второго салата*. В этот момент через незаметную боковую дверь рядом с михрабом** вошел худощавый высокого роста человек лет пятидесяти. Одет он был в длинную светло-серую галабию, под которой виднелась рубашка цвета хаки. На узком лице с усами и аккуратной длинной бородкой выделялись большие печальные глаза и крупные чувственные губы. На голове его был белый тюрбан. Облик и одежда выдавали в нем уроженца Аравийского полуострова. Взгляды присутствующих сразу же обратились к нему. Вошедший застенчиво улыбнулся и жестом пригласил собравшихся приступить к салату. Он расстелил маленький коврик, опустился на него и провел ладонями по лицу. Все сделали то же самое.

По окончании молитвы охранники убрали коврики и расставили рядами стулья, стоявшие до этого вдоль стен. Затем они вышли и плотно закрыли за собой двери. Помещение превратилось в небольшой зал заседаний. На возвышении около михраба установили простой стол, и три человека, включая «аравийца», сели за него. Один из них взял микрофон, поблагодарил собравшихся за то, что они проделали такой далекий трудный путь, и предоставил слово главе Аль-Каэды Усаме Бин-Ладену. «Аравиец» подошел к трибуне.

— Уважаемые братья, — начал он тихим ровным голосом, — вы все знаете, с какой целью руководство нашей организации пригласило вас в это место, удаленное от глаз тех, кто не должен знать о наших планах. Наступает третье тысячелетие

* Салат (арабск.) — пятикратная ежедневная молитва; на фарси — намаз.

** Михраб — специальная ниша для молитвы.

христианской эры. Для нас, мусульман, эта дата не имеет никакого значения — ни исторического, ни календарного, ни символического. Мы живем в 1378 году хиджры*. И это единственное истинное летоисчисление, установленное пророком Мухаммедом по воле Аллаха. Поэтому если третье тысячелетие что-то и символизирует, то только прогрессирующее одряхление так называемой западной цивилизации, по сравнению с которой наша религия и культура моложе почти в два раза. И, соответственно, у нас во много раз больше жизненных сил и веры в то, что будущее принадлежит исламу, а не погрязшему в пороках альянсу Запада с сионизмом. Но посмотрим правде в глаза, братья. Это будущее может оказаться очень далеким, если мы не приблизим его с помощью джихада, завещанного нам пророком. Уклонение от джихада под разными предложениями — это самый большой грех перед Аллахом, особенно в свете следующего важного обстоятельства. Если для нас, как я уже сказал, первый год нового тысячелетия — это всего лишь еще один год хиджры, то подверженный нелепым страхам и суевериям Запад готовится чуть ли не к концу света. Бесчисленные предсказатели и аналитики запугивают природными и техногенными катастрофами, эпидемиями, новыми, неизвестными ранее, болезнями. Нашлись даже специалисты, заявляющие о предстоящем коллапсе глобальной сети Интернета. Все это делает ближайший год, с точки зрения психологического эффекта, исключительно благоприятным для крупномасштабной операции. Таковы общие положения. Теперь

* 11 сентября 622 года Мухаммед прибыл в Медину из враждебной Мекки. Эта дата считается началом мусульманской эры хиджра.

о конкретных планах. Некоторое время назад Аль-Каэда ознакомила вас со своей стратегической концепцией. Она заключается в нанесении внезапных сокрушительных ударов по наиболее важным и уязвимым объектам экономической, социальной и военной инфраструктуры Запада. Руководство организации приняло принципиальное решение, что первый удар будет нанесен 11 сентября, когда пророк Мухаммед прибыл в Медину и возвестил начало эры хиджра. Аллаху угодно, чтобы сентябрь 2001 года стал началом эры глобального джихада. Какова ваша роль, братья, в этих планах? Не секрет, что мы не смогли прийти к единому мнению относительно главного объекта для удара. Поэтому год назад мы обратились к вам, уважаемые спонсоры, с просьбой помочь в выборе такого объекта. Наша аналитическая группа рассмотрела все поступившие предложения. Одно из них признано наиболее серьезным и перспективным, поднимающим планку борьбы с Западом на новый уровень. Отныне все наши усилия сосредоточены на его детальной разработке. Автор этого замечательного предложения находится в зале (Усама едва заметно кивнул кому-то во втором ряду), и я хочу особо поблагодарить его. Считаю долгом выразить признательность и другим авторам, чьи рекомендации мы получили. К сожалению, не все поняли наше обращение правильно. Например, алжирские братья предлагают разрушить Эйфелеву башню. Они не учитывают, что совсем скоро этот символ Франции станет высочайшим в мире минаретом и укажет Европе путь к исламу. Некоторые другие братья решили, что с нашей помощью они могут устранить своих западных конкурентов и внесли весьма курьезные, чтобы не сказать смехотворные, предложения. Так, некая уважаемая фирма по производству ковров, оказы-

вающая нам посильную финансовую поддержку, предлагает взорвать несколько ковровых фабрик в Европе (в зале раздался общий смех). Недалеко ушла от нее и одна уважаемая нефтяная компания, которая желает разделаться с какой-то еврейской нефтяной фирмой (при этих словах Салман Асад, сидевший в первом ряду, бросил на Бин-Ладена презрительный взгляд. «Усама остался таким же надутым болваном, каким был всегда», — мысленно отметил он). Но некоторые предложения нас заинтересовали как возможные объекты второй и третьей очереди. В ближайшее время мы обсудим их в рабочем порядке. Что касается других рекомендаций, то авторы приглашаются еще раз разъяснить свою позицию. Мы их внимательно слушаем. Нельзя исключить, что мы чего-то не поняли. Ведь мы всего лишь скромные воины Аллаха, а не мудрецы или ученые. — Усама печально улыбнулся.

Когда Бин-Ладен покинул трибуну, Салман Асад подошел к нему.

— Усама, ты в самом деле не мудрец. Как у тебя хватило ума поставить наше предложение в один ряд с просьбой этого ковровщика? Как ты можешь сравнивать нефть, наше главное оружие, с коврами? Я хочу серьезно поговорить с тобой и с членами этой твоей аналитической группы.

— Хорошо, уважаемый Салман. Мы можем еще раз обсудить твоё предложение. И прошу тебя — не обижайся. Меня завалили этими так называемыми проектами. Если бы верблюд моего дедушки увидел некоторые из них, он бы умер от смеха.

После обеда человек Бин-Ладена приехал за Асадом и отвез его в маленький ничем не примечательный домик на окраине городка, у въезда в Хиберское ущелье. Там уже собралась вся аналитическая группа из семи человек. Среди них были

специалисты по строительству и эксплуатации высотных зданий, эксперты по городской инфраструктуре, экономисты, психологи. Один из аналитиков, представленный Асаду как эксперт по баллистике и направленным взрывам, оказался, к его удивлению, голубоглазым блондином лет сорока, с внешностью профессора. Асад обратил внимание на едва заметную ироническую улыбку, которая появилась на его лице, когда кто-то произнес слова «по воле Аллаха». Тем не менее было очевидно, что Бин-Ладен относится к нему с большим уважением и доверяет не меньше, чем остальным членам группы.

Асад начал с того, что объяснил собравшимся значение нефти в мировой экономике и политике. Он приводил цифры, ссылаясь на исторические примеры, когда Германия и Япония проиграли войну из-за отсутствия этого стратегического сырья, напомнил недавние события, связанные с Кувейтом и Ираком.

— В мире нет ничего важнее нефти, — продолжал он. — По воле Аллаха мы владеем огромными запасами ее и можем диктовать цены на мировом рынке. Но с годами поиски новых месторождений становятся все труднее и дороже. И вот появляется какая-то ранее не известная фирма, принадлежащая двум евреям, которые изобрели новый исключительно дешевый метод обнаружения нефти. Пока они используют его только для себя. Но история учит, что такие фундаментальные изобретения не могут долго оставаться тайной. Недалеко время, когда этот метод станет достоянием всех нефтяных компаний, и тогда цена на нефть резко упадет. Это отразится не только на наших доходах, но и на финансовой помощи, которую получает Аль-Каэда. В современном мире, братья, все взаимосвязано,

и ваши интересы неотделимы от наших. Мы попытались купить изобретение, предложили хорошую цену. Но натолкнулись на решительный отказ. Владельцы фирмы даже не пожелали обсуждать сделку. Поэтому руководство компании возлагает решение проблемы на тебя, Усама, и на твою организацию. Вы должны обеспечить нам доступ к этому изобретению.

— Мы с большим вниманием выслушали тебя, уважаемый Салман, — ответил Бин-Ладен. — И не можем не согласиться, что нефть, дарованная нам Аллахом, имеет важное значение для джихада. Запад платит нам за нее мизерную цену. Это величайший грабег за всю историю человечества. Придет время — и мы сокрушим Америку и Европу с ее помощью. Но цель нашей первой крупномасштабной акции не только военная или экономическая. Прежде всего она психологическая. И если мы направим ее против этой малоизвестной фирмы, о которой ты говоришь, то о психологическом эффекте можно забыть. Сожалею, уважаемый Салман, но мы не можем не учитывать это. Почему бы тебе не обратиться к палестинским братьям? Они с радостью сделают эту работу. И вам она обойдется дешевле. Но если ты все-таки настаиваешь, чтобы ее выполнила Аль-Каэда, то мы можем включить эту еврейскую фирму в наш общий список объектов и занять ее в порядке очередности.

— Мы платим тебе, Усама, а не палестинцам. И требуем выполнения обязательств, взятых на себя Аль-Каэдой. Очередность объектов меня не интересует. Это ваши внутренние бюрократические игры. Работа должна быть сделана.

— Хорошо, уважаемый Салман. Мы снова обсудим твоё предложение. Время еще есть. Аллах акбар!

— Аллах акбар! — ответил Асад. — А сейчас меня ждет вертолет. Распорядись, Усама, насчет машины.

После ухода Асада раздались негодующие возгласы. Присутствующие были задеты и даже оскорблены не только его требованием, но и тоном, которым он разговаривал с Усамой. Наконец Бин-Ладен призвал к тишине.

— Этот еврей считает, что за деньги можно купить все — нефть, кровь шахидов и даже акции джихада, — сказал он раздраженно. — Он думает, что если дает деньги, то может приказывать тем, чьи деды водили верблюжьи караваны по священной Аравийской пустыне. Но он ошибается. Омар, как проходит подготовка операции «Хиджра» в Нью-Йорке и Вашингтоне?

— Все идет по плану, уважаемый Усама. Шахиды уже закончили курсы пилотов и заняты изучением маршрутов и расписания полетов на внутренних авиалиниях.

— Если Аллаху будет угодно... — смиренно произнес Бин-Ладен и молитвенно сложил ладони.

— Да будет Аллаху угодно! — уверенно воскликнул шейх Омар. — Аллах акбар!

— Аллах акбар! — ответили аналитики.

В этот момент голубоглазый блондин многозначительно кашлянул. Бин-Ладен это заметил.

— Вы хотите что-то сказать, уважаемый профессор? — спросил он.

— Да, если позволите, уважаемый Усама. Я не ставлю под сомнение необходимость операции «Хиджра», но вместе с тем полагаю, что к предложению мистера Асада также следует отнестись со всей серьезностью. В будущем именно оно может способствовать превращению нефти в ваше главное стратегическое оружие, о чем вы сами упомина-

нули в разговоре с ним. Поэтому было бы разумным помочь ему овладеть методом, о котором он говорил.

Бин-Ладен посмотрел на профессора с неожиданным интересом.

— Вы так думаете? В таком случае не могли бы вы изложить свою мысль более подробно в письменном виде?

— С удовольствием, уважаемый Усама. Но для этого мне необходимо встретиться с мистером Асадом.

— Хорошо. У меня нет возражений.

Август 2003 г., Иерусалим

